

Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана

УДК 81.1.111'42

На правах рукописи

КОЖБАЕВА ГУЛЬБАКЫТ КАНАТОВНА

**Лингвокультурологический аспект перевода американской
мультикультурной литературы с английского на русский язык**

6D020700 – Переводческое дело

Диссертация на соискание
степени доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
доктор филологических наук, профессор
Ислам А.

доктор филологических наук, профессор
Ндэй А.И.
Варминьско-Мазурский университет
(г. Ольштын, Польша)

Республика Казахстан
Алматы, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1.1 Отражение парадигмы метамодерна в мультикультурной литературе	12
1.2 Интердисциплинарные основы изучения американской мультикультурной литературы	28
1.3 Лингвокультурологический подход в современном переводе.....	39
Выводы по первому разделу.....	53
2 ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	56
2.1 Переводческий аспект лингвокультурно-детерминированного нарратива американской мультикультурной литературы	56
2.2 Лингвокультурологические особенности американской мультикультурной литературы	72
2.3 Передача лингвистической интерференции при переводе двуязычия, транслингуации, контаминированной речи.....	85
Выводы по второму разделу.....	108
3 ПЕРЕВОД ЛИНГВОКУЛЬТУРНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	112
3.1 Перевод лингвокультурно-обусловленных особенностей: инокультурные вкрапления и интертекстуальность.....	112
3.2 Трансляция лингвокультурно-обусловленных средств образности в переводе американской мультикультурной литературы на русский язык.....	136
3.3 Лингвокультурологическая адекватность перевода американской мультикультурной литературы.....	154
Выводы по третьему разделу	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	171

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД – перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности

АМЕРИКАНСКАЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА – литературные произведения, отражающие опыт, ценности и культурные традиции различных этнических, расовых и культурных групп, составляющих американское общество

ЛИНГВОКУЛЬТУРА – совокупность языковых и культурных элементов, отражающих специфические особенности мировоззрения, менталитета и ценностей определённой этнокультурной группы, проявляющаяся в языке

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД – подход в переводе, который учитывает языковые и культурные аспекты исходного и целевого текста и стремится передать культурные особенности, значения и контексты, специфичные для каждой культуры, обеспечивая адекватное понимание и восприятие переведённого текста в другой культурной среде

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ – сочетание языковых и культурных элементов, отражающих разнообразие этнокультурных идентичностей американского общества в мультикультурном художественном произведении

ЛИНГВОКУЛЬТУРНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ – языковые и культурные выражения, метафоры и символы, которые отражают различные этнокультурные контексты и идентичности, присущие американскому обществу и формируют специфическую образность и стилистические особенности мультикультурных произведений

МЕТАМОДЕРН – культурное и философское направление, возникшее в начале XXI века, характеризуемое смешением и чередованием между модернистскими и постмодернистскими идеями и ценностями, стремлением к синтезу и преодолению противоречий между ними

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – социокультурная концепция, поддерживающая и признающая культурное разнообразие в обществе, поощряющая взаимодействие и равноправное сосуществование различных культурных групп

НАРРАТИВНЫЙ МОДУС – способ структурной, лингвистической и стилистической организации повествования, отражающий мультикультурные характеристики литературного произведения

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД – перевод литературных произведений, который стремится сохранить художественную ценность, стиль и эмоциональное воздействие оригинального текста в другой языковой и культурной среде

ВВЕДЕНИЕ

Современное глобальное общество представляет собой синтезированную модель, формируемую динамичной интеграцией цивилизаций. *Метамодерн*, понимаемый как парадигма общественного сознания, интегрирует разнообразные философские, политические, социо-экономические, культурные тенденции новейшего времени и способствует конструктивному и адаптивному межкультурному взаимодействию. *Мультикультурализм*, являясь ключевой концепцией метамодерна, играет важную роль в организации культурно-разнообразного пространства. Во взаимообогащающем процессе общественного развития, представители этнокультурных групп имеют возможность сохранить свое лингвокультурное наследие, ассимилироваться или обрести пограничную идентичность, характеризующую принадлежностью к нескольким культурным системам одновременно.

В этом контексте, литература, выступая формой осмысления объективной реальности, в полной мере отражает современные социокультурные процессы, включая метамодернистские тенденции, которые особенно ярко проявляются в американской мультикультурной литературе. Произведения Ч.Н. Аличчи, О. Грушининой, Х. Диаса, Т.И. Коутса, Д. Лахири, А. Пафиси, Э. Тан, Д. Форда, Х. Хоссейни, Г. Штейнгарта и других мультикультурных авторов, являясь интермедиальным продуктом на стыке культур и языков, выступают как *литература инклюзивная*, представляющая расовое, этнокультурное и языковое разнообразие всех представителей мультикультурного общества и способствующая культурное взаимопонимание в американском обществе.

Перевод американской мультикультурной литературы является основным фактором передачи характерной специфики метамодернистского многообразия на глобальном уровне. Представляя собой процесс трансгрессии культурных границ, перевод требует равнозначной передачи как сюжетно-тематического содержания, так и лингвокультурных характеристик, выполняющих контекстно-образующую и этно-идентифицирующую функции. Ключевой задачей перевода мультикультурной литературы является адекватная передача этнокультурной идентичности, в первую очередь, комплексно выраженной посредством лингвокультурной обусловленности языковых средств.

В данном исследовании обосновывается лингвокультурологический подход к переводу мультикультурной литературы, учитывающий многоуровневую языковую и культурную детерминированность и позволяющей достичь адекватного перевода этнолингвокультурных особенностей исходного текста.

В целом, философские и социокультурные основы *метамодерна* и его аспектов, включающих *мультикультурализм* и в частности *американскую мультикультурную литературу*, фундаментально исследованы современными учеными (Р. ван ден Аккер, Г. Анзалдуа, З. Бауман, Т. Вермюлен, Х.Л. Гейтс Мл, А.Ли, У. Кимлика, П. Кирабаев, Б. Парех, Л.А. Розенвальд, Э. Саид, Р. Такаки, М. Тлосанова, С.Д. Тротман, П.Е. Хейке, А. Флерас, и др.). Однако,

необходимо отметить, что исследования, посвященные мультикультурализму в литературоведении зачастую ограничены одним этнокультурным направлением или произведением.

В свою очередь, анализ теоретических работ в области перевода американской мультикультурной литературы также дает основание утверждать, что внимание существующих переводческих исследований направлено на изучение некоторых аспектов перевода, таких как передача двуязычия, трансляций гендерной идентичности или влияния родной этнокультуры автора на создание средств образности произведения (Е. Гентцлер, А.С. Зентелла, В. Нгуен, Е.С. Нельсон, А. Портес, М.Е. Санчес и др).

Вышесказанное дает основание утверждать, что требуется интегративное междисциплинарное изучение американской мультикультурной литературы как целостное явление в современном литературном процессе и выявление специфических лингвокультурологических особенностей, выполняющих этно-идентифицирующие функции. Комплексное исследование универсальных нарративных и лексико-семантических аспектов выражения лингвокультурной детерминированности необходимо для определения способов адекватного перевода, основанных на лингвокультурологическом подходе к переводу.

В целом, лингвокультурологические аспекты перевода восходят к переводу художественной литературы. Однако теоретический обзор показал, что лингвокультурологический подход в переводоведении характеризуется изучением перевода отдельных лингвокультурно-маркированных лексических или стилистических единиц в рамках одной лингвокультуры на основе определённого произведения (А. Ермагамбетова, А. Алдашева, С. Сейденова, К. Каримова, Ж. Манапбасва, Я. Голованова, Ж. Жумай, Л. Лэй, А. Абаган и др.).

Необходимо отметить, что теоретические основы перевода мультикультурной литературы недостаточно разработаны, что обуславливает необходимость целостного выявления лингвокультурологических аспектов, определяющих переводческие сложности, определение способов достижения адекватности перевода американской мультикультурной литературы с позиции лингвокультурологического подхода к переводу.

Таким образом, вышеуказанные факторы определяют **актуальность темы исследования.**

Объектом исследования является художественный перевод современной американской мультикультурной литературы.

Предметом исследования является лингвокультурологический аспект передачи структурных и содержательных особенностей американской мультикультурной литературы в переводе с английского на русский язык.

Цель исследования заключается в определении лингвокультурно-детерминированных особенностей американской мультикультурной литературы и способов достижения их адекватной передачи в переводе с английского на русский язык.

Для достижения поставленной цели ставятся и решаются **следующие задачи:**

-теоретическое осмысление философских, социокультурных и филологических тенденций общественной парадигмы *метамодерна* и определение взаимосвязи его концептуальных принципов с американской мультикультурной литературой;

-обоснование лингвокультурологического подхода в переводе как наиболее релевантной для решения переводческих задач, возникающих при переводе американской мультикультурной литературы;

-выявление лингвокультурологической детерминированности американской мультикультурной литературы на уровне нарративной макроструктуры и способов ее передачи в переводе на русский язык;

-определение способов перевода лингвокультурологических особенностей американской мультикультурной литературы, обусловленных лингвистической интерференцией в переводе с английского на русский язык;

-выявление способов перевода, используемых для передачи лингвокультурологических особенностей лингвокультурной интерференции, выраженной инокультурным вкраплением, интертекстуальностью и средствами образности в переводе с английского на русский язык;

-определение уровней адекватности при передаче лингвокультурно-детерминированных особенностей в переводе американской мультикультурной литературы с английского на русский язык.

Теоретико-методологической базой послужили исследования отечественных и зарубежных лингвистов в области литературоведения, лингвокультурологии, художественного перевода и лингвокультурологического подхода в переводе:

-теоретические исследования, обосновывающие *метамодерн* как культурную тенденцию и взаимосвязь с мультикультурализмом: Р. ван ден Аккер, З. Бауман, Т. Вермюлен, Н. Кирабаев, У. Кимлика, Б. Парех, Л. Тернет, Д. Тротман и другие;

-исследования американской мультикультурной литературы и художественного нарратива: Г. Анзалдуа, М.В. Тлостанова, М. Заварзаде, Х.Л. Гейте Мл., С. Ананьева, М. Маданова, А.А. Джундубаева, Ж. Женетт, Ю.М. Лотман, Э. Саид, М. Бахтин, Р. Такаки, А.Р. Ли, Г. Смитерман и другие;

-труды, посвященные проблемам перевода американской мультикультурной литературы: Г.Ч. Сливак, О. Отвсли, Т. Мартинсс, А. Плакс, М. Санчес, В.Б. Трейтлер и другие;

-исследования, выполненные в рамках лингвистической, культурно-ориентированной теории и лингвокультурологического подхода к переводу: В.Н. Комиссаров, Л. Венутти, С. Басснет, А. Лефевевер, Х. Бхабха, Э. Генцлер, М. Бейкер, Е. Пайда, А. Алдашева, В.И. Карасик, А.С. Ермагамбетова, А. Ислам, К.К. Каримова, С.Д. Сейденовой, К.С. Кубрякова, А.Б. Абаган, Ж.Ж. Манапбаева, С.С. Мухтарова, И. Жұмай, А.К. Жұмабекова и другие;

-интерпретация эквивалентности и адекватности в художественном переводе: В.Н. Комиссаров, К. Райс, М.В. Алимova, К.В. Кулемина, Л.К. Латышев, А.Д. Швейцер и другие.

Поставленные в работе цель и задачи определили выбор следующих **методов исследования**: теоретический анализ, корпусный анализ, лингвокультурологический контент-анализ, переводческий сопоставительный анализ исходного и целевого текста, дескриптивный переводческий метод, метод статистического анализа, лингвокультурологический анализ при переводе.

На защиту выносятся **следующие положения**:

-Американская мультикультурная литература представляет собой художественный образец метамодернистской литературы, демонстрирующей философские, социокультурные и филологические тенденции современной парадигмы общественного сознания. Ключевые концептуальные принципы метамодерна, такие как *плюрализм, диффузия и осцилляция*, находят отражение как в системе лингвокультурных средств выражения, так и в сюжетно-тематическом наполнении произведений американских мультикультурных авторов. Этнокультурная составляющая американской мультикультурной литературы выступает инструментом инклюзивности и обуславливает необходимость теоретического и практического осмысления художественного перевода для успешной реализации межкультурной коммуникации. Этнокультурная специфика находит выражение в многоуровневой лингвокультурной детерминированности формы и содержания, соответственно, перевод американской мультикультурной литературы основывается на лингвокультурологическом подходе к переводу, комбинирующем основные положения лингвистической теории, культурного поворота (Culture Turn) и культурного перевода (Cultural Translation). Лингвокультурологический подход к переводу представляет собой междисциплинарную область знаний, исследующую аспекты передачи взаимосвязанных языковых и культурных проявлений исходного текста в переводе, и является наиболее продуктивным переводческим подходом, предоставляющим основу для определения, интерпретации и передачи лингвокультурной специфики американской мультикультурной литературы в переводе с английского на русский язык.

-Лингвокультурологическая детерминированность нарратива американской мультикультурной литературы формируется и определяется культурными и языковыми факторами, влияющими на *темы, мотивы, модус и выбор вербальных средств*. Языковые нормы и культурные ценности лингвокультуры происхождения автора произведения проявляется в языковой макроструктуре различных видов *нарративного модуса*, определяемых нами как *интеркультурно-литературный, стилизованный и комбинированный модусы*. *Интеркультурно-литературный нарративный модус* сочетает литературный английский с инокультурными реалиями, референциями, отражающими культурную идентичность автора и мультикультурный контекст сюжета, составляет 41% от общего объема репрезентативного корпуса

исследования. *Стилизованный нарративный модус* представляет собой английский язык, имитирующий кристаллизованное, контаминированное, билингвальное повествование, насыщенное заимствованиями из родной лингвокультуры автора, и используется в 12% анализируемых произведений американской мультикультурной литературы. *Комбинация интеркультурно-литературного модуса и стилизованного модуса* представляет собой дихотомию литературного английского языка повествования и стилизованного идиолекта персонажей и наиболее часто встречается в работах мультикультурных авторов, составляя 47% всех исследуемых произведений. Выявление специфики макроструктуры, проявляющейся в лингвокультурно-детерминированных нарративных характеристиках, таких как *тема, мотив и модус*, определяет выбор переводческих методов и приемов, необходимых для адекватной передачи специфики мультикультурного американского произведения.

-Лингвокультурологические особенности американской мультикультурной литературы проявляются как взаимосвязанная и взаимодополняющая лингво- и культурная обусловленность. Лингвообусловленная специфика возникает в результате лингвистической интерференции, проявляющейся посредством *двуязычие, транслингвация, контаминированная речь* в структуре нарратива и выражаются посредством художественного билингвизма, структурной и семантической интеграции языковых средств двух языков и стилизованной форенизации. Различные методы лингвокультурологической адаптации в рамках форенизации (70%) значительно преобладают над способами доместикации, направленными на адаптацию к целевой лингвокультуре (30%). В рамках вышеуказанных переводческих методов, *транслитерация в комбинации с параллельным переводом и добавлением пояснительных сносок* являются продуктивными переводческими приемами для максимального сохранения формальных и содержательных характеристик исходного текста. При адаптации целевого текста к языковым ожиданиям целевой аудитории продуктивностью характеризуются такие приемы элиминации лингвообусловленной специфики как *опущение, нейтрализация и контекстуальная экспликация значения*.

-Лингвокультурологические особенности мультикультурной литературы, возникающие на стыке языков и культур, определяют специфические переводческие сложности и требуют лингвокультурологического подхода к переводу с целью адекватной ретрансляции мультикультурной обусловленности исходного произведения на целевой языке. Лингвокультурно-детерминированные особенности выражаются посредством *инокультурных вкраплений, интертекстуальностью, культурно-маркированные средствами образности*, представляющие собой безэквивалентные единицы с этнокультурной семантикой, литературные и культурные реминисценции, а также стилистические приемы, заимствованными из лингвокультуры происхождения американского автора. Приемы форенизации включающие транслитерацию без пояснения и с *контекстуальным расширением значения*,

сносками, параллельным и калькированным переводом позволяют минимализировать степень потери лингвокультурного содержания в переводе *инокультурных вкраплений и средств образности*, в то время как доместикация через лингвокультурную адаптацию и элиминацию лингвокультурной специфики, интегрирует переводной текст в целевую лингвокультуру, упрощая восприятие и снижая культурные барьеры. При переводе интертекстуальных сегментов преобладает доместикация (59%) посредством использования существующего в целевом пространстве перевода.

-Комплексное социокультурное и лингвистическое влияние лингвокультуры происхождения автора определяет специфические переводческие трудности, для правильного преодоления, которых необходимо учитывать все уровни структуры мультикультурного произведения, от языковой организации и синтаксиса до культурно-исторических референций и художественных традиций вовлечённых лингвокультур. Анализ адекватности перевода американской мультикультурной литературы основан на трех уровнях переводческих соответствий. Приоритетным выступает *уровень полного произведения*, совпадающий с целью коммуникации и функциональной доминантой и определяющий уровень достоверной ретрансляции мультикультурности и художественности американского исходного текста в переводе на русский язык. *Уровень нарратива*, аналогичный семантически-ситуационной категории, определяется объемом передачи лингвокультурологических аспектов нарратива, таких как мультикультурно-обусловленные темы, мотивы и нарративные модусы. *Уровень лингвокультурологических единиц*, соответствующий семантически-компонентной эквивалентности, отражает семантическое содержание и культурную насыщенность отдельных лингвокультурологических особенностей. Ключевым аспектом адекватного художественного перевода как формы межкультурной коммуникации, выступает целостная репрезентация всех структурных и функциональных характеристик мультикультурной литературы, отражающей общие принципы метамодернистской парадигмы и возрастающую актуальность социокультурной диффузии и разнообразия в глобальном мультикультурном сценарии общественного развития.

Научная новизна диссертационного исследования:

Впервые исследуются переводческие аспекты американской мультикультурной литературы, включающие лингвокультурологическую специфику и способствующие сохранению и передаче этнокультурной обусловленности мультикультурных произведений. Научно обоснована необходимость применения лингвокультурологического подхода к переводу, учитывающей многоуровневую языковую и культурную детерминированность и позволяющую достичь адекватного перевода с сохранением этнокультурных особенностей исходного текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что диссертация вносит вклад в развитие лингвокультурологического подхода в

переводе и разработке теоретических вопросов современного художественного перевода, в частности американской мультикультурной литературы.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях для разработки курсов по проблемам перевода лингвокультурных особенностей мультикультурной американской литературы и спецкурсов по лингвокультурологическим аспектам художественного перевода и практике художественного перевода для студентов

Фактическим материалом исследования являются произведения американской мультикультурной литературы и их переводы на русский язык. В романной прозе представлены произведения представителей пяти общепринятых американских этнокультурных групп.

Апробация результатов исследования:

-Translation and Multicultural American Literature // Актуальные научные исследования в современном мире. Международный научный журнал. – Переяслав-Хмельницкий, 2018. – №. 5(37), ч. 4. – P.124-127.

-Мультикультурализм в образовании в контексте модернизации общественного сознания // Материалы VI Международная научно-практической конференций «Продвижение эффективных практик культуры качества в высшем образовании Казахстана: бенчмаркинг и поиск резервов». – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, 2019. – С. 261-269

-Translation Of Post-Modern Multicultural American Literature // Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics. Bosnia and Herzegovina, Sarajevo, 2019. Vol. 6, № 3. – P. 43-51.

-Критерий качества мультикультурной литературы и ее роль в обществе многообразия // Вестник Торайгыров университета. Филологическая серия. КОКСН ВО. – Павлодар, 2020. – № 4. – С.204-215.

-Лингвистические особенности американской мультикультурной литературы // Международный научный журнал. Наука и Жизнь Казахстана. КОКСН ВО. – Алматы, 2020. – №4/4. – С.267-271

-The Current Paradigm and its Manifestation in Multicultural Literature // XLinguae. Arts and Humanities. Scopus. – SVO s.r.o., 2023. Vol. 3. – P.15 -26. DOI:10.18355/XL.2023.16.03.02

-Contrastive-comparative, Ethical, Linguistic and Cognitive Analysis of Ethical Concepts // Вестник КазНУ им.Аль-Фараби, Серия филологическая. КОКСН ВО. – Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, 2023. – №3 (191). P.250-260.

-Translation Adaptation of Linguocultural Components in American Multicultural Literature // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Серия Филологические науки, КОКСН ВО. – КазУМОиМЯ имени Абылай хана, 2024. Том 71 № 1. – С. 315-330.

-Conveying Linguistic Interference in American Multicultural Literature Translation. Вестник КазНУ им.Аль-Фараби, Серия филологическая. КОКСН

ВО. – Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Филологические серия, 2024. В печати.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех разделов, выводов по разделам, заключения, списка литературы, приложения. Объем исследования – 190 страниц.

Введение охватывает общую характеристику, актуальность, теоретические и методологические основы, объект, предмет, цель и задачи, основные методы, новизну, положения, выносимые на защиту, теоретическую и практическую значимость и степень публичности работы.

В первой главе «Теоретические основы исследования» представлено аналитическое обоснование американской мультикультурной литературы как отражения метамодернистской парадигмы общественного развития. Определены формальные и содержательные параметры американской мультикультурной литературы и обоснован лингвокультурологический подход к переводу как подход, позволяющий сохранить этно-идентифицирующие характеристики наряду с функциями исходного текста в целевой культуре.

Во второй главе «Лингвокультурологические особенности перевода американской мультикультурной литературы» выявлена лингвокультурологическая детерминированность на уровне нарративной макроструктуры, включая *темы, мотивы, нарративные модусы такие как интеркультурно-литературный, стилизованный и комбинированный модусы* и рассмотрены соответствующие переводческие сложности, методы и приемы перевода. Выделены лингвокультурологические особенности, такие как *двуязычие, транслингвация, контаминированная речь, инокультурные вкрапления, интертекстуальность*, обусловленные языковой и культурной интерференцией неамериканской лингвокультуры. Представлены адаптационные методы и приемы передачи лингвистической интерференции, при переводе *двуязычия, транслингвации, контаминированной речи* направленные на сохранение мультилингвального разнообразия и прагматической эквивалентности исходного текста в переводе.

В третьей главе «Перевод лингвокультурно-детерминированных лексико-стилистических единиц американской мультикультурной литературы» рассмотрены продуктивные способы и приемы перевода лингвокультурно-обусловленных особенностей, таких как *инокультурные вкрапления, интертекстуальность и лингвокультурно-обусловленных средств образности*. Представлены результаты статистического анализа выделенных лингвокультурологических особенностей отдельно и по этнокультурным группам. По итогам комплексного филологического и переводческого теоретико-прикладного анализа предлагается лингвокультурологическое осмысление уровней эквивалентности и определяются параметры оценки адекватности перевода произведения американской мультикультурной литературы.

В Заключении представлены результаты и выводы научного исследования.

I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Отражение парадигмы метамодерна в мультикультурной литературе

Перевод и переводоведение приобретают особую актуальность в условиях динамичного развития мира, характеризуемого интенсификацией процессов глобализации и увеличением объемов миграционных потоков. Данные процессы определили возникновение общества многообразия и повышения роли *мультикультурализма* как социокультурного средства поддержания гармонии этнокультурного плюрализма. В данном контексте *мультикультурная литература* выступает как форма отражения общественных трансформаций, и как активный фактор формирования этнолингвокультурного разнообразия в современном литературном процессе и в обществе в целом. Ввиду растущей необходимости обеспечения доступности и понимания культурного многообразия на глобальном уровне, возрастает актуальность междисциплинарных исследований мультикультурной литературы, рассматривающих ее с позиций лингвистики, литературоведения и переводоведения.

В рамках художественного перевода выделяется целое направление, изучающее перевод *мультикультурной литературы*, которое играет ключевую роль в представлении культурного многообразия, способствуя социокультурному богатству и межкультурному диалогу на глобальном уровне. *Мультикультурная литература* отражает метамодернистский плюрализм посредством многоуровневых филологических и лингвокультурологических особенностей, для адекватной интерпретации и передачи нюансов мультикультурности требуется современный многовекторный подход, представляющий собой интеграцию различных переводческих подходов и адекватной передачи межкультурного диалога.

Переводческий анализ характерных лингвокультурологических аспектов перевода мультикультурной литературы требует в качестве предварительного условия глубокое понимание и критическую интерпретацию ключевых теоретических понятий, что отвечает задачам данного исследования: детальное рассмотрение *метамодернистской парадигмы* общественного развития, его причинно-следственных связей с социокультурной теорией *мультикультурализма* и *американской мультикультурной литературой*. Релевантно уточнение исследуемых понятий является важным этапом для проведения дальнейшего критического анализа и оценки релевантности современных переводческих подходов, выступающих в качестве фундаментальной базы для разработки интегративного лингвокультурологического перевода, направленного на адекватную передачу языковой и культурной многогранности мультикультурной литературы.

Выявление актуальной парадигмы общественного мышления является фундаментальным для переводоведческих исследований, поскольку оно предоставляет теоретическую основу для корректной интерпретации

оригинальных мультикультурных произведений и разработки эффективных переводческих методов, способствующих сохранению мультикультурных аспектов содержания и обеспечению полноценной межкультурной коммуникации. Различные социокультурные установки и непосредственная включенность исследователей в исторический процесс влияет на целостное восприятие и объясняет существование различных взглядов на осмысление современной общественной парадигмы мышления. Критический анализ в рамках нашего исследования позволил выделить три существующих теоретических направления, определяющие данную парадигму современности как *переходный период*, *постмодерн* и *метамодерн*.

Переходный период, с точки зрения некоторых исследователей, является завершающей стадией *модерна*, которая еще не оформилась как самостоятельная парадигма глобального мировоззрения. Согласно идеям Н. Хомского [1], У. Эко [2], Ю. Хабермаса [3], С.Р. Сулейман [4], А. Веллера [5], А. Исмаковой [6], Б. Майтанова [7], Ж. Жарылгапова [8] и других исследователей, современное общество опирается на типичные модернистские характеристики, такие как дезориентирующая фрагментарность и разрозненность, абсурд и ирония, акцент на экспериментальных и субъективных аспектах, пространственно-временные искажения и поиск новых способов самовыражения отличных от традиционных форм социальной организации и литературы. Одновременно, теоретики отмечают, что основное направление общественного мышления, включая философию и культуру, изменилось и более не отражает *гранди нарратива* классического модернизма, выраженного в стремлении предложить универсальное объяснение социальным и культурным процессам через призму рационального познания, научно-технического прогресса и идеалов *Просвещения*, таких как *свобода, равенство и братство*. Возникающий диссонанс между теоретическим осмыслением и практической реализацией модернистских принципов является причиной, по которой текущее состояние миропонимания определяется не как полноценная парадигма, а как *буферная зона* [9] или *эпоха парадигмального сдвига* между основными циклами человеческого развития. [10].

Сторонники идеи *переходного периода*, такие как М. Перлофф [11], Х. Фостер [12], А. Дугин [10], Т. Иглтон [13], Б. Майтанов [14], Э. Тарази [15], Б. Нуржанов [16] утверждают, что трансфер в следующую парадигму не единовременное и комплексное явление, так как различные страны и сферы жизнедеятельности постепенно и адаптивно включаются в процесс перехода. С.Қасқабасов считает, что современное общественное мышление Казахстана находится в пограничном состоянии между модерном и постмодерном, так как последний является прямым следствием постиндустриального общества, которое, по его мнению, в Казахстане еще не сформировано, следовательно парадигма постмодерна только начинает фактически актуализироваться в нашем обществе, которое тем не менее уже в значительной степени интегрировало постмодернистские идеи Запада [17]. В отношении современного литературного процесса, некоторые отечественные авторы также

поддерживают идею о переходном периоде, считая, что *модернистские практики* еще остаются базовыми принципами современной литературы Казахстана, в которой тем не менее наблюдается намеренное включение постмодернистских приемов в формате подражательства и внешних проявлений (Б. Майтанов, Э. Тарази и др).

По нашему мнению, определение парадигмы современности как *переходного периода* от модерна к постмодерну является достаточно релевантным по ряду причин. В частности, сюда можно отнести критическое рассмотрение *модерна*, который сторонники *переходного периода* считают базовой парадигмой объективной современности. Завершение *модерна* как доминирующей парадигмы подтверждается ключевыми факторам, отражающими глубокие социальные, культурные и философские сдвиги в современном мире. Во-первых, интенсификация глобализационных процессов и развитие информационных технологий привели к формированию глобального информационного общества, в котором идеи и культурный опыт мгновенно распространяются, что ставит под вопрос модернистскую веру в линейный прогресс и универсальные истины. Во-вторых, возрастающее осознание сложности глобальных экологических, социальных и экономических проблем требует отказа от упрощенных модернистских решений и стимулирует поиск новых, более гибких и многоуровневых подходов к устойчивому развитию. В-третьих, глобальная культурная динамика с ее акцентом на плюрализме, множественности перспектив и критике гранднарративов, подчеркнула ограниченность модернистской парадигмы, ориентированной на единообразие и общепринятые стандарты. В-четвертых, разочарование в идеалах модерна, берущих начало в Просвещении, таких как культивируемое превосходство рациональности и вера в технический прогресс, которые, по мнению Адорно и Хоркхаймера, послужили причиной институциональной бесчеловечности XX века [18] [19] и показали, что наука и рационализируемый прогресс могут вести к негативным последствиям. В-пятых, модернизм как художественное направление характеризуется стремлением к объективности, новаторству и экспериментам, что более не актуально в сложной реальности современной литературы, где традиционные различия и границы между жанрами, стилями окончательно стираются.

Относительно возможности *переходного периода* необходимо отметить, что сейчас повсеместность наступления новой парадигмы общественного развития без длительного переходного периода или региональных диспаритетов обусловлена глобализацией и революционными технологическими изменениями. Глобализация способствует стандартизации культурных, экономических, и социальных процессов на мировом уровне. В свою очередь, интернет и цифровые коммуникационные средства обеспечивают быстрый обмен информацией и концепциями, что способствует мгновенному распространению новых общественных конструктов. Глобализация в совокупности с техническим прогрессом формируют среду, в которой модификации в сфере общественного сознания и культурной практики

могут осуществляться синхронно в разнообразных регионах, ускоряя трансформацию к инновационным моделям социального устройства и мышления. Следовательно, современная глобализованная среда характеризуется способностью к быстрой адаптации и изменению, обеспечивая гладкий переход к новым общественным парадигмам без продолжительных фаз перехода или значительных региональных различий. Таким образом, совокупность этих факторов свидетельствует о завершении *модерна* или его пролонгации в формате *переходного периода*. Без сомнения элементы модернизма до сих пор могут присутствовать в современной культуре и литературе, но доминирующей парадигмой в современном мире они не являются из-за смены акцентов на идеи и подходы, которые лучше отвечают условиям множественности и изменчивости XXI века.

Постмодерн, по мнению целой плеяды канонизированных теоретиков, культурологов, литературоведов, таких как Ж.-Ф. Лиотар [20], Ж. Деррида [21], Р.Барт [22], Д. Ваттимо [23], Ц. Тодоров [24], Ф.Соллерс [25], А.Сокал и Ж.Брикмон [26], Р. Доккинз [27] и других исследователей, является актуальной общественной парадигмой, которая возникла как ответ на критику *модерна*. Исторические события середины XX века в корне изменили систему общественного мышления, лишив модернистской веры в гуманистическую природу человека, наделенного неотчуждаемыми правами на свободу, равенство, счастье, и, в первую очередь лишив веры в разум как средство общественной эволюции. Появилась необходимость пересмотра ориентиров для объяснения человеческого существования, оправдания происходящей действительности. Общепринято считать исследование Ж.-Ф. Лиотар отправной точкой данной комплексной социокультурной тенденции [22], характеризуемой рядом дистинктивных принципов и особенностей, обусловленных естественной потребностью человека в точках опоры. Отход от универсальных истин и гранднарративов подчёркивает сдвиг к плюрализму и релятивизму, что особенно заметно в литературе. Данная тенденция отражается в игре с формами и жанрами, интертекстуальности и метафикциональности, что позволяет авторам осмысленно взаимодействовать с предшествующими текстами и культурными кодами.

Наиболее характерной чертой современных отечественных исследований является определение *постмодерна*, предложенное А. Исмаковым, в качестве основополагающего элемента современного мировоззренческого дискурса (*қазіргі дүниетанымдық тәсілі*) [6]. Такие ученые как Г. Гиздатов, (современная казахстанская медиакритика) [28], А. Джундубасва (нарративные стратегии современной казахской литературы) [29], А. Ишанова (литературная игра в постмодернизме) [30], Б. Жусупова (постмодернистский нигилизм) [31], З. Исмагамбетова (постмодернизм и культурно-религиозная ситуация) [32], Г. Саулембек (казахская проза постмодерна) [33], С. Ананьева (Модернизм и постмодернизм в современном литературном процессе) [34], и многие другие исследуют понятие в контексте литературоведения, лингвистики, культурологии и перевода.

Л. Сафронова утверждает, что казахская литература неотделима от мирового литературного процесса, хотя отечественный постмодернизм имеет свои особенности [35]. К отличительным чертам относят типичную маргинальность, присущую постмодернистским авторам Казахстана, обусловленную, по мнению Н. Джуанышбекова, контактно-типологическими связями и исторической общностью развития нескольких национальных литератур [36]. Характерную двойственность внутреннего плана персонажей М. Хавайдарова объясняет историческим влиянием идеологий [37], а А. Жаксылыков видит причину двойственности в религиозно-мифологической преемственности [38]. В целом, отечественные ученые вносят значительный вклад в академический дискурс о постмодерне, интерпретируя понятие с учетом культурно-исторического фона Казахстана.

Несмотря на большой корпус работ по постмодерну и его дериватам, мы считаем, что в последнее десятилетие на глобальном уровне произошло сокращение интереса к постмодернизму как к объекту изучения. В рамках нашего исследования был проведён контент-анализ англоязычных научных работ, посвящённых теме постмодерна, из таких авторитетных цифровых библиотек, как JSTOR, Google Scholar, Project MUSE и ScienceDirect. Результат показывает, что значительная часть исследований сфокусирована на анализе социокультурных явлений и творчества авторов середины XX века, таких как Т. Пинчон, Дж. Хеллер, К. Воннегут и т.д., рассматриваемых в исторической перспективе. Общественные явления и произведения, датируемые 2010 годом и позднее, более не интерпретируются в рамках постмодернистской повестки. Библиографические ссылки часто указывают на первоисточники, опубликованные до 2000 года, что также указывает на смещение академического фокуса на другие исследовательские темы и направления, более достоверно отражающие культурные и социальные процессы современного мира характеризующегося многоцентричностью и глобализацией.

В целом, анализ современных исследований и общественных тенденций показывает деактуализацию постмодерна как глобальной общественной парадигмы. Один из ключевых аргументов, приводимых исследователями, в том числе Х. Дженкинсом, заключается в возникновении новых технологических и социальных реалий, таких как цифровизация и глобализация, которые существенно изменяют условия производства и восприятия культурных продуктов, выходящего за рамки постмодернистского скептицизма и релятивизма [39]. Кроме того, как подчеркивает Н. Клейн, современные социо-экономические и экологические проблемы и осознание необходимости глобального устойчивого развития выдвигают на первый план ценности ответственности и коллективных действий, контрастирующие с постмодернистской фрагментацией и цинизмом [40]. Такие изменения предполагают переосмысление общественных и личных ценностей в контексте глобальной взаимозависимости и ответственности перед будущими поколениями. Наряду с этим явлением активизация социальных движений,

акцентирующих внимание на социальной справедливости, равенстве и правах меньшинств, демонстрирует отход от постмодернистской склонности к пессимизму и принципу *конца истории* в сторону активного формирования новой социальной динамики и стремления к изменениям с применением, называемых Дж. Батлером, *сил без жестокости* (the force of nonviolence) [41]. Вышеназванные процессы свидетельствуют о том, что мы наблюдаем постмодернизм с позиции бахтинской *внезаходимости*, что можно назвать причиной декларировать завершение постмодернизма [42] и обозначить начало новой парадигмы, концептуальный аппарат которой лучше соответствует сложному разнообразию социокультурной динамики, акцентирующей внимание на глобализации, технологических изменениях и социальной активности.

Метамодерн – новая парадигма общественного сознания последних десятилетий, когда, по мнению критиков, произошел бесцельный, самопроизвольный процесс взаимного проникновения ценностей и антиценностей, реального и виртуального, локального и глобального. Попытки дефрагментации и систематизации миропонимания и структуры общества привели к поиску обновленных определений данного периода развития, которые бы выходили за рамки как модерна, так и постмодерна. Этот процесс объясняет появление различных концепций, таких как *гипермодерн* Ж. Липовецкого [43] (*диджимодернизм* и/или *псевдомодернизм* А. Кирби [44]), *автомодернизм* Р. Сэмюэлсона [45], *альтермодернизм* Н. Буррио [46], *ремодернизм/реконструктивизм, реньюализм* или *обновленчество, стакизм* или *застревание* параллельно используемые Б. Чилдишем и Ч. Томсоном [47], *новая искренность* Д.Ф. Уоллеса [48], *новое странное поколение* М.Д. Харрисона [49], *постпостмодерн* М. Эппштейна [50], и конечно, *метамодерн*. Несмотря на лексическую вариабельность все концепции сводятся к схожему определению текущего состояния общественного развития как *продуктивному синтезу аспектов модернизма и постмодернизма, стремящемуся к гармонизации и интеграции различных аспектов человеческого опыта для преодоления возрастающего кризиса смысла и ценностей*. Критический анализ академических дискуссий последних лет в философском и социокультурном ключе позволил нам обосновать *метамодерн* как наиболее разработанную и релевантную теорию, которая отражает разнообразные умонастроения, практики и формы в философии, культуре, и соответственно в литературе. Традиционно исследователи опираются на работы М. Заварзалто [51], Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера [52], А. Гиббонса [53], А. Фурлани [54], Л. Тёрнера [55], А. Сторма [56] и др. которые внесли значительный вклад в интерпретацию *метамодерна* в междисциплинарном контексте, включая литературоведение, лингвистику, лингвокультурологию и переводоведение. Необходимо отметить, что до настоящего момента парадигма метамодерна не актуализировалась в отечественной философской и филологической науке.

Концепция метамодерна возникла как реакция на ощущаемую ограниченность постмодерна, но современный социокультурный дискурс продолжает адаптивно утилизировать концепции предыдущих формаций и имеет множество точек пересечения. Дифференциация *постмодерна* и *метамодерна* опирается на основополагающие понятия данных парадигм – постколониализм и глобализацию. По утверждению Г.Ч.Спивак, постмодерн и постколониализм разделяют скептицизм по отношению к универсальным истинам и метанарративам, характерным для модерна и колониального периода, критикуют идеи абсолютного прогресса, объективности и рациональности, фокусируя внимание на деконструкции колониальных дискурсов и подчеркивают значимость локальных нарративов [57]. В свою очередь, метамодерн особенно актуален в контексте глобализации – процесса, который интенсифицирует мировое взаимодействие и взаимозависимость на различных уровнях: экономическом, социальном, культурном и политическом. В рамках метамодерна, по мнению Р. Ван ден Аккера и Т. Вермблена, актуализируются новые способы преодоления цинизма и отчуждения постмодернистской эпохи, предлагающие реинтерпретацию формы смыслообразования и идентичности в разнообразном и взаимосвязанном мире [58], что ведет к усилению мультикультурности и гибридности. Иными словами, стимулируя обмен и многообразие, современная культура, как подчеркивает А. Аппадурай, параллельно поднимает дискуссии о влиянии глобального содержания на локальное и о возможности сохранения культурной уникальности в подобном контексте [59].

Необходимо отметить, что метамодернистское переосмысление традиционных принципов в художественной литературе выражается в том, что по сравнению с прозой предыдущих периодов, модерна и постмодерна, литература более не является рационально-директивной и не создается по провозглашённому Э. Паундом модернистскому принципу новизны и сложности (Make it New, Make it Difficult, Make it different), или не следует постмодернистской цели Л.А. Фидлера о пересечении границ и устранения разрывов (Cross the Borders, Close the Gap). Указанное переосмысление объясняется тем, что содержание и форма выражения современной литературы является многослойным результатом глобализации и виртуализации пространства, выраженных в размытии культурных, жанровых, стилистических и других границ и в слиянии духовного и материального опыта всего мира. Кроме этого, современная литература как настоящий метамодернистский проект, во-первых, подчеркивает динамичность, неопределенность восприятия, открывая возможности для разнообразных и даже противоречивых интерпретаций, позволяя читателям самостоятельно извлекать смысл из текста; во-вторых, литература ценит эмоциональное и интуитивное понимание, что отражается в способе, которым современные тексты стремятся затронуть читателя, вызвать сопереживание и эмпатию, что делает литературный опыт более личным и менее догматичным. В-третьих, она использует плюралитет голосов и множество перспектив, чтобы подчеркнуть сложность и

многообразие мира; такой отход от идеи автора как единственного источника истины ведет к представлению о том, что истина может быть многогранной и многоголосой. В-четвертых, современная литература трансформирует и переосмысливает устоявшиеся идеи и нарративы, включая пересмотр ролей, сюжетов и символов и создание новых форм выражения, которые лучше отражают сложность современного мира.

Аналитический обзор исследований *метамодерна* в целом позволил выделить релевантные для нашего исследования фундаментальные и зачастую парадоксально противоположные принципы, которые акцентируют внимание на значении диалога внутри глобального социума:

- переосмысление гранднарратива и традиционных ценностей, и одновременное признание многообразия индивидуальных и локальных нарративов глобального мира;

- осознание информационного перенасыщения и открытость технологическому развитию как инструменту, меняющему коммуникацию, идентичность и культуру;

- информированная наивность как восстановление веры в возможность развития и улучшения при полном осознании сложностей мира;

- главенство эмоций, чувств, личного опыта и эмпатии как средств познания мира, при этом состояние поиска и создания рационального смысла в мире, который кажется фрагментированным и хаотичным;

- постоянная осциляция между противоположными полюсами и стремление к динамичному равновесию между различными подходами;

- повсеместный плюрализм и признание множественности и гибридности социокультурных идентичностей и мировоззрений, способствующие столкновению и смешению культур в глобальном сообществе многообразия.

Указанные выше принципы метамодерна иллюстрируют, что метамодернистский дискурс рассматривает глобализацию не только как экономический и политический процесс, но и как культурное явление, способствующее развитию социокультурного плюрализма, основанного на перемещении и смешении культурных групп, что является причиной и следствием возникновения мультикультурализма который акцентирует внимание на значении диалога между различными элементами и идентичностями социума.

Понятие *мультикультурализм* не имеет однозначных основоположников, поскольку оно возникло и развивается в рамках обширных социальных и академических дискуссий, определяемое М.Тлосановой как «*междисциплинарное явление, включающее идеологические, философские, художественные аспекты*» [60]. Оценочные интерпретации мультикультурализма весьма разнообразны. Взгляды многочисленных зарубежных исследователей таких как У. Кимлики, Ч. Кукатас, М. Тлосанова, казахстанских и российских ученых таких как П. Кирабаев, Р. Кадыржанов, А. Пасыбаев, А. Сарым, А. Башмаков, М. Курманов, К. Еженов, А. Кадыралиева, Т. Мармонтовой и др. весьма различаются. Как радикально

противоположные точки зрения можно отметить несимметрические аргументы Н. Биссундата, утверждающего, что мультикультурализм неизбежно приведёт к геттоизации и национальной дезинтеграции [61], и, напротив, оптимистичные идеи У. Кимлики, который считает, что равноправное включение культурных сообществ, наряду с доступом к образованию и властным структурам, способствует тому, что все представители этих сообществ могут внести значимый вклад в развитие своей страны [62]. Несмотря на различные интерпретации общепризнанно, что важнейшей ценностью современности является не мультикультурализм как идеализация разнообразия, а мультикультурализм как культурно-этичный способ эффективного решения проблем, неизбежно, возникающих в социо- и культурно-гетерогенном обществе.

Общезвестно, что США, благодаря особенностям исторического формирования американской нации, демонстрирует множество характеристик мультикультурного общества, в котором совместно проживают различные расовые, этнические, религиозные и культурные группы. В последние десятилетия проблемы межкультурной коммуникации подверглись пересмотру с позиции парадигмы метамодерна, что определило деактуализацию классической американской концепции *melting pot* (плавильного котла), и переключение на идею *salad bowl* (салатницы), предусматривающей сохранение культурного разнообразия в рамках единой нации, то есть, создания *Pluribus Unum* (из многих – единое) [63]. По этой причине А. Флерас реинтерпретирует классический принцип американской демократии и просвещенного гуманизма, утверждая что если *все люди созданы равными*, предполагается равенство как отдельных людей, так и их культур, с целью создать общество безопасное от различий, но безопасное для различий [64]. По определению Н. Кирабаева, правовая поддержка культурного разнообразия и образовательных инициатив направлены на «неконфликтное существование в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп» [65], что вносит вклад в культурный и социальный ландшафт многоэтнического общества, формируя современную модель мультикультурного общества метамодерна в целом, и в США, в частности.

Американская мультикультурная художественная литература, как результат общественной стратегии мультикультурализма, значительно влияет на литературный канон, внося в него новые перспективы. Такое обогащение способствует отражению сложности и многослойности американской идентичности, укрепляя тем самым взаимопонимание и эмпатию между различными культурными группами в Соединенных Штатах. Иными словами, *мультикультурная литература* прежде всего выполняет функцию инструмента *инклюзивности*, отражая разнообразие расовых, этнических, культурных, религиозных, социальных, половых и иных идентичностей. В рамках данного исследования мы рассматриваем прежде всего аспекты перевода лингвокультурологических особенностей этнолингвокультурно-детерминированной мультикультурной литературы США.

Несомненно, что мультикультурные авторы имеют внутреннюю связь со своими персонажами в мультикультурной литературе так как в значительной степени опираются на свой личный опыт и культурное наследие, чтобы создать аутентичные и нюансированные образы. Герои романа *Americanah* Ч.Н. Адичи отражают ее собственное нигерийское воспитание и эмигрантский опыт, что придает достоверность и глубину эмоциональной и культурной борьбе персонажей. исследуют через своих персонажей темы, важные для их собственной жизни, такие как расизм, принадлежность и культурный диссонанс [66]. В *Homegoing* Я.Гьяси рассматривает наследие рабства в разных поколениях и на разных континентах, представляя глубокое исследование диаспоральной идентичности, которое перекликается с гано-американским наследием самого автора [67]. Данные связи не только усиливают реалистичность и соотносимость персонажей, но и обогащают тематическую глубину литературных произведений, делая их глубокими исследованиями культурной и личной идентичности.

Необходимо отметить, что представители американской мультикультурной литературы, таких как Х. Хоссейни, К. Гарсия, Д. Форд, А. Улинич, Г. Штейнгард, Э. Тан и другие писатели являются носителями *гибридной идентичности*, поскольку несмотря на американское гражданство и английский язык как язык творчества, их мировоззрение и художественный подход находятся под влиянием своего китайского, афганского, нигерийского, русского и т.д. этнокультурного фона. Целостная картина мира мультикультурного автора включает черты разных языков и культур, которые проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого видения действительности, особой картины мира, по отношению к которой Ф. Айкынбаева предлагает использовать термин *контаминированная* [68], в то время как Е. Кубрякова называет подобное явление *негомогенной картиной мира* [69]. Подобная принадлежность к двум, иногда и более, культурам позволяет видеть и транслировать современную культурную динамику американского общества с различных этнокультурных перспектив и способствует эстетическому разнообразию и социокультурному развитию. Знакомство с мультикультурной литературой предоставляет читателям из различных этнокультурных групп американского общества возможность идентифицировать репрезентацию собственной этнокультурной группы в литературных текстах, а также, по мнению Б. Пареха, позволяет расширить границы, переосмыслив привычные темы и поведенческие модели через иную социокультурную перспективу, что укрепляет социальную интеграцию и стимулирует развитие культурно-разнообразного общества современности [70].

Такого рода взаимодействие между различными культурами через литературу подчёркивает возможность увидеть мир глазами другого, одновременно, предоставляя основу для критического анализа и переосмысления современных социокультурных структур, что, в свою очередь, ведёт к возможности более глубокого понимания метамодернистских принципов, которые оказывают влияние на современную культурную

парадигму, подчеркивая динамичность и плюрализм культурных взглядов. Мультикультурная литература предлагает уникальную платформу для исследования этих явлений, демонстрируя как идентичность и культурные ценности могут переплетаться и взаимодействовать в сложной сети общественных отношений и литературных форм.

Аналитическая интерпретация произведений американской мультикультурной литературы подтверждает, что она ярко иллюстрирует выделенные Р. ван ден Аккером, Т. Вермюленом, Д. Стоев социокультурные принципы метамодерна, такие как *принятие всеобъемлющего плюрализма, постоянной осцилляции, реконструкция традиционных и комбинирование современных ценностей, выражение надежды на будущее при полном понимании сложностей мира, поиск смысла и собственной идентичности, синтез иронии и серьёзности и т.д.* [58] [71]. По нашему мнению, данные типичные проявления, свойственные индивидууму метамодерна в целом, концентрированно представлены в американской мультикультурной литературе.

Анализ содержательных и структурно-композиционных аспектов показывает, что темы, мотивы, сюжет, идеи, персонажи неотделимы от средств выражения, таких как язык, перспектива нарратива и литературные приёмы и вместе передают уникальную мультикультурную специфику. По такой причине выделение социокультурных принципов метамодерна в мультикультурной литературе проводится на основе критической интерпретации выразительных и сюжетных аспектов в неразрывном единстве.

Наш анализ позволяет выделить несколько основополагающих принципов метамодерна, которые неизменно находят отражение в американской мультикультурной литературе. *Плюрализм, диффузия и осцилляция* определены как ключевые концептуальные категории, характеризующие современную парадигму мышления и мультикультурализм соответственно. Фундаментальность данных принципов объясняется их взаимной обусловленностью. *Плюрализм* подразумевает сосуществование множественности разнообразных культурных, этнических, социальных и других проявлений в едином контексте. *Осцилляция*, представляющая собой колебательные движения от одной определённой позиции к другой, способствует активизации взаимодействий между ними. В результате этого процесса происходит *диффузия*, выражающаяся в неоднородном распределении, смещении элементов внутри рассматриваемого пространства и формировании нового множества сочетаний. Квинтэссенцией данной динамики, обеспечивающей постоянное обновление и трансформацию структур, выступает американская мультикультурная литература, которая демонстрирует фундаментальные характеристики современного мультикультурного общества в целом.

Метамодернисткий плюрализм ярко проявляется в американской мультикультурной литературе, где наблюдается множество различных культурных перспектив, повествовательных техник и языков. Типичной

иллюстрацией плюрализма можно назвать романы Х. Диаса, Э. Тан, Я. Гьяси, К. Гарсии, в которых переплетаются повествования от нескольких рассказчиков и множественные сюжетные линии, что отражает аутентичное разнообразие социокультурного опыта и моделей мышления в современном обществе. Т.Н. Коутс, Т. Моррисон по-новому интерпретирует афроамериканскую повествовательную традицию, добавляя элементы готического стиля и потока сознания. Пastiche приемов и стилей, заимствованных из этнокультурного фольклорного и классического наследия и западных литературных традиций и поп-культуры, создает мозаику из множества культурных и жанрово-стилистических форм.

Персонажи метамодернистской мультикультурной литературы олицетворяют плюралистическую идентичность, разделяя различные культуры, языки и системы верований. Кроме того, мультикультурные авторы зачастую включают в сюжет не только представителей своей этнокультурной группы, но и представителей других маргинализованных групп, подтверждая предложенную Г. Анзалдуа концепцию *Местижса* о множестве социоэтнокультурных идентичностей объединенных своей маргинальностью и малочисленностью в отдельную форму *нового трайбализма* на основе отличий от доминирующего большинства американского общества [72]. В свою очередь, данная теория объясняет этнокультурный плюрализм идентичностей авторов и персонажей внутри самого понятия мультикультурной литературы, опираясь на который мы рассматриваем американскую мультикультурную литературу как единый корпус без деления на этнокультурных группы.

Типичной иллюстрацией языкового плюрализма может служить мультикультурная американская литература *Чикано*, творчество американцев мексиканского происхождения, активно выражающего связь с мексиканским наследием и культурой. Д. Альварес в романе *Return to sender* виртуозно сочетает испанский и английский языки, чтобы передать не только языковое разнообразие латиноамериканской культуры и двуязычную реальность персонажей, но и подчеркнуть взаимосвязь языка и культуры: «*For the first time in a long while, Papá laughed. 'Sí, sí,' he said, nodding at the lady. '¿Somos ángeles mexicanos!' Mexican angels. Mamá! How is that for being a special alien?*» [73, с.34].

Кроме непосредственного использования нескольких языков, мультикультурные авторы намеренно художественно реконструируют свой первый язык в американском лингвокультурном контексте, создавая множественность перспектив посредством интегративного применения выразительных средств, выходящих за рамки одного языка. Роман *Petropolis* А. Улинич, наполнен советскими реалиями и калькированным переводом русских идиом: «*District 7 is all the way up the devil's horns, replied Sasha, trying hard to hide her relief. Are you sure the place is fit for the intelligentsia? – Don't sneer, detka, sighed Mrs Goldberg You don't need another tic*» [74, с.17]. В этом примере наблюдаются сразу несколько средств создания образности из неанглийского языка: прямой перевод русской идиомы *у черта на рогах* в

значении *где-то далеко* вместо английского эквивалента *in the middle of nowhere*, советский термин *интеллигенция*, транслитерацию русского концепта *детка*. Совместное функционирование множества выразительных средств создает мультикультурную перспективу характерную для американской современности.

Благодаря плюралистическим сюжетам, персонажам, стилям, повествованиям и языку американские мультикультурные произведения воплощают метамодернистский принцип выхода за рамки бинарных противопоставлений к всеохватному, многогранному взгляду на идентичность и реальность, представляя собой ценный инструмент для понимания нюансов взаимодействия культур в современной литературе и обществе.

Метамодернистская осцилляция – это ключевой принцип современной парадигмы, активно проявляющийся в американской мультикультурной литературе, включает в себе колебания между противоположными социокультурными установками, моделями поведения и, главное, позициями лингвокультурной идентичности. Американские мультикультурные произведения подчеркивают сложность и богатство навигации по нескольким культурным реальностям, изображая мир, в котором идентичности, убеждения и самовыражение не фиксированы, а постоянно находятся в движении. Метамодернистские колебания ярко воплощают принципы парадигмы общественного сознания современности через структуру повествования, тематические изыскания, развитие персонажей и стилистический выбор.

В тематическом плане мультикультурные произведения метамодерна представляют собой баланс между отчаянием и надеждой, часто затрагивая такие тяжелые темы, как расизм, миграцию и кризис идентичности, сочетающимися критикой с оптимизмом. Примером тому может служить роман *Between the World and Me* Т.Н. Коутса, который, хотя и напрямую затрагивает суровые реалии жизни чернокожих в Америке, также колеблется в сторону глубоко личных и интроспективных размышлений, демонстрирующих метамодернистский оптимизм [75], определенный Р. Вермюленом как желание перемен и искренней веры в свои возможности – *desires for change and heartfelt yes we can calls* [58]. Кроме того, тематика мультикультурной литературы затрагивает постоянные колебания между иронией и искренностью, когда ирония используется для критики социальных и культурных стереотипов, но сохраняется искреннее отношение к персонажам и их историям, например стереотипы о доминиканцах у Х. Диаса, китайцах и ирландцах у Г. Джен, или нигерийцах у Я.Н. Адичи, русских евреев у Г. Штейнгарта и Л. Вапняр.

Развитие персонажей американской мультикультурной литературы происходит через колебания между ностальгией, переосмыслением традиционных кодов и принятием доминирующих моделей. Поиск целостности невозможен без оглядки на культурное наследие. Мультикультурная литература иллюстрирует типичные колебания между ностальгией и романтизацией родных кодов и отрицанием данных эмоций. Воспоминания о предыдущих физических воплощениях в *The Hundred Secret Senses* Э. Тан

(Китай-США) [76], обратная миграция в *Americanah* Ч.Н. Адичи (Нигерия-США) [66], иммигрантское чувство двух домов в *Dreaming in Cuban* К. Гарсия (Куба-США) [77] – распространенные сюжетные линии, в которых персонажи, физически или мысленно, совершают путешествия в поисках идентичности, смысла жизни или семейных историй на родину или назад в прошлое; в итоге осознают свою нынешнюю чуждость своим культурным корням, но в то же время понимают, что связь с прошлым миром нерушима, что заставляет их постоянно колебаться между различными полюсами. Визуальный образ качающегося маятника Т. Вермюлена [58] вполне применим для описания культурного номадизма, поиска идентичности и идеализации культурных практик в мультикультурном контексте. Ожидаемо проявляются колебания между глобализацией и локальными культурными идентичностями в форме взаимодействий между вовлечением в глобальные перспективы и подтверждением локализованной, часто маргинализованной, идентичности. Ч.Н. Адичи, Д. Лахири, Л. Ко, Д. Оцука исследуют формирование личности под влиянием американской культуры и глобального влияния в противовес глубоко укоренившимся культурным традициям родины героев. В целом динамичное колебание в мультикультурной литературе отражает сложную реальность современного мира и позволяет авторам более полно выразить и осмыслить разнообразие социальных, культурных и литературных практик, формирующих современное общество и литературу США. Подобное колебание вызвано осознанной идентичностной неопределенностью автора и персонажей мультикультурной литературы, находящихся среди множества возможных вариантов. Естественное взаимодействие со всеми вариантами вызывает произвольное взаимовлияние и формирование нового комбинированного состояния.

Метамодернистская диффузия отражает смешение и сосуществование различных культурных, языковых, стилистических элементов в рамках одного литературного произведения и выражают сложные мультикультурные идентичности. **Культурная диффузия** в мультикультурной литературе подчеркивает динамичность и изменчивость культурных идентичностей в современном США, где непрекращающиеся миграционные потоки стирают традиционные разделения. Абсолютное большинство американских мультикультурных авторов соответствует образу, определенному Г. Анзальдуа в концепции *местижы (la mestiza)* или *культурной гибридности*. [72]. Такая концепция предполагает, что в результате культурного и расового смешения возникает новая, синтетическая идентичность, которая объединяет в себе элементы различных этносов и культур. Писатели, используя свой собственный мультикультурный опыт, создают образы персонажей, которые не просто носят черты отдельных культур, а представляют собой слияние различных культурных идентичностей. Эти персонажи часто испытывают конфликты, связанные с вопросами принадлежности, самоидентификации и личной интеграции в обществе, что является отражением реальных социокультурных процессов в современном мире.

На ряду с вышеуказанными явлениями, внутри сообщества мультикультурных авторов наблюдается прямо противоположные мнения о возможности тотальной культурной диффузии. Э. Тап устами главной героини *The Joy and Luck Club* сокрушается: «*I wanted my children to have the best combination: American circumstances and Chinese character. How could I know these two things do not mix?*» [78, с.219]. В то время как Э. Шафак, космополит, активный сторонник размытия границ национальных и культурных, утверждает обратное: «*East and West is no water and oil. They do mix*» [79]. Подобные колебания между двумя измерениями, фактическим гражданством и этнокультурным происхождением, ведут к диссонансу социального восприятия и самовосприятия, что является частой основой проблематики мультикультурной литературы, находящей выход в неизменном принятии двух равнозначных идентичностей в неразрывном единстве: «*For so long he was effortlessly Korean, effortlessly American*» [80, с.156].

Поиск этнокультурной идентичности Б.Б. Лорд рассматривает в *In the Year of the Boar and Jackie Robinson*, где героиня романа слишком китайка в обществе, и недостаточно китайка в своей семье. После долгого пути поиска себя, она принимает обе свои идентичности, китайскую и американскую, и осознает свою принадлежность двум культурам [81]. Тот же мотив в романе Д. Лахири *The Namesake*, главный персонаж колеблется между культурными ожиданиями индийского наследия и американского воспитания, воплощая метамодернистскую характеристику гибридной или промежуточной культурной идентичности [82]. Такое изображение обычного жизненного пути большинства новых реальных или вымышленных американцев, которые принимают свою диффузную *текущую идентичность (Liquid Identity)*, полностью соответствующую режиму множественности глобального сообщества [83] представляет культурную гибридность как центральную категорию для мультикультурных повествований и метамодернизма в целом.

Языковая диффузия, основанная на лингвистических смешениях, требует отдельного внимания в мультикультурной литературе. К подобным языковым особенностям относится комбинирование языковых и культурных кодов и нарушение языковых конвенций. Оригинальная культура и первый язык не стираются бесследно при смене гражданства и овладении новым языком, образуя, по мнению М.Х. Кингстон, фьюжен американской и оригинальной лингвокультур, который передает инокультурные ритмы, тона и образы силами английского языка [84]. С. Сиенсроес вводит игру испанских суффиксов в английское повествование: «*Mamacita is the big mama of the man across the street. Rachel says her name ought to be Mamasota, but I think that's mean*» [85, с.85]. Семантическое значение суффиксов *-ita* и *-ota*, различается, в первом случае обозначая что-то маленькое и милое, во-втором случае что-то большое по размеру, или имеющее негативную коннотацию. Совместное использование испанского и английского языков функционирует как селективная диглоссия для решения точных коммуникативных задач, когда языковые средства выступают паролем для входа в культурное сообщество и отражает сложный

процессе формирования пограничной идентичности в мультикультурном контексте, где языки в формате интегрированной системы коммуникации, служат одновременно и мостом, и барьером между различными культурными мирами.

Стилистическая диффузия в мультикультурной литературе включает в себя сложное смешение множества стилистических форм, отражающих колебания между различными культурными выражениями и повествовательными техниками. Диффузия американской и этнокультурной составляющих выразительно представлена в отрывке из *The Book of Unknown Americans* К. Хенрикек: «*This isn't salsa. It says 'salsa,' – he insisted, pointing to the word on the paper label. But look at it, I said. Does it look like salsa to you? It's American salsa*» [86, с.13].

По аналогичному принципу мультикультурные авторы смешивают литературные жанры, сочетая элементы традиционного фольклора, модернистские приемы повествования и постмодернистские стилистические особенности. В романе Х. Диаса *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao* историческая трагедия дополнена элементами магического реализма, научной фантастики и доминиканского фольклора, американской поп-культуры, и отсылками к мирам Толкиена [87]. Подобная стилистическая диффузия демонстрирует взаимосвязь мировых культур и литератур, подчеркивая синтез метамодерна, а не столкновение.

Наш анализ подтверждает, что американская мультикультурная литература представляет все фундаментальные принципы метамодерна, которые характеризуются синтезом культурных, стилистических и идентичностных элементов в едином литературном пространстве. Данные произведения демонстрируют глубокую интеграцию разнообразных культурных и языковых влияний, что подчеркивает не только сложность современного мультикультурного общества, но и возможности для новых форм выражения и понимания в рамках глобализированного мира. Основные моменты, подчеркивающие влияние метамодерна на мультикультурную литературу, включают:

-плюрализм идентичностей, выраженный в том, что мультикультурные авторы часто исследуют множественные идентичности своих персонажей, балансирующих между различными культурными и лингвистическими контекстами, что отражает метамодернистское стремление к синтезу и интеграции разнообразных культурных аспектов;

-колебание между доминирующими американскими и специфическими этнокультурными контекстами, показывая, как глобализация влияет на личные и коллективные идентичности;

-гибридность различных литературных традиций, жанров и стилей, что создает сложные тексты, в которых переплетаются традиционные и инновационные формы;

-тематическая осцилляция между такими темами как расизм, иммиграция, идентичность и культурный диссонанс, рассматриваются в

контексте их сложности и многозначности, что отражает метамодернистское стремление к более глубокому и многоаспектному пониманию этих вопросов;

-языковая диффузия и параллельное использование множества языков и диалектов в одном тексте подчеркивает мультикультурную сущность американского общества и служит мостом между различными культурными мирами.

Таким образом, мультикультурная литература в США не только является отражением метамодерна, но и активно участвует в его формировании, предлагая новые способы взаимодействия и взаимопонимания в рамках современного культурного и социального контекста. Являясь своеобразным зеркалом метамодернистского многообразия человеческого опыта, мультикультурная литература своевременно отражает социокультурные реалии и становится не только средством развлечения или художественного самовыражения, но и мощным инструментом социального воздействия, культурного обмена и понимания, поддерживая надежду на будущее метамодернистского гуманизма, требующего открытого сознания и развитых навыков межкультурной коммуникации, актуальных для современного человека особенно в таких полиэтнических государствах, как Казахстан.

1.2 Интердисциплинарные основы изучения американской мультикультурной литературы

Общезвестно, что американская национальная идентичность сформировалась в результате массовой миграции и расовой и этнокультурной диффузии. Высказывание Г. Мелвилла «Мы – не столько нация, сколько мир» [88], сегодня подвергается уточнениям, таким как «I'm Japanese. But American first» [89, с.26], или «I am Korean, the latest brand of an American» [80, с.67] и иллюстрирует, что целостный образ американской нации конституируется за счёт взаимодействия многочисленных этнокультурных групп, что превращает Соединённые Штаты в эталонный пример мультикультурного общества.

В свою очередь, концентрированная иллюстрация особенностей американского общества многообразия представлена в *американской мультикультурной литературе*. Выступая средством целостного постижения действительности, мультикультурная литература акцентирует внимание на темах конфликта культур, национальной и бикультурной идентичности, и тем самым выполняет общественно значимые функции, способствуя преобразованию реальности и влияя на идеологическое, моральное и культурное воспитание общества.

В рамках литературных и культурных исследований, критический анализ и культурная контекстуализация *американской мультикультурной литературы* позволяют выделить содержательно-структурные особенности выражения этнокультурной идентичности автора и персонажей, оценить развивающий потенциал и определить параметры мультикультурного направления в художественной литературе США. Анализируя, как различные культурные и этнические перспективы представлены в литературе, литературоведческие

исследования помогают осмыслить, как *американская мультикультурная литература* отражает, интерпретирует и в какой-то степени определяет изменения в этнокультурных идентичностях, объясняя процессы культурной маргинализации, ассимиляции и интеграции в рамках глобализирующегося мира через призму литературы. С. Ананьева и М. Маданова, проводя сравнительные параллели между казахстанской и американской литературами, отмечают, что ключевым объединяющим фактором является мультикультурализм, организующий пространство, наполненное тесными контактно-генетическими и типологическими связями [90], и которые в свою очередь, формируют поликультурную и полиязычную риторику двух стран [91]. Следствием подобного взаимодействия, А. Оганов считает возникающую маргинальность художественного мышления, не несущую негативно-оценочной характеристики [92]. Более того, по мнению Ж. Салхановой, такого рода маргинальность позволяет расширить границы национальной американской и этнокультурной литератур, взаимообогащаясь за счет культурного и языкового вклада этнических авторов [93]. Формальная схожесть американской мультикультурной литературы и современного казахстанского художественного дискурса позволяет двусторонне применять результаты филологических исследований, в частности по художественному переводу в прикладном плане.

Лингвистический анализ выявляет, как через язык в литературных произведениях передаются этнокультурные значения, так как по определению А. Ислам, язык является важной составляющей частью культуры, отражающей культурную идентичность и мировоззрение [94], в нашем случае американских мультикультурных авторов, которые неизменно проецируют личный жизненный и эмоциональный опыт на границе культур на образы и сюжет своих произведений. Неразрывное единство культуры и языка определяет внутреннюю целостность аспектов содержания и выражения, тем самым обуславливая важность лингвокультурологического подхода к филологическому исследованию, в том числе, переводческому анализу американской мультикультурной литературы. Лингвокультурологические особенности американских мультикультурных текстов служат инструментом воплощения многообразия культурных реальностей и идентичностей США.

В широком смысле, *американская мультикультурная литература* является показательным материалом для литературоведческих, лингвистических и переводческих исследований с лингвокультурологических позиций, поскольку предоставляет большие возможности для многостороннего изучения особенностей воспроизведения одной этнолингвокультуры посредством иного языка и иного общественного контекста, в случае нашего исследования, неамериканской этнолингвокультуры через английский язык и американский контекст. Данный феномен, когда иностранный язык адаптивно используется для выражения несвойственной ему культуры, становится все более распространённым явлением в некоторых странах благодаря глобализации и массовой миграции, например во Франции с увеличением

количества арабговорящего населения [95]. С учетом выделенных критериев *американскую мультикультурную литературу* можно считать эталонным объектом для лингвокультурологических переводческих исследований с целью понимания этнолингвокультурной динамики современного общества разнообразия в целом.

Комплексная интеграция литературоведческого, лингвистического, лингвокультурологического анализа при изучении *американской мультикультурной литературы* позволяет ясно различать и интерпретировать разнообразие культурных идентичностей и реальностей, тем самым формируя основу для всестороннего переводческого исследования методов и приемов адекватного сохранения мультикультурной специфики и контекстуальной точности исходного текста в переводе. Художественный перевод открывает доступ для международной аудитории к *американской мультикультурной литературе* и вносит вклад в межкультурный диалог и понимание динамики лингвокультурных и общественных процессов, вызванных миграцией и глобализацией мира.

Литературоведение, литературная критика и различные компаративные исследования, использующие множество теоретических рамок и методологий, занимаются анализом американской мультикультурной литературы в рамках её различных контекстов. *Американская мультикультурная литература* охватывает широкий круг работ, которые можно группировать по различным этническим, расовым, социальным параметрам, однако их объединяет стремление исследовать и выразить разнообразные культурные идентичности и перспективы, которые формируют уникальный культурный ландшафт США. Произведения мультикультурных писателей часто затрагивают темы взаимодействия культур, миграции, дискриминации, интеграции, а также социальной и расовой несправедливости. *Американская мультикультурная литература* предоставляет платформу для выражения позиций, которые исторически могли быть подавлены или недопредставлены в основных литературных дискурсах, позволяя читателям изучать и понимать множественность американского опыта через призму личных и коллективных историй.

Литературоведческие дисциплины с различных перспектив исследуют, как тексты отражают и взаимодействуют с разнообразными культурными идентичностями, предоставляя глубокое понимание динамики межкультурных взаимоотношений через призму американской мультикультурной литературы. Историческая перспектива, исследуемая К. Чиком, Д. Эллемейером [96] (мультикультурная американская история через детскую литературу), Р. Такаки [97] (история мультикультурной Америки в литературе), К. Пателлом [98] (литература США от мультикультурализма к космополитизму) и другими, выделяет взаимосвязь между социально-историческими явлениями и литературными представлениями социо-, этно- и расовой идентичности. Данные исследования подчеркивают взаимодействие лингвокультурологических аспектов с социокультурными контекстами, и их представление в языке и

содержании американской мультикультурной литературы. Подобный подход позволяет глубже понять, как мультикультурные литературные произведения не только отражают, но и формируют общественные восприятия идентичности в рамках различных исторических периодов.

Для нашей работы основополагающее значение имеет филологическое исследование М. Глосановой охватывающее широкий круг вопросов *американской мультикультурной литературы*. Не ограничиваясь традиционным литературным анализом, М. Глосанова исследует пересечения лингвокультур, идентичностей и властных отношений в литературе маргинализированных сообществ, бросающих вызов европоцентристским нарративам США [99].

Многовекторность литературоведческих работ объясняет ее тесную связь с социокультурными исследованиями, комплексно представляя всеобъемлющий обзор мультикультурной литературы как функциональной составляющей мультикультурализма, американской идентичности и общества многообразия в целом. Несмотря на то, что в широкие дебаты о разнообразии, инклюзии и равноправии включена феминистическая, гендерная и иная социальная повестка мультикультурного творчества [100], *американская мультикультурная литература* традиционно анализируется в рамках конкретных аспектов творчества этнокультурных групп, таких как, например, роль фольклора как инструмента сохранения культурного наследия в творчестве афроамериканских женщин [101], идеологические конфликты азиатско-американской литературы [102], двойственность культурного сознания и социокультурные особенности афроамериканской литературы в борьбе с расовыми стереотипами [103]. Другие исследователи анализируют как инклюзивная массовая культура и литература формируют у людей различные концепции культурного гражданства, выраженного как чувство принадлежности и участия в жизни общества [104] и этнической идентичности, которая способствует укреплению расовой иерархии в американском обществе [105].

В социокультурной перспективе исследуется, как мультикультурная американская литература представляет и конструирует идентичности, основанные на расе, этнической принадлежности, гендере, сексуальности, классе, национальности и других социальных категориях. Исследователи рассматривают и дискутируют о доминирующей жанровой специфике, типичной проблематике, стереотипах, тропах и нарративах, используемых мультикультурными авторами для создания более сложных культурнодетерминированных репрезентаций разнообразных идентичностей США.

Одним из важных исследований этнокультурной идентичности является работа Р. Портеса и А. Румбаута, анализирующая как американская мультикультурная литература отражает состояние принадлежности к двум странам у иммигрантов, которое в свою очередь влияет на процесс формирования транскультурной американской идентичности и интеграции

общества в целом [106]. Х. Таджфел считает, что мультикультурный писатель и его персонажи обладают *контекстно-зависимой идентичностью* [107], выраженной в том, что традиционно неизменные структуры становятся текущими конструкциями, свободно адаптируемыми в ответ на меняющийся социальный и культурный ландшафт. Соответственно, художественный продукт носителей *двойственного сознания* является феноменом *духовно-материальной слитности* нескольких культур [108], и выступает как инклюзивная литература, помогающая построить качественный процесс межкультурной коммуникации внутри многоэтнического общества.

Обзор работ многочисленных исследований, специализирующихся на различных аспектах американской мультикультурной литературы, таких как афроамериканская литература и культура (Г.Л. Гейте [103], Т. Моррисон [109]), культура, язык, литература Чикано и латиноамериканцев (Г. Ансальдуа [72], Р. Анайя [110]), азиатско-американская литература (Э. Ким [111], Д. Ли [112]), пересечение языков, рас, этносов и идентичностей в американской литературе (В. Соллорс [113], И. Морозова [114]), иммиграция, политика языка и идентичности в мультикультурной литературе (Н. Лейп [115], Дж. Джей [116]), сравнительное литературоведение мультикультурных американских текстов (А. Ли [117], Г. Гомес-Пенья [118]) и многих других работ, демонстрирует постоянные взаимные пересечения, и без исключения затрагивает вопросы о роли языка и культурных контекстов в формировании и отражении культурных идентичностей в литературе. В частности А. Ли проводит сравнительный анализ разнообразия этнокультурных традиций коренных народов, афро-, латино- и азиатских американцев в контексте мультикультурной литературы, американской истории и современной культуры [117]. Междисциплинарный характер большинства исследований служит подтверждением тесной связи литературоведческих исследований американской мультикультурной литературы с лингвистикой и культурологией, и необходимость комплексно учитывать все три направления при изучении материала с переводческой позиции.

Большой вклад в исследования тематических, жанрово-стилистических, лингвокультурных особенностей американской мультикультурной литературы вносят многочисленные энциклопедии и сборники, посвященные обычно выпадающим из типичного американского литературного канона произведениям афроамериканских, азиатско-американских, латиноамериканских и коренных американских авторов. Такие антологии как *Ethnic American Literature: An Encyclopedia for Students* [119] и *United States: Re-Viewing American Multicultural Literature* [120] иллюстрируют уникальную мозаику мультикультурной литературы, обобщая достижения американских писателей неевропейского происхождения и подчеркивая этническое разнообразие произведений от колониальной эпохи до настоящего времени.

Благодаря своему уникальному положению в месте слияния различных культур и идентичностей, американская мультикультурная литература является многосторонним феноменом, рассматривать который только с

литературоведческих позиций невозможно. Культурно-детерминированные экспрессивные средства и стилистические фигуры, такие как, например, внедрение аллюзий на культурные, исторические или литературные события, прецедентные имена собственные, метафоры и образы, укоренённые в конкретных культурных контекстах, несут в себе глубокую функциональную нагрузку, помогая писателям передать мультикультурную картину мира американского многонационального общества. Литературоведческое изучение образности тесно связано с интерпретацией указанных выразительных средств, что неминуемо приведет к необходимости анализа влияния оригинального культурного и языкового наследия мультикультурного американского писателя на содержательные и выразительные особенности его творчества, поэтому исследования любой этнокультурной идентичности всегда опирается на языковые аспекты, которые, по определению А. Ислам, выполняют кумулятивную функцию, выражающую национальную, этническую и культурную принадлежность писателя и, соответственно, персонажей художественного произведения [94].

В мультикультурной литературе взаимосвязь языка и культуры намного сложнее, чем в монокультурной национальной литературе. В американской мультикультурной литературе наблюдается интерференция дополнительных языков и культур на английский язык и американскую культуру, что создает лингвокультурную многослойность, требующую мультиаспектного лингвистического исследования, охватывающего широкий спектр направлений, включающих анализ нарратива, дискурса, переключения кодов и т.д.

Нарративный анализ в рамках данного исследования рассматривает структурные и лингвистические аспекты повествования, конструирующие и передающие культурную идентичность и этнокультурные перспективы в американской мультикультурной литературе. Стратегии нарратива типично выходят за эссенциалистские бинарные рамки расы, этноса и идентичности [121], отражая фундаментальный способ мышления, основанный на концепции конструктивизма, подразумевающего социокультурное формирование идентичности и ее различных категорий. Дискурс-анализ также рассматривает язык как инструмент конструирования идентичности и обозначения социальных отношений в мультикультурной литературе. Такие ученые, как Н. Фэрклоу [122] и Т. ван Дейк [123], разработали критерии для анализа текстов, которые показывают, как языковой выбор отражает социальную и культурную принадлежность, иерархию, идеологию и нормы, а также артикулирует опыт маргинализации, адаптации и ассимиляции.

Такие исследователи как Г. Ансальдуа [72], Г.Л. Гейте [103], С. Коке [124], В. Соллорс [113] изучают кодовое переключение, практику чередования языков в мультикультурной литературе для обозначения культурной идентичности, навигации между культурами и корректировки языковых норм, как, например, в произведениях Ч.П. Алича, Х. Диаса, Э. Дантикат, известных новаторским использованием диалектов и двуязычия для передачи культурной сложности мира персонажей. А. Зентелла проводит всесторонний анализ

переключения кодов в пуэрториканских общинах Нью-Йорка, предлагая взглянуть на социальные и культурные последствия двуязычной языковой практики, которые имеют значение для интерпретации мультикультурных текстов [125]. К данной категории также относится изучение репрезентации диалектов, пиджинов, креолизованных языков и многоязычия в мультикультурной литературе как подтверждения подлинности лингвокультурных идентичностей и опыта персонажей, а также для адаптации доминирующих языковых иерархий.

Лингвистически ориентированные исследования мультикультурной литературы освещают сложные способы, с помощью которых язык функционирует как средство художественного выражения и как место культурных дискуссий. Анализ лингвистических стратегий, используемых авторами мультикультурной литературы, позволяет глубже понять роль литературы в социокультурной динамике многоязычных и мультикультурных сообществ.

В результате критического обзора литературоведческих и лингвистических исследований мы можем сформулировать четкий критерий канона мультикультурной литературы, то есть какие авторы и произведения могут быть признаны мультикультурными – произведения, написанные иммигрантами или авторами, идентифицирующими себя как мультикультурные могут быть определены в категорию американской мультикультурной литературы только если они отвечают *критериальным параметрам*, которые призваны отделять ее от массового продукта культурной апроприации и подражательства. Необходимо отметить, что данные параметры являются универсальными для всех этнокультурных групп американской мультикультурной литературы.

Достоверность этнолингвокультурных репрезентаций – это обобщающий параметр американской мультикультурной литературы, который играет критическую роль в создании правдоподобных, уважительных и нестереотипных образов различных этнолингвокультур. Лингвистически и ситуативно уместное включение элементов материальной (еда, одежда и т.д.) и нематериальной (язык, традиции, ценности и т.д.) культуры, точность изображения традиций и исторических референсов, многообразие культурных портретов достижимо только в случае лингвокультурологической компетентности автора. Наличие фоновых знаний о той или иной этнолингвокультурной группе возможно, когда автор является частью изображаемой культуры как ее прямой представитель или включенный наблюдатель. В ином случае произведение, повествующее о этнокультурной проблематике и претендующее на мультикультурность, может превратиться в продукт *культурной апроприации*, представляющей собой намеренную эксплуатацию элементов другой, зачастую маргинальной, культуры, без понимания и уважения ее социокультурного контекста, что может привести к искажению этих этнокультур [126].

Внутри параметра достоверности М. Ботело и М. Рудман [127] выделяют *стереотипизацию и оценочность* суждений как негативные критериальные показатели качества американской мультикультурной литературы. Для иллюстрации сравним два примера, где присутствует описание определённых этнокультурных групп. В первом случае детский роман *The Indian in the Cupboard* Л. Бэнкс: «...even their movements .. were alien, .. their faceswere wild, distorted, terrifying masks of hatred and rage...the mindless destructive face of a skinhead... licked his lips, snarling like a dog.» [128, с.310-311], где автор использует уничижающие описания внешности и поведения представителей этнокультурной группы и способствует формированию крайне отрицательного портрета группы, отвечающего расистским стереотипам колониальной периода США. Второй пример роман Х. Диаса, в котором клише массовой культуры о доминиканцах используется для разрушения самого стереотипа: «Our hero was not one of those Dominican cats everybody's always going on about – he wasn't no home-run hitter or a fly bachatero, not a playboy with a million hots on his jock. And except for one period early in his life, dude never had much luck with the females (how very *un-Dominican* of him)» [87, с.199]. Вполне очевидны причины, по которым первое произведение не рекомендовано для чтения, в то время как второй роман заслуженно признан одним из ярких примеров качественной американской литературы.

Достоверность этнолингвокультурных репрезентаций, естественно, включает такой показатель как *точность передачи языковых проявлений* конкретных этнокультурных групп США. В мультикультурной литературе для точной передачи этнокультурного контекста многие культурноспецифические слова и выражения сохраняются в оригинале через транслитерацию на английский язык. Типично сохраняются оригинальные названия реалий материальной культуры, как например предметы традиционной одежды wears *pollera de gala*, wearing a black *chador*, wore *shubas*, intricately embroidered *agbada*, так как в английском языке нет материального эквивалента и соответственно отсутствует слово для обозначение специфического вида одежды. Эмоционально окрашенные выражения, ругательства, междометия, такие как *batyushki*, *hija de la gran puta*, *a real ahmaq*, *vuh-vuh-vuh*, *wah wah* помогают передать атмосферу, контекст и культурную идентичность персонажей мультикультурной литературы. Особенности традиционных ценностей и организации общества также передаются через сохранение слов, даже если есть точный эквивалент в английском языке, например, названия родственников *tió*, *tía* в испанском, *kaka*, *khala* в пунту для сохранения аутентичности и идентичности, но в первую очередь чтобы подчеркнуть дополнительные коннотативные культурные нюансы, отражающие особенности отношений или социальных ролей, которые могут быть потеряны при замене на стандартные английские *uncle* и *aunt* (дядя и тетя).

Кроме вкраплений культурно окрашенной лексики в английский язык, к реальным языковым проявлениям конкретных этнокультурных групп и требующим достоверной репрезентации в мультикультурной литературе

относятся совместное использование языков. Естественная лингвистическая интерференция языка этнокультурной группы влияет на английский язык реальных представителей культурного пограничья и проявляется на текстовом уровне «*Que muchacha tan fea, she said in disgust*» [87, с.36], морфологическом «*he was not able to hide his otakuness*» [87, с.16], фонетическом «*Dere's duthing I can do about it*» [129, с.87] и т.д. Настоящая мультикультурная литература без сомнения отражает все особенности *реальной речи* представителей этнокультурной группы, так как это является значимой частью лингвокультурной идентичности персонажей.

Достоверность этнолингвокультурных репрезентаций проявляется во всех плоскостях выражения культуры, таких как материальная, нематериальная, идейная, символическая культуры. По мнению Д.Нортана, вовлеченный мультикультурный автор должен искать возможность максимально точно передать особенности культуры, языка и мультикультурной идентичности и/или исправить существующие неточности и стереотипы, связанные с изображаемым этнокультурным сообществом США [130].

Достижение достоверной репрезентации мультикультурного сообщества в американском мультикультурном произведении требует от писателя глубоких знаний и тщательного исследования лингвокультуры. В свою очередь, сохранение достоверной репрезентации в переводе представляет еще более сложную проблему, так как знание английского языка и американской культуры недостаточно, необходимо выделить и правильно оценить результаты языковой и культурной интерференции, интертекстуальности и коннотации, чтобы адекватно применить те или иные переводческие методы и приемы для достижения адекватности перевода. Мы считаем, что лингвокультурологический подход наиболее точно отвечает вызовам перевода американской мультикультурной литературы, так как представляет собой комплексное исследование языка и культуры в неразрывном единстве.

На фоне современных тенденций к намеренной инклюзивности и обязательной репрезентации представителей различных расовых, социальных и этнокультурных групп, Ш. Кларк и С. Бикмор выделяют еще один параметр определения качественной американской мультикультурной литературы – *обоснованность обращения к культурно-специфической обстановке* или к определенной культурной принадлежности персонажа [131]. Превосходный по сложности и полифоничности роман Х. Диаса *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao*, примечателен именно благодаря своей мультикультурности: язык произведения представляет собой поэтическую смесь американского английского и доминиканского испанского; США как место действия переплетается с культурным слоем и историей Доминиканы, создавая новый магический мир для семейной саги, романа взросления и притчи одновременно. Здесь культурные условия добавляют глубины сюжету произведения и не кажутся избыточными деталями, добавленными в угоду этнокультурной инклюзивности.

Значимым критерием качества для художественной литературы эпохи культурного смешения, интеграции и дифференциаций, является вклад в воспитание и развитие всемерно развитой гуманной личности, открытой для толерантного культурного диалога [129]. Соприкосновение и взаимодействие нескольких культур естественно могут вызывать культурный диссонанс и коммуникативные сложности в воспитательном и образовательном процессах. М.Х. Кингстон в главе *A Song for a Barbarian Pipe* демонстрирует, как подобный диссонанс ведет к проблемам общения в связке ребенок-взрослый и к кризису личности главного персонажа. Молчание – традиционная азиатская модель поведения, выражающая уважение, не коррелируется с требованиями американской системы обучения и интерпретируется как признак девиантного поведения, помещая персонаж в культурный вакуум не позволяя адаптироваться и ассимилироваться в новом обществе [133]. Другой типичный американский сюжет раскрывается в лирической повести афроамериканского автора Ж. Вудсон *The Day You Begin*, рассказывающего воодушевляющую историю о смелости стать частью целого вопреки чувству страха и одиночества в обществе других людей. «There will be times when you walk into a room and no one there is quite like you» – определяющая строка книги [134, с. 23]. Вудсон рассказывает о том, как много причин чувствовать себя *иным* из-за того, как человек выглядит, разговаривает, ест, одевается и как сложно сделать первый шаг со своей территории к новому, пока чужому миру и как при этом остаться самим собой. Качественная мультикультурная литература – это обоснованно инклюзивная литература, которая помогает построить эффективный процесс межкультурной коммуникации в США, государстве расового и этнокультурного плюрализма, которое нуждается в инструментах воспитания человека общества многообразия.

Таким образом, достоверность репрезентаций культурных и языковых особенностей, обоснованность обращения к лингвокультурно-специфическому содержанию, воспитательно-развивающие функции являются фундаментально-определяющими параметрами американской мультикультурной литературы и должны непременно быть сохранены в переводе. Только в случае полноценной передачи лингвокультурных особенностей мультикультурности и сохранения прагматического влияния на целевую аудиторию, перевод американского мультикультурного произведения можно оценить как адекватный. В целом, неразрывное единство литературоведческих, культурных, лингвистических параметров, придающих многослойность американской мультикультурной литературе, определяют лингвокультурологический подход к предмету нашей работы как наиболее обоснованный фундамент для переводческого исследования, интегрирующего различные переводческие методы и приемы.

Лингвокультурологические исследования в контексте американской мультикультурной литературы анализируют взаимосвязь между языком, культурой и литературным творчеством, объясняя как языки и культуры писателей с мультикультурной идентичностью взаимодействуют, отражают,

конструируют культурные идентичности в мультикультурных произведениях. Исследование культурологического плана изучают механизмы культурного взаимодействия и влияния, способы представления и конструкций идентичности в американской мультикультурной литературе, которая имеет глубокий культурный слой, отражающий опыт, традиции, ценности и типичные проблемы разных сообществ внутри одного государства [135]. Исследования лингвистического плана, с другой стороны, определяют *мультикультурную американскую литературу* как репозиторий лингвистического многообразия, представляющего тексты, включающие элементы различных языков или диалектов и содержащие элементы жаргона, сленга или письменных традиций разных культурных групп.

Лингвокультурология охватывает широкий спектр исследований американской мультикультурной литературы, сосредоточенных на том, как язык и культура взаимодействуют в литературных текстах, отражая и формируя разнообразные американские идентичности. Работы можно дифференцировать по объекту изучения внутри литературы конкретных этнокультурных групп. К примеру, афроамериканский исследовательский дискурс лингвокультурологии и литературы отдельно изучает лингвокультурное осмысление *black identity* в поэзии, эссе и других видах творчества [136]; вербальные традиции и социокультурную динамику афроамериканских сообществ, отраженных в американской мультикультурной литературе [137]; роль языка в формировании афроамериканского опыта [103]; инклюзивная и преобразующая сила языка и литературы [138] и другие темы. Лингвокультурологические исследования истоков и развития мультикультурной арабо-американской литературы включает вопросы формирования лингвокультурной идентичности мусульманских иммигрантов (Л.С. Маджидж [139], Т.К. Аль-Хазза [140]), выразительных средств ориентализма (К. Фадла-Коури [141]), перспективы культурного перевода (В.С. Хассан [142]) и представленности американцев арабского и иного восточного происхождения (Х. Мостафа [143]) в мультикультурной литературе США. Дифференциальные черты азиатско-американской литературы (В. Харрис, Д. Йокота и О.Г. де Кортес [144]), азиатско-английская лингвокультурная идентичность (А. Рейес [145]), сравнительный анализ языковых и культурных различий в литературном переводе и лингвокультурные стереотипы азиатско-американского вымышленного персонажа (Д. Ренна и Ф. Сантулли [146]), азиатско-американская литература в контексте глобализации и азиатских ценностей (Ю. Шу [147]), этническая аутентичность (М. Балкун [148]) – примерные темы лингвокультурологических исследований в рамках азиатско-американской мультикультурной литературы. Направление лингвокультурологических исследований американской мультикультурной литературы, набирающее актуальность, анализирует аспекты русско-советско-американской литературы, такие как мифы и факты в русскоцентричном литературном и культурном дискурсе США (Е. Белоглазова [149]), лингвокультурные репрезентации и стереотипы (К. Райан [150]), адаптация русской лингвокультуры в

американской литературе (М. Бессмерсе [151]) и многие другие. Все исследователи, независимо от области этнокультурных интересов, вносят значительный вклад в изучение и понимание американской мультикультурной литературы и создают фундамент для дальнейших исследований в области литературы, лингвистики и перевода.

В целом, лингвокультурология комплексно анализирует комбинированные структуры нарративов, интегрирующие неамериканские традиции повествования в американскую литературу на английском языке, отражают культурные традиции, ценности и реальные сложности жизни между культурами. Отдельного внимания заслуживает тема культурной гибридности, выраженная через глубокое смешение лингвистических и культурных элементов разных лингвокультур и создания новых форм мультикультурного самовыражения.

Наше исследование показало, что интерференция языкового и культурного наследия проявляется в универсальных особенностях, таких как стратегическое использование нескольких языков, подчеркивание акцентов, комбинирование языковых кодов, включение культурно детерминированной лексики, средств создания образности и т.д. Американские мультикультурные авторы, независимо от этнокультурной принадлежности, представляют собой отдельную категорию синтетической идентичности *местижа*, и демонстрируют единообразие в лингвокультурологических способах выражения своей мультикультурности в художественном творчестве.

Таким образом, изучение американской мультикультурной литературы в рамках литературоведения и лингвистики неизменно опирается на комплексную систему лингвокультурологических исследований. По этой причине переводческие исследования также требуют интерпретации лингвистических и культурологических аспектов эквивалентности и адекватности в неразрывном единстве.

1.3 Лингвокультурологический подход в современном переводоведении

Художественный перевод, выполняя ключевую функцию в процессе культурной преемственности и миграции, прежде всего, является по определению С. Басснетт *«актом межкультурной коммуникации и ключевым способом познакомить глобальную аудиторию с иными культурными, духовными и социальными ценностями»* [152]. При этом необходимо принимать во внимание глубокие трансформации в парадигме общественного мышления и переосмысление идентичности в контексте глобализации и межкультурной интеграции, которые находят отражение в современной художественной литературе, в частности в американской мультикультурной литературе, выступающей продуктом метамодернистского плюрализма и диффузии. Возрастающая актуальность мультикультурной литературы подчеркивает важность репрезентации этнолингвокультурной идентичности каждого отдельного индивида в обществе культурного многообразия, значит

переводческая перерепрезентация в иной лингвокультуре также выступит на передний план.

Как показывает наш анализ, этнолингвокультурная идентичность совокупно транслируется в плоскости содержания и вербального выражения, которое в свою очередь передает языковую и культурную уникальность писателя и его персонажей.

Современный художественный перевод американской мультикультурной литературы в обязательном порядке опирается на лингвокультурологические исследования, анализирующие всевозможные языковые, структурные, тематические коды выражения и распознавания различных культурных сообществ, составляющих целостный образ многосоставного американского общества. В последнее время к классическим маркерам (мульти)культурной идентичности, таким как расовая, этническая, культурная принадлежность автора и персонажей, добавились относительно новые социокультурные категории, например гендерная, квир, гибридная и иные идентичности. Множество исследований в области пересечения языка и культуры вносят значительный вклад в изучение американской мультикультурной литературы и создают базу для переводческих исследований, посвященных проблемам сохранения разнообразных американских идентичностей в художественном переводе. Лингвокультурологические исследования, такие как лингвокультурные маркеры выражения гендерной идентичности (П. Эккерт [153], Т. Мартинез [154]), квиллингвистика (С. Гилберт [155]), постколониальная идентичность, гибридная идентичность языкового и культурного пограничья (Х. Бхабха [156], Э. Саид [135], Г.Ч. Сливак [57], Ф. Фанон [157]), идентичность, раса, диаспора и язык (Ю. Апресян [158], Э. Дрнтикат [159]) и многие другие исследуют связь идентичности и культуры, окружающие социально-политические факторы и их отражение в языке и речи на материале художественного и публицистического продукта представителей американских фокусных групп. Переводить такого рода тексты без внимания к разнообразию социокультурных проявлений внутри американской культуры значит стирать или размывать индивидуальность и приводить переведенный текст к гомогенизированной модели ультра-американского художественного материала. Предметом данного переводческого исследования является один из значительных сегментов американской мультикультурной литературы – этнолингвокультурно-детерминированная художественная проза современных американских писателей-иммигрантов первого и второго поколения.

В определении полноценного перевода, предложенном С.С. Кунапбаевой выделяются следующие задачи художественного перевода: *сохранение прагматической, коммуникативной, эмоционально-воздействующей, культурно-эстетической функций* исходного текста [160]. Применимо к переводу американской мультикультурной литературы данный список может быть расширен за счет добавления специфических задач, таких как *передача мультикультурной и этнолингвокультурной идентичности автора и персонажей и одновременное сохранение американского контекста*

произведения в целом. Учитывая то, что мультикультурные писатели зачастую являются бикультурными билингвами, которые, по мнению А.Е. Карлинского, выступают как мосты между культурами [161], они фактически вносят культурные и языковые элементы своей этнокультуры в американский контекст. Намеренный языковой акцент, включение разнообразных *лингвокультурем* [162], проявление родной *семиосферы* в художественной интертекстуальности [163], структурные компоненты, отражающие *модели поведения и мировоззрения* этнокультуры авторов [158] и другие факторы, составляющие специфические сложности интерпретации формы и содержания американской мультикультурной литературы. Подобный многослойный текст выходит за рамки традиционного понимания художественного произведения национальной литературы и, следовательно, требует особого переводческого подхода, учитывающего все культурные и лингвистические особенности, для адекватного решения всех вышеуказанных задач полноценного перевода. Для обоснованного выбора фундаментального переводческого подхода необходимо провести критический анализ существующих взглядов на художественный перевод и их адекватной эффективности при переводе американской мультикультурной литературы.

На ранних этапах развития художественного перевода основное внимание уделялось *дословному переводу*, предполагающему максимально точное следование исходному тексту без добавления, изменения или опускания элементов содержания. В древности предпочтение буквального перевода было обусловлено рядом причин, ключевой из которых является стремление сохранить целостность, святость и точный смысл оригинальных текстов, особенно в контексте религиозных и священных текстов. Такая ситуация связана с убеждением в том, что каждое слово и фраза оригинального текста несут в себе уникальную значимость, которая должна быть передана как можно более точно. Примером может служить перевод Ветхого Завета на греческий язык, где стремление к точности было обусловлено желанием предоставить эллинистическим евреям текст, который они могли бы читать без потери религиозной значимости оригинала. Ю. Найда подчеркивает, что буквальный перевод также использовался как средство сохранения культурной идентичности в условиях диаспоры или культурного давления со стороны доминирующих культур [164]. Данный подход позволял сохранить оригинальные культурные и духовные аспекты текста, что было критически важно для поддержания культурной связи и традиций.

Наряду с этим, указанный подход часто приводил к тому, что переводы были наполнены коммуникативно нерелевантными единицами или искажали культурные нюансы и не передавали эмоциональной глубины оригинального произведения. Со временем, в переводческой практике стали применяться и другие методы, такие как адаптация и доместикация, направленные на более глубокую интеграцию текста в культурный контекст целевой аудитории, что часто приводило к отходу от строгой буквальности в переводе. Данный переход

отражает изменения в восприятии функций и задач перевода в более широком социокультурном контексте.

История развития практики перевода, показывает, как постепенно фокус художественного перевода смещался от дословного подстрочного перевода к более культуроцентричному подходу. Данная эволюция отражает глубокое понимание сложностей, связанных с переводом художественных произведений, и признание того, что культура играет важную роль в передаче истинного смысла и структуры текста. Необходимо выделить несколько значимых подходов переводоведения, которые в разной степени могут быть применены при переводе современного художественного текста на примере американской мультикультурной литературы, созданной в рамках метамодерна как общественной парадигмы современности.

Несмотря на то, что на практике перевод присутствовал на протяжении всей истории человечества, только в XX веке ученые начали систематически анализировать и теоретически осмысливать процесс и значимость научных исследований перевода, что послужило причиной возникновения отдельной научной дисциплины о переводе, его принципах и методах, оценке адекватности и эквивалентности оригинальных и переведенных текстов.

По мере развития теории перевода появилось понятие формальной эквивалентности, тесно связанной с *лингвистической концепцией перевода*, для которой фундаментальным является сохранение грамматической и синтаксической структуры исходного языка и, соответственно, сохранение смыслового содержания текста. Д. Кэпфорд рассматривал структурные аспекты перевода и способы передачи лингвистических особенностей как важнейшие критерии переводческой эквивалентности и заложил основу *лингвистической теории и семантической модели перевода* [165], послужившие основой для дальнейших зарубежных, советских и отечественных исследований в сфере переводоведения. В рамках данной теории Ч.Р. Табер [166] формирует концепцию соответствия (*correspondence*) в переводе, подчеркивающую важность сохранения формального сходства между исходными и переводными текстами, основанного на формальной эквивалентности. Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне подчеркивали, что при данном типе эквивалентности важно строго придерживаться структуры исходного текста, при этом они ввели в обсуждение идею прямого перевода (эквивалентности) и косвенного перевода (адаптации) [167]. П. Ньюмарк, сравнивая понятия *коммуникативного и семантического* перевода, также отстаивал идею формальной эквивалентности, в большей степени соответствующей *семантическому* переводу, где акцент делается на форме и структуре исходного текста [168]. Р. Якобсон, один из основателей структурализма, разработал концепцию лингвистических функций перевода, включая различные виды эквивалентности, такие как звуковая, грамматическая, лексическая и т. д. [169].

Советский и российский лингвист и специалист в области перевода, В. Комиссаров подчеркивал необходимость стремиться к максимально возможной лингвистической близости между исходным текстом и целевым

текстом посредством максимального сохранения структуры предложения, грамматических форм, лексических особенностей и других языковых элементов (теория лингвистической эквивалентности), при этом учитывая функциональные аспекты перевода (адаптация текста с учетом его цели и аудитории). В. Комиссаров выделил лексический, грамматический и структурный типы эквивалентности, достижение которых необходимо для максимально точной передачи смысла и структуры исходного текста. [170]

Л. Бархударов определяет суть лингвистического подхода в том, что теория перевода должна, в первую очередь, определить соответствия и расхождения между средствами выражения идентичных смыслов в языке-оригинале и в целевом языке, и на этой основе выявить наиболее рациональные способы преодоления таких расхождений [171].

В рамках *лингвистической теории перевода* В. Гак выделил три модели перевода (формальную, семантическую, ситуативную) и три соответствующих уровня эквивалентности [172]. Кроме вышеперечисленных исследований, работы таких ученых как А. Федоров, И. Рецкер, Н. Львов, В. Левицкий, Л. Гумилев и других сыграли значительную роль в развитии лингвистической концепции в переводоведении, основанной на формальной эквивалентности Д. Кэтфорда.

Лингвистическая теория перевода фокусируется на языковых структурах и анализирует способы передачи фонетических, лексических, синтаксических и семантических аспектов исходного языка в целевом тексте. Большинство исследователей, включая В. Комиссарова, Р. Якобсона, А. Федорова, признают, что перевод не возможен с точностью на всех уровнях языка и с сохранением всех стилистических и фонетических особенностей [169], тем не менее, преимущества лингвистической теории перевода многообразны и имеют значительное влияние на современную практику перевода. В первую очередь важно признать, что лингвистическая теория остается фундаментальной основой для переводческого анализа, поскольку представляет четкую теоретическую базу для критического разбора текста и его компонентов. Переводческий лингвистический анализ служит для разработки специфических методов и техник перевода, облегчающих процесс перевода особенно в технических, научных и академических текстах.

Лингвистическая теория перевода подчеркивает лингвистическую верность и структурную эквивалентность, но все же имеет ограничения в передаче культурных элементов, что критически важно для обеспечения более полного понимания художественного текста. Критики теории, такие как Л. Венути, А. Попович, К. Райс и другие подчеркивают, что перевод – это не просто передача текста с одного языка на другой, а его адаптация и переосмысление в соответствии с культурными и контекстуальными условиями целевой аудитории, лингвистические же подходы к переводу, сосредотачиваясь исключительно на лингвистических аспектах, игнорируют культурные различия и контекстуальные значения, которые не могут быть полностью переданы через прямой лингвистический анализ.

Применимость лингвистической теории для решения специфических сложностей перевода мультикультурного текста требует адаптации и интеграции с иными подходами. В переводе американской мультикультурной литературы, в которой лингвистический и структурный аспекты текста зачастую играют детерминирующую роль при создании специфической лингвокультуры в границах формально американского дискурса, сохранение этих аспектов является одним из ключевых пунктов для достижения прагматической адекватности в целевом тексте. Таким образом, опора на лексический, грамматический и структурный типы эквивалентности и переводческие модели, разработанные теоретиками лингвистической теории, остается неизменной. Однако требуется учитывать недочеты формального подхода в вопросах репрезентации культурно-детерминированных элементов мультикультурного текста.

Развитие переводоведения и необходимость отвечать новым вызовам глобального мира повлияло на то, что постепенно актуальность в переводческих исследованиях сместилась на исследование динамической эквивалентности и культурного перевода.

Несмотря на то, что Ю. Найда [164] сначала дал определение концепции формальной эквивалентности, он в первую очередь ассоциируется с понятием *динамической эквивалентности* и *трансформационной модели перевода*, которые подчеркивают необходимость передачи предполагаемого смысла и воздействие исходного текста в соответствии с культурными и контекстуальными особенностями целевой аудитории. Д.А. Кирали развил идеи Ю.Найды, рассмотрев различные аспекты динамической эквивалентности, такие как контекстуальная, лексическая и стилистическая адаптация, функциональная адекватность и реакция целевой аудитории, которые в совокупности формируют базу для переводческих решений, направленных на достижение динамической эквивалентности [173]. М. Бейкер добавляет важность учета контекста, культуры и когнитивно-перцептивных моделей восприятия текста для сохранения функционального назначения оригинального текста в переводе [174].

В советском переводоведении традиционно опирались на лингвистическую теорию, но коммуникативно-функциональный подход, тесно связанный с динамической эквивалентностью Ю. Найды, также активно обсуждался. Иллюстрацией может служить развитие переводческих идей А. Швейцера, изначально основанных строго на лингвистической теории [175], она содержала некоторые отсылки к коммуникативной модели О. Каде и функциональным параметрам текста, предопределенным целью автора и обеспечивающим определенное воздействие на получателя; постепенно А. Швейцер шире развивает идеи функционализма и вводит триаду: коммуникативное намерение, функциональные параметры текста, коммуникативный эффект [176]. Л. Латышев же подчеркивает социальное назначение перевода, который, по его мнению, должен обеспечивать максимальное приближение к обычной, монологичной коммуникации, устраняя

языковые барьеры через нейтрализацию перевода, а адаптация к культурным особенностям не должна усиливать этнические и личностные различия в межязыковой коммуникации [177]. З. Львовская выражает сходные идеи и апеллирует к использованию коммуникативно-функционального подхода как к комбинирующему лингвистические и экстралингвистические факторы (культурные, исторические, этнические, социальные и др.) для достижения коммуникативно-функциональной эквивалентности, которая, в свою очередь, считается основным критерием адекватности перевода [178].

В предметном поле нашего исследования функционально-ориентированный подход основывается в первую очередь на базовых функциях художественного текста (эстетическая, познавательная, рефлексивная и т.д.) и его коммуникативном намерении. Соответственно, применение лингвистических и культурных трансформаций для достижения динамической релевантности текста целевому контексту, аудитории и коммуникативной цели допускает отклонения от строгого соблюдения формальной эквивалентности. В целом все переводческие подходы, базирующиеся на динамическом или коммуникативном соответствии, акцентируют внимание на переводческой гибкости и понимании перевода как комплексной деятельности, требующей глубокой эмоционально-интеллектуальной включенности в язык, в коммуникативное намерение и контекст первичного текста, с целью, определяемой Г. Вермеером как пересоздание релевантного и значимого текста в целевой лингвокультуре [179].

Несмотря на привлекательность, опосредованную лингвистической и культурной вовлеченностью и возможным коммуникативным откликом у вторичной аудитории, в целом данная концепция имеет ряд ограничений. Кроме возможных рисков потери точности из-за субъективности, культурной предвзятости и сложности оценки качества динамически эквивалентных переводов, опора только на динамическую эквивалентность не универсальна применительно к некоторым специфическим требованиям письменного текста, и особенно художественного, различным рабочим языкам, целевой аудитории и предполагаемому коммуникативному эффекту.

Учитывая особенности мультикультурной литературы, где лингвокультурологические элементы играют структурно-формальную роль и зачастую функционируют как содержательные элементы сюжета и репрезентаций персонажей произведения, по нашему мнению, данный подход можно считать применимым при некоторой адаптации в зависимости от конкретных лингвокультурологических особенностей отдельного мультикультурного текста.

Культурный поворот (Culture Turn), получивший распространение в конце XX века, ознаменовал собой значительные изменения в переводоведении. Сторонники данной концепции С. Басснет, А. Лефевр, Л. Венути утверждают, что культура неотделима от языка и что перевод должен передавать не лингвосемантические значения, но и культурный, социальный и исторический контекст исходного текста.

По мнению Л. Венути, переводчики не должны стремиться к переводческой невидимости (the translator's invisibility), а должны активно делать переводческий выбор видимым для читателей. Различая доместикацию как адаптацию текста к целевой культуре и форенизацию как удержание иноязычных элементов, он выступает за форенизацию как инструмент сохранения иноязычной культуры исходного текста [180]. М. Бейкер, так же, как и Л. Венути, призывает к более сознательной и рефлексивной практике перевода через преодоление собственных или доминирующих культурно-идеологических норм, негативно влияющих на передачу различных нюансов исходного текста [181]. В вопросе дихотомии форенизации и доместикации, она утверждает, что оба подхода имеют место быть и должны выбираться сознательно, исходя из цели и контекста перевода [182].

С. Баснетт, убежденный сторонник теории *Культурного Поворота* (Culture Turn), исследует пересечения перевода, культуры и литературы. Вместе с А. Лефевеком, они отмечают важность постколониальных, гендерных и социокультурных исследований языкового и культурного контекста как фундамента этичного перевода, особенно в ситуациях с деликатным содержанием, связанным с языками и культурами меньшинств [183]. В рамках данной концепции А. Берман ввел понятие *рирайтинга* (rewriting), представляющего собой процесс активной адаптации и переписывания текста, чтобы он лучше соответствовал культурным, идеологическим и стилистическим ожиданиям целевой аудитории [184]. Данный процесс включает в себя, кроме точной передачи слов, глубокую адаптацию значений, стилей, контекстуальных нюансов и соответствия с выделенными Д. Бахман-Медик дискурсивными и тематическими сферами, которые комплексно оказывают влияние на установки восприятия и интерпретации содержания [185]. При этом важно отметить, что на перевод оказывает значительное влияние социокультурный и политический контекст. Сравнивая переводы одного произведения, сделанные в разные исторические периоды, А. Алдабергенова анализирует влияние доминирующей идеологии, возможной переводческой свободы и как следствие, уровня манипулятивных стратегий перевода, в конечном счете искажающего значительные детали в авторском тексте [186]. Несмотря на неизбежную деформацию текста в процессе рирайтинга, А. Берман и Лефевекар считали данный подход наиболее подходящим для художественного перевода, где необходимо передать не только смысл, но и стилистическую уникальность произведения, его атмосферу и эмоциональное воздействие.

В целом, *культурный поворот* внес вклад в понимание перевода как динамичного, в первую очередь, культурно-ориентированного направления, способствующего языковому разнообразию и межкультурному взаимопониманию. По нашему мнению, имеются некоторые спорные аспекты, требующие внимания, в значительной мере данные аспекты связаны с культурной адаптацией и переписыванием исходного текста для целевой аудитории. К возможным рискам относится субъективность интерпретации и

адаптации, этические дилеммы в работе с культурно-сенситивными и противоречивыми темами, следовательно, уменьшение или утрата уникальности культуры исходного материала. Кроме того, акцент культурного поворота на адаптации может вызвать затруднения в многоязычных обществах, где сосуществуют различные языки и культуры. Таким образом, несмотря на фокус теории на культурном аспекте перевода, достижение баланса между сохранением культурного разнообразия и достижением эффективной коммуникации при переводе мультикультурного художественного текста является сложной задачей. При этом сбалансированное использование приемов форенизации и доместикации при работе с мультикультурным текстом является обоснованным переводческим решением, способствующим адекватной репрезентации взаимоотношений с доминирующей лингвокультура-субалтерн лингвокультурой.

Переводческой концепцией, которой в последние годы уделяется большое внимание, является *Культурный Перевод* (Cultural Translation) – процесс перевода и адаптации текста или сообщения из одного культурного контекста в другой, обеспечивающий точную и чуткую передачу культурных деталей, символов и смыслов. Подчеркивая, что лингвистический перевод недостаточен для передачи полного смысла в разных культурах, концепция включает в себя более широкие культурные и контекстуальные элементы, делая содержание доступным и значимым для новой аудитории при соблюдении целостности исходной культуры.

Понятия *культурный поворот* и *культурный перевод* являются родственными, но разными в рамках переводоведения и культурологии. Концепция *культурного поворота*, оформившаяся как отдельное направление в конце XX века, отошла от сосредоточения внимания только на лингвистической эквивалентности и рассматривает более широкие культурные контексты, в которых существуют тексты. *Культурный поворот* определяет перевод не как лингвистическую конверсию, а как культурную адаптацию, которая предполагает понимание перевода как части культурной политики, на которую влияют динамика власти, идеология и культурный контекст. Концепция *культурного перевода* более конкретно фокусируется на акте перевода культурных смыслов между языками. Она связана с тем, как культурные элементы и значения передаются или изменяются при переносе из одной культурной среды в другую. *Культурный перевод* включает в себя интерпретацию и адаптацию культурных ссылок, ценностей, норм и практик с исходного языка и культуры на язык и культуру перевода так, чтобы они имели значение для целевой аудитории. Таким образом, если *культурный поворот* в переводоведении является общей теоретической основой, которая подчеркивает культурные аспекты перевода, то *культурный перевод* имеет дело с практическими аспектами перевода культурного содержания.

Культурный перевод тесно перекликается с постколониальными, постмодернистскими и наконец, метамодернистскими перспективами в литературных и переводческих исследованиях. Понятие *культурного перевода*

впервые было введено индийским постколониальным теоретиком Х. Бхабха, его идеи о культурной идентичности, гибридности и адаптации в современном контексте описывают процессы, посредством которых культуры и идентичности трансформируются, адаптируются и реконструируются в ходе столкновения культур, и, соответственно, находят отражение в переводоведении [156].

Такие ученые как Н. Сакаи, Э. Аптер, С. Баснетт, В. Беньямин, А. Лефевр, Э. Саид, Д. Клиффорд, занимающиеся изучением взаимосвязи между языком, идентичностью и переводом, обращаются к концепции *культурного перевода*, постколониальным и постструктуралистским теориям, исследуя сложности и типичные искажения в воспроизведении иных культур в переводческом процессе. Г.Ч. Спивак, исследуя перевод в контексте межкультурной коммуникации, поднимает вопросы репрезентации маргинальных и притесняемых голосов в постколониальном и мультикультурном сценарии [187]. Кроме того, Г.Ч. Спивак утверждает, что изучение и воспроизведение бытового и художественного взаимодействия культур и их субалтерн элементов, и как следствие, художественный перевод, невозможны без рефлексивного этического преодоления языковых и культурных границ не только между разноязычными культурами, но и в рамках одной лингвокультуры [188].

С такой позиции, мультикультурная американская литература представляет собой максимальное воплощение мультикультурных процессов, имеющих место в обществе разнообразия метамодерна. К мультикультурному тексту применим термин Х. Бхабха *Третье пространство* (Third Space) [156], так как *мультикультурный автор постоянно осуществляет акт культурного перевода идей, практик и идентичностей*, имеющий результатом создание новых форм, то есть *мультикультурной литературы*. Гибридные или пограничные значения и идентичности строятся при включении и возможной интеграции субалтерн элементов в доминирующую в постколониальном или миграционном контексте культуру.

Благодаря метамодернистскому осознанию ценности разнообразия и плюрализма сфера, академического интереса современного переводоведения расширяется, привлекая к решению переводческих вопросов относительно новые направления, такие как, например, постколониальные, гендерные, феминистические, мультилингвальные исследования, теории о влиянии глобальной мобильности, диджитализации и гибридизации на языки и культуры людей. Переводоведение шагнуло далеко за рамки механического лингвистического анализа, в настоящее время только междисциплинарный характер исследований отвечает требованиям современного научного дискурса. В широком художественном контексте единицей перевода становятся не отдельные языковые или культурные элементы, а всесторонняя передача идентичности и другого мира, находящего выражение в разнообразии лингвокультурных элементов формы и содержания исходного текста. В свою очередь, перевод мультикультурной литературы представляет собой частное

направление, отражающее обыкновенные для метамодерна принципы диффузии и многовекторной осциляции лингвокультурного многообразия.

В мультикультурном тексте разнообразие культурных элементов в рамках формально одной американской лингвокультуры усугубляет сложность репрезентации различных культурных мнений и оспаривает традиционные представления о переводе. Как было отмечено ранее при рассмотрении отдельных переводческих перспектив, современный художественный перевод как живой эволюционирующий процесс, опирается на различные аспекты практически всех вышеуказанных концепций начиная с дословного перевода и заканчивая культурным переводом. Соответственно, решение задач художественного перевода американской мультикультурной литературы, представляющей собой лингвокультурную мозаику, в первую очередь опирается на лингвокультурологический анализ, позволяющий достичь адекватного перевода.

Отталкиваясь от фундаментальной теории Е. Сапира о лингвистической относительности [189] и признавая актуальность культурной идентичности в современном пространстве, мы считаем, что язык и речь произведения являются главным инструментом выражения лингвокультурной принадлежности. Соответственно, основные положения настоящего исследования обсуждаются в рамках классической теории перевода представленной исследователями московской и отечественной школы перевода, такими как В. Комиссаров [170], А. Швейцер [176], Л. Латышев [177], З. Турарбеков [190], Г. Бельгер [191], Р. Загидуллин [192], А. Ермагамбетова [193], А. Алдашева [194], А. Жаксылыкова [195], С. Алтыбасва, М. Маданова [196], А. Жумабекова [197] и других. Способы передачи лингвокультурно-детерминированных особенностей, выступающие предметом исследования, определяют лингвокультурологический перевод как традиционно базовый подход внутри художественного перевода в целом и наиболее релевантный специфике перевода современной американской мультикультурной литературы.

Лингвокультурологический подход к переводу признает динамичность культур, семиотического контекста и необходимость адаптации перевода к этим изменениям. Краткий хронологический обзор переводческой мысли иллюстрирует, что каждый последующий подход к решению переводческих задач отталкивался от принципов, предшествующих теорий, расширяя или наоборот вычеркивая их положения, ориентируясь в том числе на внешнепереводческие факторы. Таким образом, *лингвокультурологический перевод* переосмысливает функциональное поле переводоведения, стирая границы между лингвистическим, культурологическим, литературоведческим, философским научным дискурсом и исследованиями семиотического пространства.

Лингвокультурологический перевод представляет собой открытый многоаспектный подход, объединяющий различные переводческие и социокультурные перспективы, синтезируя функционально-коммуникативные

аспекты теории динамической эквивалентности с культуро- и контекстно-центрированным подходом культурного поворота и с учетом этических норм культурного перевода, что особенно актуально при работе с мультикультурной и многоязычной американской литературой.

Кратко рассмотрим вышеуказанные теории через призму интегрированности в комплексную систему *лингвокультурологического перевода*. Теория динамической эквивалентности подчеркивает важность передачи смысла и функций исходного текста на языке перевода, а не буквального следования критериям формального соответствия. В *лингвокультурологическом переводе* этот принцип внедряется как базовый для обеспечения точного сохранения сути и культурных нюансов оригинального текста с опорой на концепцию коммуникативно-функционального подхода об обязательном сохранении функций исходного текста в целевом языке. В таком контексте перевод мультикультурной литературы, насыщенной лингвокультурологическими особенностями, означает не только лингвосемантическую точность, но и намеченную культурную функцию. По мнению А. Ермагамбетовой, приоритет цели и функций перевода в его коммуникативном воздействии на целевую аудиторию ведут к тому, что культурный резонанс текста может нуждаться в новой интерпретации или применении переводческих методов адаптации для эффективного восприятия в целевой лингвокультуре [193]. Следовательно, центральное положение культурного поворота, определяющим перевод как лингвистический, так и культурный процесс, также является принципиальным в *лингвокультурологическом переводе*. В связи с этим, большое внимание уделяется культурной осведомленности для преодоления разрыва между культурами оригинала и перевода путем учета культурных нюансов, символов, отсылок, социально-политического контекста современной американской мультикультурной литературы и социокультурного контекста целевой лингвокультуры [198]. Культурный перевод, предложенный Х.К. Бхабха [156] и другими авторами, далее развивает идею о надлингвистическом феномене перевода, активируя дискурс о культурных различиях и идентичностях. Учитывая динамику и разнообразие культур в современном США, работа с мультикультурной американской литературой и внимание к культурным аспектам перевода становятся жизненно необходимыми для того, чтобы уловить нюансы и сложности многообразия элементов, присутствующих в текстах.

На современном этапе лингвокультурологический перевод занимает значительное место в переводе литературных и аудиовизуальных, маркетинговых и иных текстах нацеленных на эмоционально-эстетическое и персуазивное воздействие на реципиента. Социокультурно-маркированные единицы являются неотъемлемой частью подобных текстов, так как позволяют эффективно имплементировать элементы художественной риторики и рецептивной эстетики, соответственно требующие адаптированной передачи для иноязычного реципиента. Несмотря на широкий лингвокультурологический

аспект, лежащий в основе перевода лингвокультурно-насыщенных текстов, в зависимости от различных прагматических целей исходного и целевого текстов существует значительная разница в применении основных переводческих методов – *форенизации и доместикации*. Введенные в оборот Л. Венути [180], они представляют собой две различные стратегии перевода, отражающие отношение к лингвистическим, культурным, социальным и историческим контекстам при переводе. Существует несколько терминов для обозначения данной бинарной связки, такие как сохранение и воссоздание у Дж. Холмса [199], адекватность и приемлемость у Г. Тури [200], семантический и коммуникативный перевод у П. Ньюмарка [168], консервативные и заместительные стратегии у Ф. Айксела [201]. Не смотря на различия в терминологии, по сути они референтны двум противоположным сторонам одного явления: если первая стратегия направлена на максимальное сохранение характеристик исходного текста несмотря на возможную экзотичность и неявное значение некоторых элементов, то, вторая стратегия представляет собой адаптацию переводного текста, с целью сделать его как можно более доступным для целевой аудитории.

Форенизация и доместикация и их различные приемы в переводе американской мультикультурной литературы занимают важное значение в лингвокультурологическом подходе. Американская мультикультурная литература по своей природе содержит разнообразные лингвокультурологические особенности, отражающие множество этнокультурных идентичностей. Форенизация позволяет сохранить уникальные культурные и языковые элементы оригинального текста, обеспечивая, таким образом, введение целевой аудитории в новые культурные контексты и неизвестные выражения. Данный метод особенно значим, когда стоит задача сохранения уникальных лингвокультурных проявлений конкретной этнокультуры США или когда необходимо оспорить культурные представления целевой аудитории. В контрасте с этим, доместикация повышает доступность мультикультурной литературы для целевой аудитории, адаптируя ее к определенным культурным и языковым ожиданиям. Доместикация критически важна для достижения цели привлечения максимально широкой аудитории или для обеспечения понимания в ситуациях, где культурный контекст исходного текста существенно отличается от культурного контекста целевой аудитории. В случаях маркетингового или кино-перевода, доместикация является наиболее успешным методом. По мнению А. Абаган, при переводе художественных фильмов лингвокультурно-маркированные фразеологизмы и иные элементы, содержащие культурную и национальную информацию, будут адаптироваться под принимающую культуру так как главная цель такого перевода передать аналогичный эффект и эмоциональное воздействие на целевую аудиторию, а вербальная экспликация не всегда возможна в аудиовизуальном формате [202]. При переводе письменного художественного текста подобных ограничений практически нет.

Выбор между выше представленными методами или использование их комбинаций требует тщательного лингвокультурологического анализа мультикультурного текста. Такой анализ помогает определить, какие методы и приемы наиболее эффективно передадут смыслы, темы и культурные особенности оригинального текста и при этом окажут желаемое воздействие на целевую аудиторию. Независимо от того, стремится ли перевод приблизить читателя к оригинальному культурному окружению писателя или адаптировать текст к культурному контексту читателя, каждый выбор должен быть обусловлен конкретными целями перевода и задействованными лингвокультурными единицами. Определяющий выбор приемов того или иного метода гарантирует, что перевод сохраняет целостность оригинала и в то же время находит отклик у новой аудитории. Кроме того, в случае мультикультурной литературы применение строгой формальной эквивалентности может быть недостаточным для достижения цели передачи коммуникативного эффекта и намерения автора оригинала. Например, при переводе текстов, отражающих маргинальные и притесняемые голоса в мультикультурном контексте, как подчеркивается в работах Г.Ч. Спивак и других теоретиков, важно сохранить аутентичность иноязычной культуры и голосов, которые могут быть потеряны в процессе доместикации. Адаптация основного нарратива текстов культурно-специфическим особенностям русскоязычной аудитории требует использование доместикации для повышения коммуникативной эффективности перевода.

Лингвокультурологический перевод опирается на всю комплексную систему переводческой науки (динамическая эквивалентность, культурный поворот и культурный перевод), актуализируя наиболее целесообразные и отвечающие современным тенденциям аспекты каждого подхода. Культурные и контекстуальные характеристики, присущие таким текстам, требуют тонкого и культурно чувствительного перевода, основанного на балансе лингвистической точности и интерпретации лингвокультурных элементов, обеспечивая более полное и адекватное восприятие исходного художественного произведения русскоязычной аудиторией. Однако следует отметить, что зачастую внимание исследователей сосредоточено на передаче ярко выраженных культурно-маркированных единиц или иначе лингвокультурем исходного языка в целевом тексте. Результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследователей в области художественного перевода в целом, таких как С. Алгыбасва, М. Маданова [196], А. Жаксылыков [195], Г. Қазыбек [203], А. Алдашева [194], а также лингвокультурологии, таких как А. Ислам [204], В. Карасик [205], В. Воробьев [162], В. Маслова [206], А. Глаз [207] и других послужили основой для обоснования лингвокультурологического подхода для анализа передачи культурно и лингвистически-детерминированных проявлений в американской мультикультурной литературе. Важно отметить, что большинство отечественных исследований в рамках лингвокультурологического перевода фокусировались на передаче отдельных лингвокультурно-значимых единиц художественного текста, таких как перевод

национальных слов-реалий при переводе казахских классиков [193], [208], фразеологии в кинопереводе [202] и лингвокультурной семантики фразеологических единиц [209], и зачастую рассматривали лингвокультурологический аспект в рамках одного конкретного произведения или автора [210], [211]. Несмотря на то, что предыдущие исследования не изучали лингвокультурологические особенности перевода американской мультикультурной литературы, они составили основу для определения некоторых аспектов выражения и передачи лингвокультурной детерминированности, и были после адаптации использованы в контексте комплексного анализа лингвокультурного аспекта перевода проявлений инокультурного и иноязычного влияния в американской мультикультурной художественной прозе и ее переводе на русский язык.

Выводы по первому разделу

Таким образом, исследование лингвокультурологических аспектов перевода мультикультурной американской литературы строится на определении следующих основополагающих понятий: метамодерна как доминирующей системы общественного мышления, мультикультурализма и его интерпретации в социокультурном дискурсе, концептуализаций мультикультурной литературы США как предмета исследования различных научных дисциплин, и главное, адекватного художественного перевода, учитывающего специфику современной мультикультурной литературы.

Новизна данного исследования заключается в том, что наше исследование представляет собой значительное расширение традиционных границ лингвокультурологического перевода. Как показал наукометрический анализ современных переводческих исследований, проведенный А. Жумабековой, художественный перевод и его лингвокультурологические аспекты занимают ведущее место в казахстанской транслатологии [212], основываясь на результатах авторитетных отечественных ученых, которые с лингвокультурологических позиций рассматривали различные аспекты языка и культуры в переводе в рамках таких тем как национальные слова-реалии, культурные концепты и символы, национальная культура во фразеологизмах и национальные концепты, антропонимы и ономастика и другие. В отличие от предыдущих работ, которые концентрировали своё внимание преимущественно на анализе отдельных лексико-стилистических единиц, наше исследование рассматривает все лингвокультурные проявления мультикультурности литературного произведения, тем самым позволяя глубже понять взаимодействие и взаимовлияние лингвистических и культурных аспектов. Мы исследуем как лингвистическую интерференцию, так и культурную, уделяя внимание и языковым и культурным пересечениям, которые формируют смысловые и стилистические слои американского мультикультурного текста. Такой подход позволяет нам выявлять и анализировать множество лингвокультурологических особенностей, которые ранее не рассматривались в качестве интегральных элементов художественного текста. Данное

исследование открывает новые перспективы для понимания того, как культурные и языковые факторы взаимодействуют на макроуровне, предоставляя тем самым более комплексный и многогранный анализ переводческих процессов.

Кроме того, впервые в отечественных исследованиях рассматривалась современная социокультурная повестка художественного перевода с позиции метамодернистской парадигмы. На основании критического анализа теоретического материала и иллюстративных данных доказано, что метамодерн является актуальной средой, определяющей характер социокультурных принципов организации многоцентричного общества и науки, в частности.

Обозначено аргументированное обоснование мультикультурализма как эффективной общественной идеологии эпохи, направленной на сбалансированную координацию между различными течениями и участниками интенсивного межкультурного взаимодействия. Подобная коммуникация, естественно, находит отражение в художественном творчестве, особенно ярко проявляясь на многоуровневом полотне американской художественной литературы.

Представлен иллюстративный анализ американской мультикультурной литературы как типичного продукта метамодерна, гипертрофированно отражающего синтезированную модель современности. Соответственно, можно утверждать, что разработанный переводческий подход может быть универсально применим к современной художественной литературе в целом.

Критический обзор исследований мультикультурной литературы с точки зрения лингвистики и литературоведения доказал ее сложносоставный характер и позволил вывести аргументированный канон и критериальные рамки американской мультикультурной литературы, которая представляет собой целостное направление с характерными универсальными проявлениями, независимыми от неамериканской этнокультурной составляющей. Кроме того, доказана обоснованность лингвокультурологического подхода как фундаментального для литературоведческих, лингвистических и, соответственно, переводческих исследований американской мультикультурной литературы современного периода.

Лингвокультурологический перевод особенно актуален для перевода американских мультикультурных текстов, поскольку рассматривает сложное взаимодействие языков и культур, что является центральным фактором для точной передачи различных мультикультурных перспектив и идентичностей, встречающихся в мультикультурной литературе. Американское общество представляет собой мозаику из различных культур, каждая из которых имеет свои уникальные языковые выражения, культурные ссылки и контекстуальные значения, отражаемые в американском английском языке. Лингвокультурологический подход фокусируется на переводе языковых компонентов и глубоко проникает в культурный контекст, из которого возникают лингвистические и культурные средства выражения мультикультурной идентичности автора или персонажей.

Данный подход крайне актуален, поскольку гарантирует соблюдение и сохранение культурных нюансов, которые могут быть упущены более традиционными теориями перевода, склонными отдавать предпочтение прямой языковой эквивалентности перед культурным контекстом.

Идиоматические выражения, культурные метафоры, отсылки к историческим событиям или культурной практике, например, требуют методов перевода, учитывающих их значение в данной культуре. Применение лингвокультурологического подхода позволяет лучше интерпретировать и адаптировать подобные элементы таким образом, чтобы они находили отклик у целевой аудитории, сохраняя при этом целостность и замысел оригинального текста.

Более того, в контексте американской мультикультурной литературы, где часто представлены голоса этнокультурных и маргинальных сообществ, лингвокультурный подход способствует более эмпатичному и осознанному процессу перевода. Данное направление поддерживает роль перевода в преодолении культурных разрывов, позволяя целевой аудитории взаимодействовать с текстом в уважительной и просветительской манере.

По сути, лингвокультурологический подход представляет собой всеобъемлющую основу, признающую неразрывную связь между языком и культурой, что делает ее идеальным выбором для перевода текстов в богатом многообразии американском мультикультурном контексте. Такой подход повышает читабельность и доступность переведенного произведения и обеспечивает аутентичную передачу культурной идентичности и самовыражения, сохраняя оригинальное культурное богатство текста.

Проведение переводческих и литературоведческих исследований с позиций метамодернистской парадигмы обосновывается тем, что метамодерни как концептуальный подход, опирающийся на принципы включения и многообразия, отражая динамическое взаимодействие между идейными наследиями предыдущих периодов и новыми вызовами, предлагает новые методологические подходы для анализа и понимания литературы и перевода в глобализированном мире.

В этом ключе *лингвокультурологический подход* имеет тенденцию к расширению до самостоятельной переводческой теории так как современный нарратив насыщен разнообразием лингво- этно- социокультурологических элементов. Они, в свою очередь, представляют различные аспекты идентичности, субъектности и авторства, которые особенно важны в глобальном мультикультурном контексте и, ожидаемо, приобретают центральные позиции в литературоведческих и переводческих исследованиях, поскольку они позволяют глубже понять, как тексты и их переводы формируют и отражают многообразие культурных идентичностей, способствуя развитию нового взгляда на межкультурное взаимодействие и взаимопонимание.

2 ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2.1 Переводческий аспект лингвокультурно-детерминированного мультикультурного нарратива американской мультикультурной литературы

Американская мультикультурная литература – это обобщающий термин, который включает в себя литературное творчество всех этнокультурных групп, представленных в американском обществе. Несмотря на разнообразие лингвокультурного наследия мультикультурные писатели демонстрируют универсальные закономерности и черты, проявляющиеся в общности тем, развитии персонажей и сюжетных линий, а также в схожем использовании лингвокультурологического многообразия вербальных выразительных средств и культурных референций, выходящих за рамки американского языка и культуры. Адекватный перевод требует применения лингвокультурологического подхода, который представляет собой адаптивную систему переводческих решений, основанных на идентификации и детализированном понимании функциональных и стилистических характеристик лингвокультурологических особенностей, присущих *американской мультикультурной литературе*. Такой подход обеспечивает и лингвистическую и культурную *конгруэнтность перевода*, что является ключевым для сохранения мультикультурной аутентичности текста и его адекватного восприятия целевой аудиторией.

Американский мультикультурный нарратив отражает индивидуальный и коллективный опыт менее представленных американских этнокультурных групп и пронизан глубокими культурными смыслами, которые наряду со специфической структурой, элементами и типами повествования представляют собой уникальный пласт современного нарративного дискурса. Язык американской мультикультурной литературы, находящийся под воздействием иноязычной и инокультурной интерференции, является ярким маркером идентичности и выразительным средством усиления тематической сложности, эмоциональности и релевантности повествования.

Критический обзор литературоведческих исследований М. Бахтина [213], Ж. Женетта [214], У. Фишера [215], М. Заверзаде [51], М. Кирка [121], Н. Хасана [142] и других позволил нам сформулировать обобщенное определение нарратива литературно-художественного произведения как *неразрывного единства организации повествования, включающего единство темы и мотивов, нарративной структуры для передачи смысла и воздействия на читательскую аудиторию*. По мнению Ж. Женетта, литературный нарратив пересказывает невербальные события с помощью последовательной организации средств языка [214], которые находятся в естественной корреляции с историческим и социокультурным контекстом рассказываемой истории и личностью рассказчика, следовательно организация лингвистических средств также играет ключевую смыслообразующую и воздействующую роль в

нарративе, и требует отдельного анализа для выявления лингвокультурной детерминированности, характерной для американской мультикультурной литературы.

Определение лингвокультурологических особенностей американской мультикультурной литературы основано на литературоведческом и лингвистическом анализе *репрезентативного корпуса текстов*, который, по определению Д. Егберта и Д. Бибера, представляет собой тщательно подобранную коллекцию текстов, представляющую собой основу для определения уникальных лингвокультурных и структурных особенностей определенного направления или жанра [216]. С. Конрад, Д. Бибер и другие исследователи подчеркивают, важность большого объема текстового материала и принципиальных процедур выборки для обеспечения того, чтобы корпус точно отражал лингвистические характеристики целевой группы [217].

В нашей работе мы опираемся на анализ обширного корпуса мультикультурной прозы, написанной американскими писателями, являющимися выходцами из одного из пяти культурно-географических регионов, таких как *Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка и Африка, Восточная Европа*, которые согласно официальной статистике являются наиболее представленными иммигрантскими группами в американском социуме [218], [219], [220]. Данный корпус позволил провести статистический сравнительный анализ лингвокультурологических особенностей, характерных для отдельных этнокультурных групп и для направления в целом.

Основным принципом формирования репрезентативного корпуса является точность критериальных рамок отбора текстов, обеспечивающих достаточное разнообразие авторов и произведений, которые охватывают весь литературный ландшафт американской мультикультурной литературы – *мультикультурность, проза, роман, американские авторы, английский язык и т.д.* Представленные в теоретических основах исследования *параметры* качественной мультикультурной литературы, такие как *достоверность репрезентаций культурных и языковых особенностей, обоснованность обращения к лингвокультурно-специфическому содержанию, воспитательно-развивающие функции* послужили главным основанием отбора практического материала. Выбор современной романной прозы (1990-2024) в качестве формы и жанра обоснован ее потенциалом всесторонне отражать этнокультурное многообразие персонажей американского мультикультурного общества. М. Бахтин характеризует монопольный роман как произведение, в котором социальное разпоречие, разноязычие, и индивидуальная разноголосица структурно организованы в художественную форму [213]. Данное определение в мультикультурном контексте приобретает дополнительные надъязыковые и надкультурные смыслы, так как лингвостилистическое своеобразие мультикультурной литературы проявляется через интеграцию внутренней расслоенности американского языка с элементами внешних культурных и языковых влияний неамериканской лингвокультуры автора. Для переводческого

анализа критерием отбора служило наличие перевода на более чем 10 языков мира, например *Бегущий за ветром* Х. Хоссейни переведен 47 языков, *Короткая фантастическая жизнь Оскара Вау* Х. Диаса на 36 языков. Тщательный отбор и значительное количество художественных произведений в репрезентативном корпусе подтверждают обоснованность и достоверность нашего анализа.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что лингвокультурологические особенности *американской мультикультурной литературы* являются следствием лингвистической и культурной интерференции неамериканской лингвокультуры на язык и структуру исходного текста. Естественно, возникающий лингвокультурный диссонанс, функционирующий как специфический художественный феномен, проявляется в виде уникальных ментальных и культурных стимулов, вызывающих у носителей соответствующей лингвокультуры широкий спектр ассоциаций, а для представителя другой лингвокультуры – играющий роль индикатора определенной этнокультуры.

Единство структурных и языковых аспектов нарратива, представленных в исследованиях Ю. Лотмана [163], Ж. Женетта [214], Ц. Тодорова [24] и других, является определяющим для нарративного исследования в рамках нашей работы. Выделенные нами нарративные элементы, такие как *тема и мотивы, репрезентация времени и пространства, нарративная структура*, тесно взаимосвязаны, что подтверждает определение нарратива как всеобъемлющего способа представления и понимания информации, событий и опыта через структурированное повествование.

Единство *темы и мотивов* заключает в себе глубинные смыслы и идеи художественного нарратива произведения. *Тема* представляет собой центральную мысль или концептуальный вопрос, который автор стремится передать читателю посредством своего произведения. В контексте нашего исследования мы можем утверждать, что мультикультурный нарратив строится под влиянием лингвокультурного контекста и личного опыта писателей-мигрантов, соответственно, типичные темы литературного нарратива исследуют вопросы иммиграции, ассимиляции, сохранения культуры, конфликта идентичностей, столкновения традиционных и американских ценностей, которые рассматриваются с точки зрения их повествовательного потенциала и их способности инициировать размышления и диалог об актуальных проблемах мультикультурного американского общества. При переводе *тема* проявляется в сохранении и передаче основной идеи и концептуальных вопросов исходного произведения на целевой язык через точную передачу смысла, культурную адаптацию, сохранение стиля и тона, а также эмоционального и эстетического воздействия.

Мотив, наряду с построением сюжета и развитием персонажей, является темообразующим средством, проявляющимся посредством повторяющихся в течение всего произведения образов, действий и фраз, которые зачастую имеют символическое значение и способствуют усилению эмоционального

воздействия и более полному раскрытию темы произведения. Анализ показывает, что наиболее часто встречающимся мотивом являются образы, связанные с культурным наследием, семейными корнями, чувством принадлежности и двойного сознания, а также с действиями, символизирующими трансформацию, путешествие и пересечение границ и внутреннюю иммиграцию в прошлое. Закономерно, что в американской мультикультурной литературе большинство мотивов детерминированы культурным наследием и мировоззрением автора, например, это могут быть предметы из прошлого, связанные с культурным наследием (японский зонтик, китайский стол для игры в маджонг, традиционный афганский воздушный змей, предметы искусства из Эрмитажа), повторение слов, фраз или песен (сәфә Nostalgiya, ship Patnyat, Zendagi migzara – Жизнь продолжается с фарси, мексиканская песня La Bamba), образы из фольклора и религиозных верований (доминиканские концепции фуку и зефея, нигерийское дерево Удала) и другие. По мнению К.Каримовой, образ как символ всегда выходит за собственные пределы и указывает на присутствие некоторого смысла, неразрывно слитого с образом, но не тождественного ему, он культурно метафоричен [221], соответственно в рамках нашего исследования для перевода требуется предварительная лингвокультурологическая декодировка мотива-символа.

Адекватный лингвокультурологический перевод мотивов имеет решающее значение для сохранения целостности тематического содержания литературного произведения, поскольку мотивы неразрывно связаны с культурными и идентичностными аспектами, присущими американской мультикультурной литературе.

Выразительной иллюстрацией культурной детерминированности мотива служит роман Э. Тан *The Hundred Secret Senses* [76], на протяжении которого постоянно упоминается ghost – призрак, символизирующий связь с китайским наследием и иллюстрирующий культурную неустроенность и состояние двойственности, характерную для мигрантов из-за принадлежности двум мирам, родному и американскому:

англ: «The ghosts branded me for having two faces: one loyal, one traitor» [76, с.21]

русск: «Духи заклемили меня за то, что у меня два лица: одно преданное, другое – предательское» [222, с.10]

англ: «Sometime ghost, they get lost, she said. she said. You want, I try catch for you» [76, с.110]

русск: « Иногда призрак теряться, – сказала она. – Хочешь, я поймать его для тебя?» [222, с.122]

англ: «And then Kwan begins to talk in Chinese, the language of our childhood ghosts» [76, с.145]

русск: «...и Кван переходит на китайский, язык наших детских призраков» [222, с.157].

Рассматривая переводческий аспект передачи данного символа, в первую очередь необходимо обратить внимание на результат статистического анализа,

который показал, что в исходном тексте, слово *ghost* встречались 293 раза, а в переводном тексте обращение к лексеме *призрак* и ее дериватам встречается 207. Важно отметить, что лексико-семантическая замена *ghost* на другие возможные эквиваленты была минимальной: замена *ghost* на *мертвый* происходила 31 раз; слово *дух* использовалось всего 7 раз и только в первой четверти романа; обращение к таким общеизвестным словам как *фантом*, *привидение* и т.д. не имело места в целом. Таким образом, несмотря на то, что для передачи аналогичной эмоциональной и символической нагрузки мотивообразующего слова *ghost* применялись лексические трансформации и культурные компенсации для русскоязычной аудитории, в целом наблюдается стойкая тенденция к сохранению первоначального мотива посредством единообразия его лексического оформления. Данный пример иллюстрирует, что фундаментальным критерием передачи мотива исходного текста является равнозначная представленность повторяющегося образа и единообразие лексических средств, применяемых во всех случаях обращения к данному образу или фразе.

Адекватный художественный перевод американской мультикультурной литературы опирается на лингвокультурологический филологический анализ *тем и мотивов*, так как в целом мультикультурный нарратив испытывает влияние родной лингвокультуры писателей и, следовательно, может выходить за рамки как лингвистических так и образно-символических аспектов классической американской литературы. Анализ показывает, что мотивы, к которым обращаются мультикультурные писатели, естественно коррелируются с понятием художественного *хронотопа*, определяемого М. Бахтиным как способ представления времени и пространства, строящий основу для сюжетных линий и развития персонажей. [223]. Хронотоп в мультикультурном романе является фоном построения событий и активным инструментом формирования смыслов и характера персонажей.

Анализируя время и пространство мультикультурных американских произведений, мы адаптируем типологию романного хронотопа М. Бахтина, [224] предлагая наиболее релевантные типы, отражающие сложности миграционного опыта и мультикультурного взаимодействия. Наиболее частыми типами в литературе американских мигрантов являются хронотоп границы – центральный мотив, раскрывающий процесс трансформации личности, пересекающей физические, культурные, временные, метафорические границы и классический хронотоп дороги, символизирующий путь из родной страны в новую и внутренний путь к самопознанию и адаптации к чужой культуре и языку. Хронотоп города в мультикультурной литературе зачастую переплетается с хронотопом дома. Нью-Йорк, Чикаго, Сиэтл воплощают американский идеал свободы, возможностей, динамичности современного мира, и одновременно олицетворяют социокультурную изоляцию и столкновения внутри общества многообразия. На фоне многоголосого города мультикультурные авторы через сохранение обращения к языку и традициям своей родины создают символическое пространство дома и семьи, где время

замедляется или течет вспять. Для американской мультикультурной литературы обращение к дуалистической и фрагментарной репрезентации времени и пространства помогает передать экзистенциальные и культурные проблемы, характерные для иммигрантского опыта – типично нелинейное время, охватывающее несколько поколений, флэшбеки показывают историческую глубину культурного и семейного наследия, а множественность пространств наделена социальным и культурным значением, неотъемлемым от личности и опыта героев.

По мнению А. Джундубаевой, понятия пространства и времени глубоко укоренены в культурном и языковом контекстах и раскрывает глубокие культурные и когнитивные рамки определенной лингвокультуры [225]. В арабском мире время и пространство часто воспринимается как более гибкое и менее структурированное по сравнению с западными концепциями, и отражает исламский взгляд на предопределённость [226]. В латиноамериканских культурах время часто воспринимается как более гибкое и менее строгое по сравнению с западными нормами, и описывается термином *тапапа* - завтра, который отражает спокойное отношение к времени и откладывание дел на потом. В литературе оно проявляется через глубокую связь событий с их историческим и культурным контекстом, часто с использованием техник магического реализма, как в произведениях американских мультикультурных авторов, таких как Х. Диас, И. Альенде или Р. Анайи. Пространство в американской латиноамериканской литературе зачастую является символическим пограничьем, отражающим сложные социальные и исторические реалии региона [227]. В африканских культурах время часто рассматривается не в контексте часов или минут, время событийное, и проявляется в американской мультикультурной литературе африканских писателей через нарратив, где время течет нелинейно и часто зависит от внутренних состояний или изменений в обществе [228]. В китайской культуре концепция времени связана с конфуцианскими и даосистскими взглядами на порядок и гармонию, время циклично повторяется и имеет ритмическую природу. Пространство также имеет глубокие символические аспекты, построенные на гармонии и балансе, например, принципов фэн-шуй. Соответственно, в нарративе американских китайских авторов отражены данные особенности через цикличное возвращение во время-пространство события [229]. В русской культуре время традиционно имеет линейное представление, а пространство часто воспринимается как открытое и безграничное. Китайская литература больше сосредоточена на взаимосвязи человека с внешним миром, подчеркивая его взаимодействие с социальными и космическими законами, в то время как русская литература часто фокусируется на моральном и философском поиске персонажей, и их внутреннее состояние определяет нарративное пространство и время произведения [230]. Таким образом, различия в изображении времени и пространства у разных представителей американской литературы отражает более широкие культурно-

детерминированные фундаментальные аспекты реальности, чем классическое пространство и время.

Культурное влияние на темы, мотивы, репрезентацию времени и пространства в значительной степени определяют специфические, структурные характеристики американского мультикультурного произведения, которые часто опираются на традиции и техники повествования, распространенные в культуре самих писателей. Исследования репрезентативного корпуса американской литературы демонстрирует, что различные культуры имеют свои традиционные формы и структуры повествования, такие как устные предания, мифы, легенды и народные сказания, которые часто переносятся в американскую мультикультурную литературу и влияют на организацию повествования. Достаточно частая для мультикультурного повествования многоперспективность, иными словами рассказ от разных лиц, позволяет более полно раскрыть различные аспекты культурного и социального контекста. Нелинейное повествование также весьма типично – ретроспекция, параллельные сюжетные линии, рассказ в рассказе и другие нелинейные структуры отражают сложности иммигрантского опыта существования между культурами, языками, наследием прошлого и американским настоящим.

Принимая во внимание классификацию повествовательных структур Ж. Женетта [214], исследования о синтаксических и семантических слоях нарратива Р. Альтмана [231] и функциональной роли речи персонажей в построении повествования Ш. Риммон-Кенан [232] и М. Тулана [233], мы выделяем понятие нарративного *модуса*, который присутствует в любой романной прозе и является основополагающим для понимания организации лингвокультурно-детерминированного нарратива американской мультикультурной литературы. В рамках нашего исследования мы используем понятие нарративного *модуса* как способа общей организации и структурирования языка произведения. Иными словами, *модус* – это лингвистическая макроструктура художественного повествования, играющая ключевую роль в создании целостного, выразительного и связного текста. В нашем исследовании мы рассматриваем способы выражения лингвокультурной детерминированности посредством использования языка и речи произведения в целом, следовательно, необходимо дифференцировать основного рассказчика и персонажей. Повествователь, определяемый Н. Джуанышбековым как *носитель авторской речи* и описывающий события и героев, может быть представлен как гетеродиегетический, всеведущий, ограниченный рассказчик или повествование может вестись от первого лица [234]. Хотя рассказчик является результатом творческого воображения писателя, тем не менее, его вербальное воплощение находится под влиянием лингвокультуры автора, особенно в мультикультурном произведении, когда этнокультурная специфика играет значительную роль в сюжетном и тематическом содержании. Персонажи проявляются в монологах и диалогах, предоставляя читателю личный и субъективный взгляд на события глазами непосредственных участников, что

позволяет создать более интимное и эмоционально насыщенное повествование, которое помогает читателю глубже понять внутренний мир героя и его мотивы.

Наш анализ репрезентативного корпуса американской мультикультурной литературы дает основание выделить три типа языковой организации нарратива, посредством которых проявляется лингвокультурная специфика – *интеркультурный литературный модус*, *стилизированный модус* и *комбинированный модус*, и дифференциация которых, следовательно, имеет решающее значение при переводе, нацеленном на сохранение данной специфики.

Интеркультурный литературный модус характеризуется тем, что язык повествования и речь персонажей представлены литературным английским языком с некоторыми, иначе говоря, минимальными, включениями культурных реалий, идиоматики и референциями из другой лингвокультуры, которые и передают культурную детерминированность писателя, героев, сюжетного времени и пространства. Атрибутив *литературный* обоснован близостью языка всего произведения к литературным лингвостилистическим нормам американского английского языка, в то время как *интеркультурный* подразумевает культурное взаимодействие и обмен.

Ярким примером *интеркультурного литературного модуса* являются произведения Д. Лахири, писателя бенгальского происхождения, которая пишет на литературном английском языке, избегая сленга, жаргона и ненормативной лексики, однако культурная принадлежность автора и персонажей выражается в использовании бенгальских культурных реалий, таких как *ari*, *hindi*, *Happy Vijaya*, *chorchori* и бенгальских слов, имеющих церемониальное или расширенное концептуальное значение, например *Baba* вместо *Dad*, *Dadu* – *grandfather*, *Dida* – *grandmother* [235].

Функционирование *интеркультурного литературного модуса* с неамериканскими культурно-маркированными словами, служащими маркерами мультикультурности американского произведения, требует адекватной передачи в переводе для сохранения культурной идентичности автора и персонажей. Проблема перевода культурно-маркированной лексики занимает значительное место в современном переводоведении, что связано с растущей глобализацией, межкультурной коммуникацией и изменяющимися требованиями к переводу в условиях многокультурных обществ. С одной стороны требуется адаптация культурных элементов, чтобы они были понятны и приемлемы для международной аудитории, с другой стороны возрастает важность передачи культурной идентичности исходного текста, его аутентичности и уникальности. Вопросы этики и общественного отношения также играют важную роль в доминирующих переводческих тенденциях, нацеленных на элиминацию культурных искажений и апроприации.

Написанный на стандартном английском языке, нижеследующий отрывок из романа Д. Лахири содержит некоторые термины из бенгальской культуры:

anzl: «As usual his mother cooks his favorite things: *lamb curry* with lots of potatoes, *luchis*, thick *channa dal* with swollen brown raisins, pineapple *chutney*, *sandeshes* molded out of saffron-tinted ricotta cheese» [82, с.61].

русск: «Как обычно, мать начинает готовить его любимые кушанья: *карри* из баранины с картошкой, воздушные хлебцы *лучиз* из тонкомолотой муки *майда*, густой, душистый *дал* с пухлыми коричневыми крапинками изюма, пряный ананасовый соус *чатни*, нежные шарики *сандеша*, скатанные из смешанного с шафраном сыра рикотта» [236, с.49].

Переводческий анализ показывает, что в целях сохранения аутентичности и культурного контекста, все культурные реалии исходного текста, точные названия блюд и ингредиентов присутствуют в целевом тексте в транслитерации, но адаптировано включены некоторые пояснения, например, *luchis* – воздушные хлебцы *лучиз* из тонкомолотой муки *майда*, добавлено пояснение о муке *майда*, что помогает читателю примерно понять, что это за блюдо или *thick channa dal* – густой, душистый *дал*, введенный эпитет *душистый*, что усиливает описание блюда на русском языке; *pineapple chutney* – пряный ананасовый соус *чатни*, добавление слова *пряный* и *соус* подчеркивает вкусовые характеристики и тип блюда и так далее. При переводе нейтрального текста, также внесены некоторые трансформации, которые незначительно влияют на смысл, но делают текст более понятным для русскоязычного читателя.

Необходимо отметить, что в нашем исследовании перевод *интеркультурного литературного* модуса представляет интерес прежде всего как анализ перевода культурных вкраплений, рассматриваемых как отдельная лингвокультурологическая особенность американской мультикультурной литературы и лингвокультурно-значимых нарративных характеристик. Выбор переводческих решений зависит от контекста, целевой аудитории и прагматической цели. Важно найти баланс между сохранением культурных особенностей исходного текста и обеспечением понятности и приемлемости текста для целевой аудитории в зависимости от конкретной ситуации.

В контексте нашего исследования наиболее интересным в лингвокультурологическом плане является *стилизированный модус* нарратива американской мультикультурной литературы. *Стилизованный модус* характеризуется высокой степенью лингвокультурной детерминированности, так как весь язык авторского повествования является стилизованным английским языком – полностью контаминированная, двуязычная или креолизованная речь, насыщенная лексическими и стилистическими элементами, заимствованными из изображаемой лингвокультуры. Если *интеркультурный литературный модус* прежде всего представляет собой всеведущую точку наррации от третьего лица или от ограниченного рассказчика, то *стилизованный модус* в большинстве случаев является повествованием от лица гомодиегетического рассказчика, активно включенного в действие сюжета и рассказывающего историю своими словами. Соответственно, его речь тождественна словам автора, и при этом рассказчик

выступает как основной носитель определенной культуры, его речь – мощный инструмент, который с помощью лексических, грамматических, стилистических средств выполняет решающую функцию в развитии сюжета и формировании культурного контекста. Речь других персонажей, в зависимости от их образа, может быть лингвокультурно окрашена, например, если это – мигрант, или соответствовать нормам американского английского языка, в случае если изображается типичный представитель американского общества. Анализ демонстрирует, что данный модус стилизуется под повествование, испытывающее значительное влияние родной лингвокультуры и особенностей языка, характерных для определенной этнокультурной группы американского общества, и способствует созданию реалистичных и многогранных образов и культурного контекста произведения.

Анализ репрезентативного корпуса американских мультикультурных произведений, представляющих собой примеры стилизованного модуса повествования, таких как *Under the Udala Trees* Ч.Окпаранта (нигерийский пиджин-английский) [237], *The Salt Roads* Н.Хопкинсона (карибский английский креольский язык, включающий в себя смесь английского, африканского и коренных карибских языков) [238], *The House on Mango Street* С.Сиснерос (спанглиш, упрощенный английский) [85], *Brother, I'm Dying* Э.Дантикат (гаитянский креольский язык) [239] и другие, демонстрирует, что лингвокультурно-стилизованный нарратив является достаточно эффективной техникой погружения читателя в историю от первого лица и выразительным средством создания образности, к которому обращаются мультикультурные писатели.

Стилизация происходит на разных языковых уровнях. Если на грамматическом уровне может наблюдаться диссонанс с языковыми конвенциями английского языка, например отсутствие вспомогательных глаголов в следующем отрезке: *Trevor rusted pickup and no license. Trevor sixteen; blue jeans streaked with deer blood. Trevor too fast and not enough* [240, с.120], то на лексико-стилистическом уровне может происходить лексико-семантическая замена идиом английского на переведенные калькой эквиваленты из родной лингвокультуры автора: *One leg here, another there. Raya said* [74, с.34]. Однако в большинстве случаев стилизация комплексно задействует все языковые средства и уровни.

При переводе *стилизованного нарративного модуса* переводческая сложность значительно увеличивается в сравнении с переводом *интеркультурного литературного модуса*, так как одновременно необходимо учитывать как лингвистическую специфику так и насыщенность культурными элементами.

Одним из ярких образцов глубоко лингвокультурно-детерминированного нарративного модуса является роман *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao* Х. Диаса. Повествование ведется несколькими рассказчиками, соответственно стиль и язык разных глав значительно отличается. Большая часть романа написана от первого лица персонажа Юниора, американского-доминиканского

подростка, который рассказывает историю семьи де Леон, уделяя особое внимание Оскару и его трудностям:

англ: «His mother and his *abuela* met him at the door; excuse the stereotype, but both had their hair in *rolos* and couldn't believe his *sinvergüencería*. Do you know that woman's a *PUTA*? Do you know she bought that house *CULEANDO*?» [87, с.169].

русск: «Мать и *абуэла* встретили его на пороге; обе, простите за клише, вылитые *Медузы горгоны*, обе потрясены его бесстыдством. Ты в курсе, что эта женщина ПУТА? Ты в курсе, ЧЕМ она заработала на свой дом?» [241, с.262].

Исходный отрывок демонстрирует богатое и сложное использование языка как в повествовании, так и в речи персонажей. Передача содержания и лингвокультурного контекста происходит сразу посредством нескольких аспектов. Отрывок в значительной степени опирается на диалоговую форму, передающую напряжение и динамику между персонажами, глубже вовлекая читателя непосредственно в конфликт. В прямой речи плавно сочетаются английский и испанский языки особенно при использовании эмотивной и конфронтационной лексики (*sinvergüencería* - бесстыдство, *PUTA* - шлюха). Капитализация подчеркивает интенсивность чувств и добавляет культурные коннотации, которые могут быть утеряны при переводе на английский язык. Кроме того, включение испанского языка подчеркивает двуязычную природу персонажей и дифференцирует отношение поколений и языковые предпочтения, добавляя глубину их личностям. Перевод многих испанских фраз у Диаса отсутствует, что погружает читателя в языковое разнообразие. В целом, комбинирование языка повествования и речи персонажей в этом отрывке является продуманным и многогранным, стилистические, лексические и грамматические элементы передают реалистичный и культурно-детерминированный контекст сюжета.

При переводе лингвокультурно-окрашенного нарративного модуса в переводе используется разговорный стиль, однако культурно-специфическое выражение *hair in rollos*, буквально с *приспособлением для завивки прямых волос* адаптировано на понятный русскоязычному образ *Медузы горгоны*, возможно прямой перевод *бигуди* был бы также близок для целевой аудитории, но менее выразителен. Персонажи используют грубую лексику, характерную для их социального уровня и эмоционального состояния. Капитализированные слова *PUTA* и *CULEANDO* добавляют напряженности и отражают агрессию и предубеждения матери и *абуэлы*. Возникает проблема передачи их агрессивного и оскорбительного характера, в рамках приемлемого уровня грубости для русскоязычной аудитории. *PUTA* транслитерируется без перевода, за счет чего сглаживается основное значение. Прямой перевод фразы *she bought the house CULEANDO* практически невозможен из-за своей идиоматичности поэтому выражение *ЧЕМ она заработала на свой дом* является более эвфемистичным, чем оригинальное *CULEANDO*, обценная лексика исключается, но суть обвинения остается понятной.

Данный отрывок иллюстрирует основные сложности перевода лингвокультурно-детерминированного нарратива который заключается в адекватной ретрансляции культурных, языковых и выразительных аспектов комбинированно представленных в исходном тексте с учетом лингвокультурных конвенций и ожиданий целевой аудитории. Лингвокультурологический подход к переводу обеспечивает внимание к трансляции этнокультурной окраски художественного мультикультурного произведения.

Комбинация интеркультурного литературного модуса и стилизованного модуса представляет собой дихотомию литературного английского языка и стилизованного идиолекта. Обычно повествование ведется от лица гетеродиегетического рассказчика, находящегося вне действия нарратива и использующего стандартный американский английский язык. Мультикультурные персонажи, иногда выступающие как метадиегетические рассказчики, представляющие историю внутри другой истории, говорят на стилизованном, зачастую форенизированном английском языке, включая в речь целые высказывания и лексические сочетания на родном языке. Повествовательные пересечения наглядно иллюстрируют бахтинскую романную полифонию, разделяя язык и речь художественного произведения.

Данная нарративная техника является наиболее распространённой лингвокультурной детерминантой американского мультикультурного нарратива. У Ч.Н. Адичи в романе *The Half of the Yellow Sun* нейтральный модус рассказчика передается посредством синтаксически и стилистически сложного английского, причем речь на нигерийском языке, внутренние монологи и разговоры со внутри семьи, также передаются посредством литературного английского языка [242]. Внешняя английская речь персонажей, стилизована под пиджинизированную найджа.

В задачи перевода подобной дихотомии, в котором используются двухуровневое повествование входит сохранение стилистической консистентности, чтобы различие между языком рассказчика и персонажей было четко выражено, и лингвокультурные особенности речи персонажей были сохранены. Переводческий анализ текста Ч.Н.Адичи позволяет выявить интересные аспекты трансформации языка и культурных особенностей, которые передаются через речь персонажей:

англ: «Arize came home moments later and Olanna braced herself to stand firmly, so Arize's excited hug would not knock her down, *Sister! You should have warned us that you coming! At least we would have swept the yard better! Ah! Sister! Aru amaka gi! You looking well! There are stories to tell, oh!*» [242, с.56].

русск: «Через минуту влетела Аризе и, чуть не сбив Оланну, бросилась обнимать. – Сестренка! Что ж ты не сказала, что приедешь? Мы б хоть двор подмели почище. Ах, сестренка, aru amaka gi! Кака ты красивая! Столько всего нужно тебе рассказать!» [243, с.37].

Переводческий анализ иллюстрирует, что требуется дифференцированный подход к авторской речи и стилизованной речи

персонажей, так как они имеют различные лингвистические характеристики. Нейтральный модус обычно приближен к стандартной литературной норме, что помогает удерживать целостность и ясность повествования, сохранение аналогичного стиля, обеспечивая его соответствие оригиналу. При переводе нейтрального модуса на русский использовались несколько переводческих трансформаций: во фразе *Agize came home moments later* возникает лексическая замена через минуту влетела Аризе, здесь *came home* меняется на влетела, что передает динамичность и скорость действия, которая более характерна для русского языка, а *moments later* переведено как через минуту, что является вполне точным эквивалентом и сохраняет временную рамку; перестановка порядка слов и синтаксических структур в *через минуту влетела Аризе и, чуть не сбив Оланну, бросилась обнимать*, в данном случае перестановка элементов предложения, действия и объекта действия, сделана для соответствия нормам русского синтаксиса; эллипсис или опущение слов в английском оригинале *Agize's excited hug* дословно переводимое как возбужденное объятие Аризе опущено и передано просто глаголом *бросилась обнимать* в русском переводе, соответственно, контекст и эмоциональная окраска сохраняются, но более компактно; *чуть не сбив Оланну* является приемом компенсации при переводе *Olanna braced herself to stand firmly* так как добавляет контекста и делает перевод более естественным, хотя и не дословным; кроме того наблюдается синтаксическая трансформация – оригинальная английская фраза содержит несколько предложений, связанных логически, а в русском переводе структура изменена на одну сложносочиненную конструкцию, что упрощает восприятие информации на русском языке. В целом, при переводе нейтрального модуса использована комбинация приемов, которые помогли передать основное содержание и эмоциональную окраску оригинального текста, адаптировав его к языковым нормам русского языка.

Стилизованная лингвокультурно-детерминированная речь персонажей отражает культурные и социальные контексты, которые могут быть неизвестны целевой аудитории, следовательно необходимо соблюдать баланс между сохранением этих культурных особенностей и обеспечением их понимания читателями. В исходном тексте персонаж Аризе говорит на пиджинизированном нигерийском английском, что проявляется в неформальных и разговорных конструкциях, таких как *you coming* и *you looking well*, что создаёт ощущение аутентичности и подчёркивает культурные особенности. Трансформация русского языка для передачи пиджина является сложной задачей, так как невозможно буквально перевести этот диалект на русский. Однако использование фраз *мы б хоть двор подмели почище* и *Кака ты красивая!* помогает сохранить разговорный стиль и эмоциональную окраску. Применение неформальных слов и выражений, таких как *Сестренка!* и *Ах, сестренка!*, помогает передать неформальную атмосферу, что и в исходном тексте. Фразы на игбо *agu amaka gi*, сохранены в оригинале и не переведены на русский, что позволяет увеличить аутентичность и подчеркнуть культурный контекст. Перевод можно считать адекватным, так как сохраняются основные

черты оригинала: эмоциональность, неформальность и культурные особенности речи персонажей. Хотя трансформация языка и адаптация нигерийского пиджина на русский язык требует определённых изменений, в переводе успешно передан дух и стиль оригинального текста, что делает текст доступным и понятным для русскоязычной аудитории.

В некоторых случаях, писатели выходят за бинарные рамки американской и родной этнолингвокультуры, обращаясь сразу к нескольким языкам и культурам. Ч.П. Адичи органично использует многоязычный подход вплетая языки игбо, йоруба, нигерийский пиджин-английский в повествование на стандартном английском языке, передавая часто игнорируемую за пределами континента, этнокультурную идентичность нигерийцев и африканцев в целом посредством речи персонажей:

англ: «Tears crawled down from his swollen left eye and he placed a palm on it while he followed her. He did not speak except to mumble *Dalu – thank you* before he left, clutching the small bag of *garrri*» [242, с.488] – включение игбо.

русск: «Прикрыв ладонью распухший, слезящийся левый глаз, он последовал за ней. Он ничего не говорил, только шепнул: *Dalu – спасибо –* и ушел, сжимая сверток *garrri*» [243, с.273].

англ: «*Na gode. Thank you, Hajia,-Olanna* said, wondering how it was possible for people to switch affection off and on, to tie and untie emotions» [242, с.64] – включение йоруба.

русск: «–*Na gode. Спасибо, Хаджия. Оланна* про себя изумилась тому, как некоторые люди умеют управлять чувствами, по своей воле чередовать гнев и милость» [243, с.31].

Анализ переводческих решений показывает, что в обоих примерах сохраняется исходный формат – фраза на игбо и йоруба плюс перевод, значение фраз понятно, культурный контекст не теряется. Эмоциональная насыщенность в первом примере выражена через состояние солдата, а во втором – через внутренние размышления Оланны. Стилистические особенности исходного текста адаптируются для целевой аудитории, например, использование слова сверток–маленький мешок гарри соответствует русскоязычным нормам.

Насыщенность текста лингвокультурно-маркированными единицами племен игбо и йоруба передает социальные реалии и разногласия в нигерийском обществе. В представленных отрезках не указан этнос говорящих, но есть обращения к конкретному языку, посредством которого передается этническая принадлежность персонажа. Для мультикультурной американской аудитории, включающей в себя множество мигрантов из африканских стран, наличие знакомых языковых оборотов в произведении создает дополнительный уровень связи с текстом, однако русскоязычная аудитория в большинстве не знакома с особенностями многосоставной нигерийской лингвокультуры и, соответственно, в некоторых случаях требуется эксплицитное обоснование обращения к какому-то языку или его стилизации.

Парративная техника, комбинирующая переключения между нейтральным и стилизованным парративными модусами, иллюстрирует

универсальные сложности перевода американского мультикультурного произведения. Язык является неотъемлемой частью культурной идентичности, и его использование в тексте добавляет глубины и реалистичности персонажам и помогает лучше понять их происхождение, социокультурный контекст, мировоззрение, а также передает многоуровневую нарративную структуру американской мультикультурной литературы. Изучение культурных контекстов и исторического бэкграунда, задействованных при создании исходного текста, играет важную роль в правильной интерпретации и передаче мультикультурного повествования. Необходимо четко отделить повествование рассказчика и речь персонажа и систематизировано передать характерные лингвостилистические и культурно детерминированные особенности, присущие обоим перспективам на протяжении всего произведения – рассказчик обеспечивает формальность и объективность, тогда как персонажи привносят эмоциональность и культурные особенности. Адекватный перевод сохраняет эти различия, обеспечивая аутентичность и точность передачи нарративной техники исходного произведения.

Таким образом, анализ нарративных техник репрезентативного корпуса американской мультикультурной литературы и статистическая оценка их представленности показала, что лингвистическая организация нарратива *комбинация интеркультурного литературного модуса и стилизованного модуса и интеркультурного литературного модуса* встречается наиболее часто, 47 и 41 %, соответственно, в свою очередь *стилизованный нарративный модус* составляет 12 % от общего количества рассматриваемых произведений. В таблице 1 представлены результаты пропорциональной представленности различных типов лингвистической организации нарративного модуса в репрезентативном корпусе американской мультикультурной литературы.

Таблица 1 – Процентное соотношение нарративных техник репрезентативного корпуса американской мультикультурной литературы

интеркультурный литературный модус	41%
стилизованный нарративный модус	12%
комбинация нейтрального модуса и стилизованного модуса	47%

Использование различных нарративных модусов в американской мультикультурной литературе отражает разнообразие культурных и языковых традиций, представленных в этих произведениях и общие тенденции метамодернистской литературы в целом. Литературный английский с включением культурных элементов составляет 41%, так как позволяет охватить более широкую читательскую аудиторию. Использование культурных элементов (слов, выражений) добавляют аутентичности, не нарушая основного понимания текста. Неамериканские культурные единицы помогают передать специфичность пространства и времени сюжетных событий, обогащая текст и

делая его более интересным для читателей, знакомых с данной культурой. Такое сочетание позволяет сохранить баланс между доступностью текста и его культурной насыщенностью, что важно для мультикультурной литературы.

Комбинация интеркультурного литературного модуса рассказчика и *стилизованного лингвокультурно-детерминированного модуса* персонажей – наиболее часто встречающийся тип наррации, составляющий 47% от общего объема репрезентативного корпуса. Использование различных перспектив позволяет экспериментировать с нарративными формами, создавая более сложные и многоуровневые тексты, отражающие разнообразие культур и языков, присутствующих в американском мультикультурном обществе. Речь персонажей, говорящих на специфическом языке или диалекте, погружает в аутентичный мир произведения.

Стилизованный нарративный модус встречается гораздо реже двух других типов, составляя всего 12%. Несмотря на то, что данный формат позволяет глубоко передать лингвокультурную идентичность рассказчика и контекст сюжета, он является в некоторой степени сложным. Написание текста на пиджине или использование двуязычия требует высокого уровня мастерства и глубокого знания обоих языков и культур, что усложняет процесс создания текста и требует больших усилий. Использование стилизованной речи мигрантов может восприниматься как закрепление стереотипов, что делает авторов осторожными в использовании таких техник.

Кроме того, есть более практические объяснения небольшого объема произведений, использующих *стилизованный нарративный модус*. Стилизованная форенизация, пиджинизация или полное двуязычие могут быть трудными для восприятия широкой аудиторией, на которую ориентируются издательства. Высокая степень лингвокультурно-детерминированности может быть слишком нишевым и сложным для массового рынка продуктом, продвижение которого потребует дополнительных усилий для объяснения читателям их уникальности и ценности, что может быть более затратным и рискованным. Иными словами, использование необычного языка может ограничить количество читателей, готовых погрузиться в текст, что снижает коммерческую привлекательность таких произведений.

Тем не менее, *стилизованный нарративный модус*, несмотря на свои сложности, обладает значительными преимуществами, которые обогащают литературу. Стилизация способствует аутентичности и реализму повествования, представляет культурное разнообразие и инклюзивность, стимулирует литературные инновации, усиливает эмоциональную глубину и сопереживание, а также выполняет важные социальные и образовательные функции, что делает лингвокультурно-детерминированное повествование ценным инструментом создания глубоких и многослойных литературных произведений американской мультикультурной литературы.

Статистический анализ также показал, что этнокультурное наследие писателя не влияет на выбор нарративной техники для выражения мультикультурного характера произведения, все три типа встречаются во всех

этнокультурных группах американских авторов. Кроме того, можно утверждать, что при применении второй и третьей нарративных техник насыщенность лингво- и культурно-детерминированными особенностями выше, чем при использовании нейтрального или стандартно-английского повествования с культурными вкраплениями. Переводческая ретрансляция нарративной составляющей целого произведения является комплексной задачей, которая опирается на детальный лингвокультурологический анализ отдельных лингво- и культурно-детерминированных особенностей. Исследование функциональных и структурных характеристик лингвокультурологических единиц способствует правильной интерпретации культурных и контекстуальных компонентов мультикультурного текста, и позволяет выявить специфические аспекты отражения идентичности различных американских этнокультурных групп, в конечном счете обеспечивая эффективное решение проблем перевода посредством выбора наиболее адекватных переводческих приемов для каждой отдельной лингвокультурологической особенности *американской мультикультурной литературы*.

2.2 Лингвокультурологические особенности американской мультикультурной литературы

Как показал наш первичный анализ репрезентативного корпуса, лингвистическая макроструктура нарратива американской мультикультурной литературы строится на применении большого разнообразия средств передачи лингвокультурной детерминированности, которые можно определить как результат лингвистической и культурной интерференции лингвокультуры писателя или изображаемого контекста. Мы полностью согласны с мнением П.Тимачева, что именно лингвокультурология служит методологической базой изучения лингвистической интерференции [244], так как она значительно шире, чем влияние одного языка на другой, культурная коннотация также актуализируется в процессе межкультурной коммуникации, которой по сути является мультикультурное творчество [187].

Проведенный в рамках нашего исследования детальный контент-анализ позволил нам выделить пять специфических лингвокультурологических особенностей, функционирующих как индикаторы этнокультурной идентичности в мультикультурном произведении: *дваязычие, транслингвация, контаминированная английская речь, инокультурные вкрапления в язык повествования, культурная интертекстуальность*.

Дваязычие, транслингвация, контаминированная английская речь связаны с лингвистическими аспектами американской мультикультурной литературы, такими как параллельное использование нескольких языков, их смешение в единую коммуникативную систему и нарушение языковых норм в результате лингвистической интерференции. *Инокультурные вкрапления в язык повествования и культурная интертекстуальность* базируются на референциях материальной и нематериальной культуры, формируя в нашем

случае, диффузную языковую картину мира, требующую, по мнению С. Исабскова, комбинированного объема лингвистических и социокультурных знаний об объективной действительности включенных в процесс диффузии лингвокультур [245].

Выявленные в ходе нашего анализа лингвокультурологические особенности представляют собой типичные способы отражения картины мира, характерные для реальных иммигрантов, которые на пути к полной ассимиляции проходят стадию нахождения на пересечении культур и языков.

Двуязычие в прикладном значении, по определению Д.Шайбаковой, является умением человека попеременно использовать два разных языка для эффективной коммуникации [246]. *Двуязычие* по А. Карлинскому означает языковой импорт в область речи, не оказывающий влияния на системы включенных в процесс взаимодействия языков, то есть языки функционируют параллельно, но синтаксически не смешиваются [161, с.73]. Б. Хасанов называет художественное *двуязычие* особым художественным методом, так как родное языковое и этнокультурное мировосприятие писателя несомненно влияет на язык написания и отражается в образной системе произведения, написанного на втором языке [247]. С этой точки зрения, в целом все американские мультикультурные авторы, даже не использующие эксплицитно родные языки в повествовании, являются писателями-билингвами потому как *двуязычие* проявляется посредством особой комбинированной формы мировоззрения, основанной на лингвокультурном взаимодействии.

Рассматривая мультикультурную американскую литературу, приходим к выводу, что в большинстве случаев, близкое сосуществование двух культур создают новую мозаичную формацию, обладающую признаками обеих культур. На пограничное мировосприятие, мировоззрение и когнитивные процессы мультикультурных лиц влияет систематическое соблюдение традиций и некоторых видов неязыкового поведения. Однако базовым фактором сохранения мультикультурной или национальной идентичности в условиях США является владение двумя языками, фактически позволяющее человеку находиться на границе культур, сохраняя дух нации и при этом являясь частью американского англоязычного мира. Два языка и две культуры могут быть интернализированы как части личностной идентичности людей, которых В. Бенет-Мартинез и Д. Лью называют *бикультурными* [247], а Т. ЛаФромбуаз и Г. Коулман *мультикультурными личностями* [248]. Средства выражения также выходят за рамки одного лингвистического кода: слитность лексических, стилистических, структурных, концептологических элементов различных языков создают неповторимый мультикультурный орнамент.

Анализ американской мультикультурной литературы в рамках нашего исследования позволяет нам сделать вывод, что хотя географическое положение значительно определяет частоту *двуязычия* в связке английского и испанского языков, но *двуязычие* не ограничено данной парой языков. Все авторы, представляющие указанные выше этнокультурные группы, в той или иной степени применяют данный прием для *выражения самоидентичности*,

демонстрации культурных и семейных связей, ситуативной инклюзивности или эксклюзивности в типовых коммуникативных ситуациях.

- *Выражение идентичности*, в первую очередь демонстрация самоидентификации и самопредставления через использование родного языка параллельно с английским языком. В следующем примере персонаж, Рич, начинает разговор с фразы на Игбо, демонстрируя свою принадлежность данному народу, и его собеседник сразу понимает откуда Рич и также с радостью переходит на Игбо: *Nwanna di na mba* (Даже в чужой стране можно найти брата), Rich said, hoping that he had not mixed things up. *Eh! Ina-asu Igbo!* (Ты говоришь на Игбо!) The young man took his hand and shook it warmly – *Anyincha bu Biafra!* (Мы все Биафра!) he said [242, с.189].

Выражение идентичности посредством двуязычия может также отражать внутреннюю гармонию между двумя лингвокультурными идентичностями персонажей, балансирующими между своим этническим наследием и американской идентичностью. Г. Анзальдуа буквально пишет на двух языках, английском и испанском, объясняя это тем, что она *a mestiza* – метиска: «Because I, *a mestiza*, continually walk out of one culture and into another, because I am in all cultures at the same time, *alma entre dos mundos, tres, cuatro, me zumba la cabeza con lo contradictorio*. *Estoy norteadada por todas las voces que me hablan simultaneamente*». На английском она пишет, что перемещается из одной культуры в другую потому, что она во всех культурах одновременна, далее предложение развивается на испанском, и это не перевод предыдущего высказывания, а самостоятельное, более образное выражение – *моя душа между двумя мирами, тремя, четырьмя, моя голова гудит от противоречий, я смеюсь. Я на выше всех голосов, которые говорят со мной одновременно* [72, с.77]. Используя *двуязычие*, Анзальдуа выходит за рамки простой монологичной формы общения. Возникает диалог культур, в котором каждый язык выполняет свою функцию, передачу информации и образности, что отражает сложности пограничной идентичности, лавирующей между многочисленными культурными и языковыми ожиданиям общества.

Согласно исследованиям М. Шелла, В. Соллорс [249], Л. Розенвальда [250], Г. Анзальдуа [72], большинство двуязычных американцев бикультурны, и каждый из языков ассоциируется и проявляется в связке со своей культурой. В романе *Hotel on the Corner of Bitter and Sweet*, поднимается вопрос языков и, соответственно, культурной принадлежности персонажа, юного Генри Ли. У него английский язык связан с американской культурой, кантонский с китайской культурой. Персонаж демонстрирует изменения личности при переходе с языка на язык, по очереди используя свою китайскую и американскую версии – частную и публичную. Однако, несмотря на билингвизм и вытекающий из него бикультурализм, наличие доминирующей культуры окружающего американского общества неизменно проявляется в том, что родители Генри Ли, недостаточно владеющие английским языком, запрещают ему говорить на китайском: *Stop speaking Chinese No more. Only speak your American* [89, с.12]. Английский язык выступает как залог принятия в

общество настоящих американцев, но родной язык остается как связь с культурным наследием семьи. С другой стороны иммигранты, в желании сохранить родной язык, намеренно используют его для обучения детей базовым вещам: *Sasha contemplated the numbers scrawled there in Nadia's careful, florid penmanship. Odin, dva, tri, chetyri.* [251, с.35].

- *Демонстрация культурных и семейных связей* выражается посредством *двуязычия*. Данная категория тесно связана с выражением идентичности, но в отличии от самоидентификации она больше отражает общность с группой. В реальной ситуации этнический язык иммигрантов становится внутренним языком общения в семье или в кругу своей диаспоры, символизирующими связь с корнями. У К. Хенрикез главная героиня, Мария, до встречи со своим дедушкой мысленно репетирует речь на испанском языке: *She rehearses in her head what she will say – Hola , Abuelo. ¿Como te sientes? Me excitán para verte – and quickly recognizes her error, reminding herself to use only the second-person formal when she talks to him, not the second-person familia* [252, с.63]. Несмотря на грамматические ошибки Марии важно сказать фразы Привет, дедушка. Как ты себя чувствуешь? Я рада тебя видеть, именно на испанском языке, чтобы продемонстрировать причастность к родной культуре и языку, которые она постепенно теряет, потому что ее мама хотела чтобы она была американкой (*wanted her to be American*) и не разговаривала с ней на родном языке. В то время как дедушка и бабушка, иммигранты первого поколения, все еще являются носителями исходной культуры и языка, поддерживают связь с этнокультурным наследием, что часто ассоциируется с родителями, еще не ассимилировавшимися полностью в американское общество

- *Ситуативная инклюзивность или эксклюзивность*. В ситуации культурного многообразия родной язык символизирует принадлежность к семье в широком понимании и служит кодом допуска в закрытое этнокультурное сообщество. Зачастую это – ситуации, в которых посредством *двуязычия* подчеркиваются социокультурные границы *свои-чужие* и демонстрируется сопротивление доминирующим лингвокультурным контекстам. У Д. Форда главный персонаж, Кейко, использует китайские фразы в разговоре: *Hou noi mou gin? Keiko teased him in Cantonese, pointing at Henry's button I am Chinese, I can be Chinese too.* Японка Кейко используя фразы на китайском языке *Hou noi mou gin*, иронично показывает, что у нее есть основания быть включенной в комьюнити Чайнатауна [89, с.120].

Из романа Д. Герреро можно привести обратный пример, когда мексиканские члены семьи в присутствии американских родственников намеренно обращаются к друг другу на испанском языке: *Me uncle elbowed my father with snorting laughter: ¿Estas seguro que es tuya?* [253, с.33], осознанно исключая их из акта коммуникации как чужих людей, не имеющих основания быть частью мексиканской семьи.

- *Изменение в социальном контексте и эмоциональном состоянии* персонажей также выражается переключением на родные языковые коды, более точно отражающие чувства и концептуальные значения этнолингвокультуры.

Х. Хоссейни использует пунгу в отрывке: And best of all, they stopped suffocating us with their exaggerated empathy, their slow head shaking, their tsk tsks, their *Oh gung bichara*. Последняя фраза, прямо переводимая как *о бедные, мне вас жаль*, не отражает широкий спектр значений на пунгу и представляет собой афганскую концептуальную лауну так как в английском отсутствует точный перевод из-за различий в культурных или концептуальных схемах [254, с.322].

Выражение эмоционального состояния, особенно включающее обценную лексику, также традиционно обращается к *двуязычию*: When Oscar whimpered, Girls, Moms de León nearly exploded. *Tú ta llorando por una muchacha?* She hauled Oscar to his feet by his ear. She threw him to the floor. *Dale un galletazo*, she panted, then see if the *pequeño puta* respects you – мама в гневе наказывает и ругает сына за слезы из-за девочек, перескакивая с языка на язык [87, с.12]. В таком случае *двуязычие* отражает эмоционально-аффективное погружение в первично сформированные лингвокультурные модели и, кроме того, служит своеобразной цензурой в английском языке, позволяя завуалировать крепкие выражения: *Baak gwai! Baak gwai!* they shouted. Though some just pointed and laughed. It meant white devil – a term usually reserved for Caucasians, and then only if they really deserved the verbal abuse. [89, с.15]. В случае с языками, использующими иную систему письменности и алфавит (кириллицу, арабицу, иероглифическое письмо и т.д.), фразы на этом языке передаются принятой или авторской транскрипцией на латинице и, зачастую, значение фраз эксплицитно проявляется в тексте.

В целом *двуязычие* является художественным приемом реализма, документально иллюстрирующим реальный языковой ландшафт многих районов США, где в повседневной жизни говорят на нескольких языках. В романе Р. Анайя *Bless Me, Ultima* действие происходит в Нью-Мексико в США, где проживает большое количество иммигрантов из Латинской Америки, которые ожидаемо говорят на двух языках, что подчеркивается в начале произведения – главный персонаж говорит, что все старые люди разговаривали только на испанском, и он тоже понимал только испанскую речь пока не пошел в школу, где и выучил английский язык. Соответственно, в повествовании все персонажи ожидаемо билингвальные: *¡Márez! he shouted, ¡Márez! ¡Andale, hombre! I was scared, but I recognized the voice. It was Jonh's father. ¡Un momento!, I heard my father's voice. He fumbled with the farol. ¡Andale, hombre, andale! Chávez cried pitifully. Mataron a mi hermano. Ya vengo, My father opened the door and the frightened man run in. I heard my mother moaned in the room, Ave María Purísima, mis hijos* [255, с.13]

Кроме того, использование *двуязычия* отражает лингвокультурное поведения билингвов, которые могут порой неосознанно переходить с языка на язык в зависимости от ситуативного контекста, особенно в стандартных коммуникативных сценариях, таких как приветствие, прощание, благодарность, извинение и прочее, как в следующих отрывках: *Salam alaykom*, Mrs. Moore said. *Wa alaikum assalam, wa rahmatulla!* Zuhura responded, beaming at her [256,

c.38] и *Dobryi vecher!* he said in a voice brimming with emotion, twisting the hat in his hands [257, c.76]. В представленных примерах содержатся приветствия из сирийской и русской лингвокультуры, иными словами это - фразы, естественно возникающие в типичных ситуациях общения. Приведенные выше отрывки из американской мультикультурной литературы иллюстрируют настоящие ситуации из жизни многоэтнического общества, где реальные представители этнокультурного сообщества даже если не владеют родным языком в полной мере, будут знать и намеренно использовать стандартизированные повторяющиеся в социальных контекстах образцы речи для выражения своей принадлежности определенной культуре.

Вышеприведенные примеры доказывают, что *двуязычие* без сомнения характерная особенность американской мультикультурной литературы. Очевидно, что параллельное использование английского и этнического языков необходимо для создания реалистичной картины жизни мигрантов, которые находятся в процессе ассимиляции. Современная парадигма общественного развития, уделяющая значительное внимание вопросам идентичности и самовыражения среди культурного многообразия, актуализирует изучение *двуязычия* в американской литературе. Многочисленные исследования представляют критический взгляд на социокультурные последствия использования *двуязычия* в литературе, как оно отражает опыт иммигрантов и формирует билингвальную и, соответственно, бикультурную идентичность.

Двуязычие является нормой для некоторых американцев-мигрантов, но большинству не владеющих включенным в коммуникацию языком читателей будет трудно полностью воспринимать текст романа. Перевод *американской мультикультурной литературы*, в которой используется *двуязычие* представляет собой не только лингвистический вызов, но и культурную необходимость. Адекватный перевод обеспечивает глубокое понимание уникального культурно-лингвистического опыта и сложности сосуществования и взаимодействия в американском обществе многообразия.

Транслингвация, определяемая С. Канагараджа как процесс использования мультилингвальными спикерами своих языков как *интегрированной системы коммуникации* [258], представляет собой не переключение между языками как при *двуязычии*, а *структурную и семантическую интеграцию* элементов разных языков в единую целостную форму общения [259]. В нашем исследовании под *транслингвацией* мы понимаем всевозможные варианты окказиональных языковых смещения, таких как *пиджинизация, креолизация, и транслангуация*. Данное явление естественно возникает в многоязычной среде, когда говорящие могут выбирать языковые единицы различных языков в зависимости от контекста, адресата, эмоционального состояния или целей коммуникации. Исследование типичного бленда китайского и английского языков, проведенное Д.Ли, показывает, что для *транслингвация* характерны: а) уровневый порядок языковых элементов, например, грамматическая структура английского языка наполнена лексическими единицами второго языка; б) упрощение грамматической

структуры и вокабуляра; с) варьируются правила словообразования [260]. Указанные особенности *транслингвации* Чинглиша универсальны и для других языковых пар.

Наиболее типичный иллюстративный пример *транслингвации* в мультикультурном американском тексте представляет собой бленд испанского и английского, пиджинизированный Спанглиш, в литературе Чикано. Термин Spanglish введенный И. Ставансом, известным исследователем испаноязычной культуры и литературы, обозначает гибридный язык или лингвистический код, сочетающий в себе элементы испанского и английского языков, часто используемый двуязычными носителями, особенно в регионах, где распространены оба языка. Он включает в себя лексику, грамматику и синтаксис обоих языков, в результате чего получается уникальная лингвистическая разновидность, облегчающая общение между носителями испанского и английского [261].

Аналогично сосуществуют как единое целое и другие языковые смешения, такие как Chinglish (чинглиш), или Naija English (найджа английский) в контексте американской лингвокультуры. Использование смешения языков в литературе предоставляет возможность создать специфический локационный и этнический контекст для глубокого понимания сообщества или страны, к которому принадлежат персонажи. Причины применения *транслингвации* те же, что и у двуязычия – *выражение идентичности, демонстрация культурных и семейных связей, ситуативная инклюзивность или эксклюзивность, изменение в социальном контексте и эмоциональном состоянии говорящих.*

В нашем исследовании, мы определяем *транслингвацию* как языковую систему, которая включает слова и выражения, имеющие эквиваленты на английском языке и не несущие конкретных культурно-детерминированных значений. Однако и в этом случае, смешение языков, кроме создания определенного образа языковой личности персонажа, дополнительно несет культурный сигнал, правильно воспринимаемый только в своем кругу или подготовленным читателем. Естественный язык искусно подстраивается под цели того, кто на нем говорит, поэтому в американской мультикультурной литературе *транслингвация* – это не изящный художественный прием, а проявление внутреннего состояния людей культуры пограничья. Данный тип лингвокультурологической особенности также представлен у всех этнокультурных категорий авторов. *Транслингвация* как код-свитчинг, может использоваться авторами из различных мотиваций и с целью достижения определенных эффектов в тексте, таких как выражение культурной идентичности, добавление эмоциональной окраски и выразительности, повышение аутентичности и реализма, концептуализация персонажей и отношений в мультикультурном пространстве. Американские мультикультурные авторы применяют лингвистические стратегии транслингвации для реалистичного изображения сложностей идентичности, культуры и коммуникации в мультикультурных контекстах.

Персонажи нигерийского происхождения у Ч.Н. Адичи традиционно смещивают языки: *Dike, you mechago? (Дайк, ты закончил?) Ifemelu asked, Mummy, chelu (быстро), let's hear, I will agree for him, ha, o di egwu (восхитительно)* – в приведенных предложениях грамматика соответствует английскому языку, но лексическая состав насыщен нигерийскими словами, отражая ситуацию, когда американские Игбо выражают нигерийские мысли английским языком [66, с.83].

В романе *In the Time of the Butterflies* Д. Альварес каждый отрезок представляет собой закодированный текст: *His warmth could melt any coldness. He gave his old business partner un abrazo, addressing him as compadre even though neither one was godparent to the other's children... Doña Leila! Where's my girl? ... The boys suspected nothing, their eyes all the while trained on the screen where el gato Tom and el ratoncito Jerry were engaged in another battle. Doña Leila came out, ready to entertain – ¡Manolo, Minerva! ¡Qué placer!* [261, с.187]. В данном отрывке испанские слова и фразы использованы для выражения особенной церемониальной утонченности и изысканности манер, принятой в латиноамериканской культуре, например, замена однослогового английского *hug* на испанское *un abrazo* превращает нейтральное американское «обнимать» в длительное и горячее латиноамериканское *стискивать в объятиях и прижимать к сердцу*. Обращение *compadre* – кум к деловому партнеру, подчеркивает уважительное и задушевное отношение к человеку и указывает на важную коннотацию роли крестного родителя в доминиканской культуре. Кроме того, в произведении присутствует множество морфологических контаминаций, например: *Jaimito complained that Bebé didn't look her old happy self* [259, с.102]. В испанском диминутивные окончания *-ito* и *-ita* используются для выражения любви и заботы, что в английском не является грамматически верным приемом.

В свете повышенного интереса к проблеме постколониального, миграционного и мультикультурного дискурса, в зарубежной науке вопросы *транслингвации, пиджинизации и креолизации* языков входят в число актуальных вопросов лингвистики, литературы и теории коммуникации. Многочисленные работы исследователей таких, как И. Хэнкок [263], Б.Д. Уэбб [264] и М. Себба [265] вносят общий вклад, хотя и с разной направленностью и подходами, в изучение *пиджинизации и креолизации* в литературе и переводе, проливая свет на сложную взаимосвязь между языком, культурой и литературным выражением в этих маргинальных сообществах. Отдельно необходимо отметить работы П.-Х. Лоуэнберга, посвященные лингвистическим и переводческим аспектам креольских языков. Он исследует лингвистические особенности *транслингвации* и рассматривает перевод как процесс адаптации, подчеркивая сложности передачи лингвистических и культурных особенностей между языками [266], [267].

Контаминированная речь – третья группа лингвистических особенностей мультикультурной литературы, стилизованная форенизация для имитации речи

иммигранта. Посредством различных фонетических, лексических, синтаксических и стилистических средств языка.

Феномен *контаминированной речи* в качестве способа литературного выражения был и остается предметом литературного и лингвистического анализа. М. Бахтин подчеркивал диалогическую природу языка и полифонию голосов в литературе. Его концепция *карнавалеска* часто подразумевает подрыв языковых норм и использование *контаминированной речи* [268]; американский исследователь афроамериканской литературы, Х.Л. Гейтс утверждает, что афроамериканские писатели участвуют в языковой игре, известной как *signifyin(g)*, которая включает в себя манипулирование традиционными конвенциями языка для передачи нескольких слоев смысла и культурной идентичности [103]. *Контаминированная речь* всегда основана на языковой интерференции и играет важную роль в формировании уникальных эстетических и риторических особенностей литературы культурного и лингвистического многообразия, в том числе и в лингвокультуре Казахстана.

Ч.Н. Адичи уже в названии романа *Americanah* (в русском переводе *Американха*) посредством неверной орфографии представляет аудитории предполагаемые этнокультурные, социальные, и конечно языковые особенности персонажей: *Better you send money back. Unless your father is big Yoruba man? You have connections? You stay in America fifteen years and you just go back to work? -she said* [66, с.17]. *Emeka say his mother tell him if he marry American, she kill herself,*" *Aisha said. So maybe she won't kill herself if he marries you* [66, с.33] – отсутствие артиклей, вспомогательных глаголов, верных грамматических времен создаст точный образ иммигранта, не владеющего английским и автоматически применяющего нормы и структуру языка Йоруба, в котором отсутствует артикли, вопросительное предложение формируется больше интонацией, инверсией и вопросительными словами, и другими значимыми особенностями отличными от английского [269]. В указанных примерах наблюдается отражение как языковых особенностей, так и культурных конвенции, аналогичных утверждениям, что *if he marry American, she kill herself* запрет на вступление в брак с представителями других этнокультурных групп.

У К. Хенрикес в *Quicksilver* речь бабушки недостаточно американская: *You want oransh joose? – her grandmother asks, laughing at her English.* [252, с.93] Акцент в произношении передается через нарушение правописания для транскрипции реальной речи, читая которую аудитория практически получает возможность услышать настоящий разговор иммигранта.

В сборнике рассказов *Who's Irish?* Д. Гиш форенизирует нарратив намеренно, создавая идиолект мигранта через использование упрощенного или искаженного языка в художественном контексте: *I am work hard my whole life, and fierce besides... In our restaurant, busboys and cooks all afraid of me too* [270, с.15]. Кроме того, Гиш вкладывает в уста рассказчицы спорные и неуместные для американского контекста высказывания, тем самым показывая ее чужеродность через нарушение принятых норм языка и поведения в обществе:

They say they cannot find work, this is not the economy of the fifties, but I say, Even the black people doing better these days, some of them live so fancy, you'd be surprised [270, c.18].

Один из персонажей романа *Girl In Translation* Д. Квок владеет только китайским языком и редкие реплики на английском подчеркнуто выделены в тексте: Merry X-y-masy, Ma said in English. Her voice shook. She didn't understand a word the teacher had said, of course, but Ma knew enough to answer, Dank you [271, c.14]. Однако речь этого персонажа говорящего на китайском языке внутри своего этнокультурного круга передается через использование нативного уровня английского языка.

Контаминированная речь может также использоваться как художественный прием, отражающий динамическое развитие языка персонажа. В начале романа Д. Квок наблюдается множество примеров некорректного английского в прямой речи главной героини, иммигрантки из Гонконга, но по мере развития сюжета, речь персонажа становится сложнее и правильнее, сравним примеры с первой и с последней страниц произведения: Why are you late? This, I understood. I sorry, sir, I said. We not find school [271, c.14] или I can't tell you how much I regret what I did. I was never better than you, and I'm not now. In those days, our financial situation was so unsteady, I felt as if we were all hanging on to a tiny piece of flotsam that could never take all of our weight. You, me, Park, Ma, the baby. I had to cut you loose [271, c.139]. Лингвистические изменения позволяют проследить процесс формирования новой языковой и культурной личности, так как вместе с овладением английским А-Ким превращается в американскую Кимберли адаптируясь в новой лингвокультуре.

Кроме контаминации речеворечества персонажей, Д. Квок адаптивно применяет форенизацию, в перцептивном плане вводя игру слов, построенных на неверном восприятии английских фраз из-за незнания языка: Our new *student eye-prezoom*? He gave a strange smile that made his lips disappear, then he looked at his watch and his lips reappeared. [271, c.14] Автор использует популярный прием *misheard* (misheard) – создание комического или иного эффекта на фонетические или интонационные подобия слов и сочетаний. В данном примере *eye-prezoom* подразумевается *in person*. К данному типу особенностей также относятся приемы, основанные на непонимании ряда семантических ассоциаций и коннотативных значений: Then he would make a comment about *the fairer sex*, which I thought had something to do with being more honest. Следующий пример: Excuse me, sir. I tried to enunciate clearly. May I borrow *a rubber*? He stared at me for a moment and a low titter swept through the classroom. One of the boys called, Don't your boyfriend have one? [271, c.27] обыгрывает значения слова *rubber* в американском и британском английском, соответственно, как *презерватив* и *ластик*.

В американской мультикультурной литературе ошибки, диалектизмы, жаргон, просторечие иллюстрируют территориальную или социальную принадлежность говорящего в рамках одного языка и в целом, американский читатель может установить принадлежность к определенному кругу. В

переводе без контекста и без включений иностранной лексики, через форенизацию выраженную *контраминированной речью* не всегда возможно определить исходный язык или культуру персонажа. Перевод подобной стилизации требует особой адаптации лингвистических норм и лингвокультурных конвенции русского языка.

Инокультурные вкрапления в язык повествования, четвертая группа лингвокультурологических особенностей мультикультурной литературы, которая находится на границе язык-культура и представлена культурноносными языковыми элементами. По мнению С. Мухтаровой, они представлены хозяйственно-бытовыми, духовно-культурными и религиозными терминами, которые обобщенно обозначаются как безэквивалентная лексика материального и духовного содержания определенной лингвокультуры [272]. Соответственно, подобная лексика, представляющая лингвокультуру мультикультурного автора является труднопереводимой или не полностью понимаемой в американском контексте.

Необходимо четко различать *инокультурные вкрапления* и смешение языков так как они представляют собой два различных явления, которые проявляются в использовании языка, особенно в мультиязычной или культурно разнообразной среде. *Инокультурные вкрапления* – это элементы из других культур, которые вставляются в текст для добавления культурной окраски содержания и включают в себя реалии, обычаи, традиции или символы, характерные для определенной культуры. В то время как, транслингвация – это использование разноязычных единиц в рамках одного текста или высказывания. *Инокультурные вкрапления* подчеркивают культурное разнообразие, в то время как языковая диффузия отражает лингвистическое многообразие и влияние языковых контактов.

Реалии оригинальной культуры, такие как названия блюд, одежды, духовные концепты в мультикультурной литературе играют роль культурных индикаторов. Они, даже без первых трех лингвокультурно-детерминированных особенностей, служат маркерами, позволяющими смотреть на произведение через завесу иной культуры.

В редких случаях в мультикультурных американских произведениях при введении неамериканского термина также эксплицитно представляется краткая расшифровка: In fact, I brought you a little token of my appreciation. Marty handed him *a small lai see envelope*, bright red, with shiny gold foil embossed on the front или We do celebrate Christmas, along with *Cheun Jit*, the lunar new year» [89, с.13], но обычно объяснения отсутствуют: Ma consulted the *Tong Sing* to find out when and where we had to go to welcome them as they returned [271, с.40]. Аудитории остается либо догадаться по контексту о значении *lai see*, *Cheun Jit*, *Tong Sing*, либо найти самостоятельно информацию, что сегодня не представляется сложным.

Заголовки произведений зачастую включают в себя культурные реалии и тем самым выступают как маркер к пониманию текста в целом, так как заголовок всегда выполняет функцию обобщения смысла всего произведения.

Роман Л.Као *Monkey Bridge* или *обезьяний мост*, во Вьетнаме шаткая подвесная конструкция из веревок и бамбука, выступает как метафора сложного перехода героев из одной культурной среды в другую [273]; *In the Year of the Boar and Jackie Robinson* Б.Б. Лорд явно смешивает структуру устройства времени и мира, принятую в китайском обществе и американскую массовую культуру, тем самым, иллюстрируя кросс-культурную коммуникацию и интеграцию [81]; в названии *Eat a Bowl of Tea* Л. Чу, диссонанс семантического значения глагола и существительного в традиционном китайском лингвокультурном контексте *чай и пить*, а не *есть* символизирует трудность адаптации к новым моделям поведения [274]; *Hotel on the Corner of Bitter and Sweet* Д. Форда не только связан с классическим кисло-сладким китайским соусом, но и указывает на дуализм восточной философии, через призму которого необходимо интерпретировать весь роман [89].

Данный элемент широко представлен у каждой категории авторов, так как является наиболее легко воспринимаемой у целевой аудитории.

Нигерия: On Sundays, she would invite his relatives for pounded *yam* and *onugbu* soup and then watch over to make sure everyone was suitably overfed. Uncle, you must eat *o!* [242, с.25];

Куба: I'll fry you a red snapper, *mi corazón*, just the way you like it [77, с.47];

Китай: Lao Lu said that you must stay together with Simon. This is your *yinyuan*, the fate that brings lovers together [76, с.129];

Афганистан: Hassan and I sat under the *kursi* and played *panjpar* as wind-rattled tree branches tapped on the window [254, с.46];

Россия: You want two *kopecks?*, Sukhanov repeated dully [257, с.34].

Инокультурные вкрапления в потоке привычных слов английского языка создают параллельную реальность, интерпретация которого требует от аудитории обширных когнитивно-концептуальных и фоновых знаний о взаимодействующей лингвокультуре. В американской мультикультурной литературы данный тип особенностей всегда представлен в транслитерации слов или выражений с экспликацией или импликацией значения. Перевод культурно детерминированной лексики достаточно изучен как в зарубежном, так и отечественном переводоведении.

Культурная интертекстуальность, пятый тип лингвокультурологических особенностей, представляет собой литературную реминисценцию в формате точных или трансформированных цитат, высказываний и отсылок к неким культурным и историческим феноменам, фольклору, символам, прецедентным именам, и т.д. вне американской культуры. Художественная литература не существует в социокультурном вакууме и часто перекликается с другими текстами и образами в виде *интертекстуальности*. По мнению Р. Бартеза, смысл произведения не заключен в самом тексте, а создается читателем в связи со сложной сетью текстов, ссылки на которые он узнает в процессе чтения [272]. По этой причине понимание инокультурных отсылок очень важно для целостного восприятия и интерпретации содержания. Знание социокультурного контекста, умение

распознавать ссылки на другие литературные произведения, фольклор, мифы или культурные артефакты других культур и готовность исследовать первичные и вторичные источники являются значительными факторами, влияющими на адекватность перевода мультикультурной литературы.

Культурно-исторические отсылки, например можно увидеть у этнокультурных авторов в полностью английских названиях произведений, представляющих собой некий зашифрованный культурный символ и/или культурный код, который по определению С. Алтыбаевой и Т. Шевяковой понимается как уникальный механизм сохранения и передачи значимой информации об истории, мировоззрении, а также духовной и материальной культуре индивидов и этносов из поколения в поколение [276]. Название произведения Э. Тан *The Kitchen God's Wife* отсылает к древней китайской легенде, зная которую, читатель может увидеть скрытые смыслы в простом сюжете [277]. Заголовок *The Woman Warrior*, автобиографии М.Х. Кингстон, также выступает как метатекст связанный с классической китайской *Песни о Мулан* (V-VI века) о девушке-воине [133]. В заголовке другого романа *Tripmaster Monkey: His Fake Book* М.Х.Кингстон ассоциируется с царем обезьян Сунь Укун и соответственно с романом китайской литературы XVI века *Путешествие на Запад* [278]. Внимательнее присмотревшись к английским словам и фразам, мы увидим совсем другой культурный узор, который позволит произведению заиграть новыми красками и открыть всю глубину авторского сообщения.

Название удостоенного многочисленными наградами романа А. Улинич *Petropolis* является отсылкой к стихотворению О.Мандельштама *Петрополь* о Санкт-Петербурге. «*На страшной высоте блуждающий огонь, но разве так звезда мерцает?*» и представленный в тексте романа перевод А.С. Клайна «*At a terrifying height a wandering fire, But is this how a star glimmers flying*» служит лейтмотивом для произведения в целом [74, с.60]. Что касается повествования и речи персонажей, каждая страница романа Улинич наполнена множеством примеров межъязыковой игры и отсылок к русским и советским текстам, знакомым для определенной группы читателей: *Welcome to the collective farm!* – реалья советского периода; *A comrade in trouble should never be afraid to ask for help* и *it's from each according to his abilities, to each according to his incompetence* – прямой перевод основного принципа идеологии коммунизма, мантры знакомой каждому советскому гражданину [74, с.20]. Роман представляет собой лингвокультурологическую шифровку, доступную лишь узкому кругу с советским или русским культурным наследием. По словам Улинич, для англоговорящего читателя контекст и собственное воображение играют решающую роль в восприятии буквальных и/или поиске истинных значений некоторых фраз. Тем самым автор, истинно в духе метамодернизма, напоминает, что за внешне простой формой могут находиться параллельные и непостижимые смыслы, свойственные американской лингвокультуре XXI века [279].

Современная мультикультурная литература Соединенных Штатов Америки представляет собой богатый мозаичный ландшафт, отражающий множество культурных перспектив, многоголосие и сложность современного общества. Лингвокультурологические особенности служат способом выражения разнообразия культурных элементов внутри одной лингвокультуры. Межъязыковая игра, инокультурные вкрапления и интертекстуальность как намеренное обращение к лингвистической и культурной интерференции вызывают сложности репрезентации на другом языке и требуют пересмотра традиционных подходов к переводу.

В свете этого вызова предлагается внедрение лингвокультурологического подхода к переводу, который адаптивно применяет различные переводческие приемы, обоснованные в таких направлениях как коммуникативно-динамический подход, культурный поворот и культурный перевод, акцентируя внимание на сохранении лингвокультурологических особенностей мультикультурных текстов. Основная цель лингвокультурологического перевода заключается в успешной передаче разнообразной этнокультурной перспективы, представленной в исходном тексте, путем учета лингвистических, культурных и структурных особенностей как исходного, так и целевого языка и культуры.

Анализ перевода различных лингвокультурологических особенностей мультикультурной литературы выявил продуктивность применения к различным приемам в рамках более широких переводческих методов при работе с каждым типом лингвокультурологических особенностей. Обращение к лингвокультурологическому подходу при анализе перевода лингвокультурологических особенностей американской мультикультурной литературы основано на исследованиях таких авторов как Л. Венути, М. Бейкер, А.С. Ермагамбетова, А. Ислам, К.К. Каримова и других, подчеркивающих неразрывное единство лингвистических, культурных, социальных и исторических контекстов при переводе для обеспечения адекватного восприятия русскоязычной аудиторией.

2.3 Передача лингвистической интерференции при переводе двуязычия, транслингвации, контаминированной речи

Нарратив американского мультикультурного произведения в первую очередь определяется лингвистическим аспектом, который является более заметным по сравнению с культурной интерференцией, требующей детального разбора по отдельным лексическим и стилистическим единицам. *Двуязычие, транслингвация, контаминированная речь* возникают или стилизуются как результаты неамериканского языкового воздействия, проявляющегося как в стилизованном модусе, так и в речи персонажей в комбинированном модусе. Каждая лингвистически детерминированная особенность вызывает специфические переводческие сложности, соответственно, необходим отдельный анализ для каждого типа.

По результатам лингвокультурологического анализа мы видим, что *двуязычие* не используется как нарративный модус всего произведения, а только как специфическая характеристика речи конкретных персонажей, которые переключаются между языками в ходе диалогов или внутренних монологов. Смена кода может происходить по разным причинам, включая изменение адресата, выражение эмоций, создание интимности или подчеркивание принадлежности к определенной культурной или социальной группе. Структурно это всегда полные предложения без добавления английских слов, без нарушения синтаксического и грамматического строя неанглийского языка. В случае если родной язык автора не использует латиницу, то фонетическое звучание слов передается транскрипцией (запись звучания слова или фразы) на английском языке. В исходном тексте может отсутствовать перевод или пояснение, читатель должен владеть иностранным языком, перевести самостоятельно или догадаться по лингвистическому и ситуационному контексту.

Многочисленные современные исследователи американской мультикультурной литературы, такие как Е.Н. Ким [280], И. Ставанс [261], Г.П. Фирмат [281], М. Эррера-Собек [282], М. Санчес [283] признают *двуязычие* персонажей эффективным средством для создания более сложных и реалистичных характеров, которое позволяет освещать темы миграции, ассимиляции, культурного и языкового синтеза, а также исследовать формирование новых гибридных языковых идентичностей в обществе многообразия. Наше исследование углубляет понимание данной тематики, концентрируясь на проблематике передачи *двуязычия* американской мультикультурной литературы при переводе на русский язык. Адекватное воспроизведение двуязычных элементов в переводе критически важно для сохранения реалистичности и этнокультурной идентичности персонажей, что становится основополагающим аспектом нашего исследовательского подхода.

Для обеспечения систематичности анализа в нашем исследовании представлены примеры из художественных произведений, относящихся к каждой из исследуемых этнокультурных групп. Материалы организованы в следующей последовательности: авторы латиноамериканского происхождения, за ними следуют работы ближневосточных, азиатских, африканских и, наконец, постсоветских писателей. Эта структура позволяет нам более эффективно оценивать и сравнивать культурные и лингвистические особенности, представленные в литературе различных этнокультурных сообществ.

Анализируя все возможные методы и приемы перевода двуязычия лингвокультурологической особенности нужно отметить, что различные приемы намерено подчеркивающие чужеродность текста, широко используется оригинальными авторами как художественный прием совместно с экспликацией значения в переводе на английский язык: *She stayed bent over his body, the cloth of her wrapper soaking up his blood. Uzo, biko, mepe anya gi! Ana m ayo gi! – I'm begging you, Uzo. Please open your eyes for me!* – сначала автор пишет текст на нигерийском, затем повторяет фразы на английском [237, с.24].

Сравним исходный текст, где автор использует предложения на неанглийском языке с повторением на английском языке и перевод на русский язык:

англ: «She swallowed her laughter and after a moment said, I can't hear it, Papi. *Aguántate tantito y la fruta caerá en tu mano*, he said. *Wait a little while and the fruit will fall into your hand. You must be patient, Esperanza*» [284, с.7].

русск: «Она подавила смех, сильнее прижалась к земле, но ничего не слышала. – Она молчит, папа. – *Aguántate tantivo ила фрута каэра эн ту mano*, – сказал он. – *Подожди немного, и плод сам упадет тебе в руку. Ты должна набраться терпения, Эсперанса*» [285, с.12].

В фразы на неанглийском языке переводятся автором, соответственно, в переводе на русский всегда копируется авторский прием и используется транслитерация для передачи неанглийского текста и параллельный перевод английского текста на русский. В данном примере отец разговаривает с дочерью, приобщая ее к традиционной работе в саду, здесь *двуязычие* выполняет функцию передачи фундаментальных для данной культуры знаний и ценностей, и воспитания мексиканской культурной идентичности. Такая же функция *двуязычия* в следующем примере демонстрирует формирование культурных рамок через общий языковой и культурный опыт народа Игбо:

англ: «Ah, you want to try me? she asked, laughing. *Acho afu adi ako n 'akpa dibla. The medicine man's bag has all kinds of things*» [66, с. 49].

русск: «Ха, ты меня проверяешь, что ли? – переспросила она, смеясь. *Acho afu adi ako n 'akpa dibla. Чего только нет в мешке у шамана*» [286, с.44].

Двуязычие – это важный аспект содержания, подчеркивающий важность укрепления языковой идентичности для понимания и освоения норм, ценностей и этических стандартов своего народа, следовательно такая функциональная составляющая *двуязычия* должна быть сохранена в переводе в том виде, в котором ее представили авторы.

Данные таких исследователей как М. Бесемерес [287], Ж. Алтарриба, Р.Г. Морье [288] доказывают, что обращение к родному языку для выражения чувств и эмоций является распространённым явлением среди билингвов, так как родной язык часто ассоциируется с первыми значимыми переживаниями и воспоминаниями, что объясняет эмоциональную связь с языком, более подходящим для выражения глубоких чувств. Слова любви так же, как и иные проявления позитивных и негативных эмоций, произвольно происходят на родном или первом языке:

англ: «He muttered: *Dostet darum. I love you. -I love you back*, she said. I could hear the smile in her words» [250, с.285].

русск: «*Достет дарум. Я люблю тебя. – И я тебя. – В ее голосе звучала улыбка*» [289, с.233].

В таком случае сохранение родного языка является важным аспектом передачи образности персонажа, так как родной язык, по мнению Дж.Деваэле, остается средством выражения глубоких переживаний из-за его более глубокой

эмоциональной основы и связи с личной идентичностью, особенно это касается выражения любви как в вышеприведенном примере [290].

Адекватным приемом сохранения функциональности двуязычия, если за неанглийской фразой следует повторение на английском языке, является выделение фразы транслитерацией на русском и эквивалентным переводом повтора на английском: *Dostet darum – I love you*. В переводе мы наблюдаем транслитерацию фразы на персидском *Достет дарум* и перевод *Я люблю тебя*. Такой прием позволяет сохранить персонификацию говорящего, его лингвокультурную идентичность, образное содержание текста и авторский стиль.

В рамках перевода американской мультикультурной литературы на русский язык произведения авторов постсоветской лингвокультуры занимают особое место:

англ.: «*Nu, ladno, nu, ladno*, he kept saying, which could be translated as *It's going to be okay* or *So there it is* or, if you're a less charitable translator, *Enough already*» [291, с.42].

русс.: «*Nu, ladno, nu, ladno*», – повторял он, и это можно было перевести как: *Все будет хорошо* или, если вы более милосердный переводчик: *Хватит уже*» [292, с.50].

В отрывке используется фраза на русском *Nu, ladno*, в переводе она не транслитерируется, а оставляется в оригинальном написании латиницей, то есть происходит некая обратная транслитерация – русский текст выделяется и форенизируется за счет графических средств. При использовании *ну, ладно* не сохранилась бы чужеродность фразы в английском языке в ситуативном контексте высказывания.

Другой подход в переводе русского двуязычия наблюдается в следующем предложении:

англ.: «*Dobryi vecher!* he said in a voice brimming with emotion, twisting the hat in his hands» [257, с.76].

русс.: «*-Вечер добрый!* – с чувством выговорил он и принялся мять шляпу в руках» [293, с.38]. Перевод фразы *Dobryi vecher!* незначительно адаптируется через нарушение конвенционального порядка слов и графическое выделение текста, фраза *Вечер добрый!* выделяется курсивом в переводном издании. Таким образом, даже русский текст выделяют в переводе, по возможности придавая ему чужеродный оттенок.

Отдельно рассмотрим случаи, когда повтор иноязычного текста на английском языке отсутствует. Анализ показывает, что в большинстве случаев иноязычные фразы представляют собой короткие высказывания, не требующие перевода, так как происходит ситуативно-контекстуальная элиминация значения иноязычных фраз в английском повествовании:

англ.: «*Jou san*. His parents greeted him in Cantonese next morning» [89, с.18]

русс.: «*Доброе утро* – приветствовали его родители на китайском» [294, с.14]

В данном примере фраза *Jou san – Доброе утро* передается эквивалентом на русском языке. Происходят элиминации или сглаживания лингвокультурной специфики исходного текста с комментариями, что фраза была сказана на китайском языке. Элиминация применяется, когда важнее передать смысл и содержание, чем сохранить лингвокультурную специфику, особенно если она не несет значимой смысловой или образной нагрузки, как проиллюстрировано в следующем сегменте:

англ: «You see, this is only temporary. We will not be here for long. – ¿De veras?» asked Isabel. Yes, it is the truth, said Esperanza, staring at the ceiling...» [284, с.66].

русс: «Так что все это только временно. Мы не останемся здесь надолго. – Правда? – спросила Исабель. – Да, это правда, – сказала Эсперанса, уставившись в потолок...» [285, с.78].

В таких случаях возможно передать фразу транслитерацией ¿*De veras?* как *Де верас?* так как следующее предложение отвечает на вопрос. *Да, это правда,* тем самым полностью раскрывая смысл фразы на испанском.

Однако элиминация как сглаживание лингвокультурной специфики здесь оправдана важностью адаптировать текст, сделав его доступным и понятным для целевой аудитории *Esperanza Rising* (Pam Muñoz Ryan), возраст которой 16-25 лет, то есть подростки и молодые взрослые. Согласно исследованиям Д. Мануэль и С. Бриндли многие подростки предпочитают понятные тексты без иностранных фраз, ссылок, сносок, которые могут прервать поток чтения, создавая ощущение фрагментарности или разобщенности текста, что отвлекает от повествования или основных аргументов, снижая вовлеченность читателя-подростка. Кроме того, когнитивные требования, необходимые для понимания иностранного текста внутри основного повествования могут быть чрезмерно сложными для подростков, которые еще развивают свои познавательные способности и навыки критического мышления, иными словами, им может быть сложно постоянно переключать внимание с основного текста на анализ [295]. По этой причине элиминация и сглаживание лингвокультурной специфики в случаях, не являющихся ключевыми для спецификации лингвокультурной идентичности персонажей, являются адекватными, однако следует их применять в комплексе с приемами намеренной форенизации и культурной акцентуации текстового материала.

Для детального анализа мы рассмотрели разные переводы одного произведения *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao*, романа Х. Диаса, содержащего большой объем не переведенного автором двуязычия в речи персонажей [87]. Сравнение переводческих подходов Е. Полецкой [241] и А. Егорова-Афанасича [296], иллюстрирует два различных подхода работы с двуязычным текстом:

англ: «...all purportedly fell for him. Ese muchacho está bueno! ... he would call out to passing women – *Tú eres guapa! Tú eres guapa!* – ...Abuela shut down the hit parade lickety-split. *Muchacho del diablo!*» [87, с.11]

русск: «... все они были очарованы им. *Этот мальчик такой хорошенький!* Он мог кричать проходящим женщинам – *Вы красивы! Вы красивы!* – бабушка быстро покончила с его парадом. *Этот мальчик – дьявол!*» [296, с.20] – В данном варианте перевода А. Егорова-Афанасича наблюдается полная элиминация лингвокультурной специфики.

В другом переводе Е. Полецкой испанские фразы полностью сохраняются в транслитерации и добавляется перевод на русский язык:

русск: «...кокетничали с ним, *Эсе мучачо эста буэно! Какой милый мальчик!* .. он кричал проходившим мимо женщинам: *«Ту ерес гуана! Ту ерес гуана! Ты красивая!»* – .. пока бабушка не заткнула слюнявый рот этому комментатору хит-парада. *Мучачо дель диавло! Чертов мальчишка!»* [241, с.15] – испанские фразы полностью сохраняются в транслитерации и добавляется перевод на русский язык.

А. Егорова-Афанасич адаптирует исходный текст, заменив испанские выражения сразу русскими эквивалентами, передающими тот же смысл и эмоции, хотя в этом случае происходит деперсонализация говорящего и потеря оригинального колорита и аутентичности текста. Полецкая из испанской речи персонажей сохраняет транскрипцией только обращения и типичные ругательства, например *Oye, parigiiayo*, – *Эй, паригуайо, puta -пута*, без пояснения, так как смысл отдельных слов можно понять по контексту.

Е. Полецкая использует комбинацию приемов в рамках форенизации, обращаясь к транслитерации для передачи звуковых аспектов слов из испанского текста на целевой язык, вместе с тем добавляя экспликацию лингвистического значения через параллельный перевод испанской фразы сразу на русский язык. Другими словами в большинстве случаев, в переводе Е. Полецкой двуязычные персонажи говорят на испанском и повторяют свою речь на языке повествования.

Использование приема транслитерации и параллельного перевода в рассмотренных примерах позволяют сохранить аутентичность и лингвокультурную специфику исходной речи персонажа, предоставляя при этом понятный и ясный перевод для аудитории, не владеющей языком этнокультурной группы. Такой перевод способствует созданию более реалистичного и яркого образа персонажа и улучшает восприятие текста как мультикультурного произведения в целом.

Сохранение исходного текста на языке оригинала как самостоятельный прием форенизации встречается довольно редко в переводах американской мультикультурной литературы на русский язык:

англ: «You're not Dominican. And he said, over and over again, But I am. *Soy dominicano. Dominicano soy!*» [87, с.32]

русск: «Ты – не доминиканец. А он повторял снова и снова, Я – да. *Soy dominicano. Dominicano soy*» [241, с.36]

Главная идея исходного предложения заключается в том, что персонаж усиленно подчеркивает свою доминиканскую идентичность, повторяет фразу *Я доминиканец* на двух языках: на английском *But I am*, и на испанском *Soy*

dominicano, а затем снова *Dominicano soy*. В данном случае, использование испанского языка в переводном высказывании не только демонстрирует языковую компетентность персонажа, но также передает его самоидентификацию, культурную принадлежность и уникальные черты личности. На наш взгляд в переводах на русский предпочтению отдают транслитерации на кириллице нежели использованию латинского алфавита в первую очередь для сохранения читабельности для широкой аудитории.

Еще один частый переводческий прием для работы с двуязычием – полное или частичное сохранение транслитерацией иноязычных высказываний без перевода:

англ: «*Konichi-wa*, a Japanese man, fairly young by the look of it, greeted him in the doorway. *Konichi-wa, Ototo-san?*» [89, с.32].

русск: «-*Конитива*, поприветствовал Генри в дверях фотограф-японец, совсем еще молодой – *Конитива, Отото-сан*» [294, с.22].

В исходном тексте сохраняется транслитерация японского приветствия *Konichi-wa*, что подчеркивает культурную принадлежность и аутентичность сцены. В переводе параллельный перевод отсутствует, что создает ощущение экзотичности и также выводит на первый план культурную специфику общения между персонажами. Такой подход позволяет сохранить аутентичную атмосферу и стиль текста и, в перспективе, способствовать увеличению интереса читателя к изучению иностранного языка и культуры.

Таким образом, анализ значительного количества примеров *двуязычия* в различных произведениях американских мультикультурных авторов и в их переводах на русский язык, показывает, что различные приемы, направленные на выделение иноязычности являются наиболее часто используемыми приемами для сохранения лингвокультурной специфики речи персонажей, использующих *двуязычие*. В таблице 2 представлен статистический анализ использования переводческих приемов, применяемых при переводе примеров двуязычия, выявленных в исходном тексте.

Таблица 2 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе двуязычия

Прием	Пропорциональное использование
Транслитерация и параллельный перевод	40%
Элиминация лингвокультурной специфики	35%
Транслитерация	15%
Сохранение текста в оригинале	10%

Определение конкретных целей перевода, характеристик персонажей и предполагаемой аудитории является определяющим фактором при выборе методов и приемов. Приемы, направленные на лингвокультурологическую адаптацию и доместикацию, являются процессом полного или частичного

исключения лингвокультурной специфики, представляет собой менее распространенный подход в переводе *двуязычия* в американской мультикультурной литературе, составляют всего 35% от общего объема рассмотренных примеров. Применение приемов элиминации лингвокультурологической специфики используется в ситуациях, когда необходимо сделать текст более доступным для широкой аудитории, однако такой подход может привести к утрате аутентичности персонажей, часто приводя к излишней адаптации и деперсонализации повествования.

При установлении цели перевода, которая заключается в сохранении авторского замысла, структурно-стилистических и содержательных особенностей произведения, оправданным представляется прибегать к приемам форенизации как основной стратегии работы для передачи *двуязычия* в мультикультурном американском тексте. В данном контексте процесс сохранения и выделения характеристик двуязычности, выступает предпочтительной стратегией, что подтверждается анализом, в рамках которого выявлено, что использование различных приемов форенизации составили 65% от общего количества проанализированных примеров с указанной лингвокультурологической особенностью мультикультурного текста.

В соответствии со стратегией сохранения *двуязычия* наиболее частым приемом является параллельный перевод, который дополняет транслитерацию, обеспечивая контекстуальное понимание выделенного текста для аудитории, и составляет 40% от общего объема приемов. В первую очередь, это объясняется тем, что в исходных текстах произведений часто используется авторская форенизация вкупе с параллельным повторением текста на английском языке, соответственно, в переводе, в целях сохранения структурной эквивалентности, повторяется авторский способ. Во-вторых, данный прием позволяет предоставить перевод или пояснение, которое необходимо для понимания специфических культурных и лингвистических аспектов, сохраняя при этом звучание исходного текста.

Кроме этого, внутри форенизации используется транслитерация без перевода, которая занимает 15%, она позволяет сохранить звучание иноязычных фраз и подчеркивает мультиязычность или культурный контекст сцены. 10% составляет прием сохранения текста в исходной форме, который полностью передает аутентичность и стиль авторского текста. Однако обращение к этим двум приемам происходит реже из-за потенциальной потери понимания и стилистической целостности целевого текста. В рассмотренных нами примерах часто встречалось использование испанского языка в американской литературе, что объяснимо тем, что в американском обществе испанский является вторым после английского языком по количеству говорящих, и есть большая вероятность, что читатель поймет двуязычие автора, однако в переводе на русский сохранение текста в оригинале может привести к недопониманию или неправильной интерпретации, что в свою очередь приведет к созданию барьера для целостного восприятия произведения. В некоторых случаях сохранение текста на исходном языке без экспликация

значения может нарушить стилистическую целостность перевода, особенно если это не соответствует жанровым или стилистическим особенностям целевого языка или ожиданиям аудитории.

Стоит также отметить, что оба приема, транслитерация и сохранение текста на исходном языке, не использовались в комбинации с переводом в сносках. Данный прием теоретически может быть логичным с точки зрения сохранения аутентичности, но такой переводческий прием редко используется из-за таких ограничений как стилистические особенности принимающей лингвокультуры, возможная нечитабельность на кириллице и особенности целевой аудиторий. Добавление перевода в сносках может усложнить и затруднить восприятие и понимание текста, так как требует переключения между основным текстом и сносками, что ведет к нарушению плавности чтения и создает разрыв в потоке чтения, и тем самым снижает привлекательность текста для аудитории. Вместо этого используются другие приемы перевода, такие как использование транслитерации и/или параллельный перевод.

Переводческий анализ показал, что использование различных приемов форенизации для передачи использования двух языков – это наиболее частотная стратегия современной переводческой практики. Однако важно отметить, что рассмотренные нами случаи языковой адаптации, включающие в себя элиминацию лингвокультурологической специфики, также были оправданы культурными и лингвистическими ожиданиями целевой аудитории.

Таким образом, в рамках лингвокультурологического перевода, основанного на принципах функционально-коммуникативного подхода, культурного поворота в переводоведении, мы соглашались с мнением М. Бэйкер, что в переводческой работе с двуязычными произведениями, перевод не может строго соответствовать только приемам одного метода или подхода [174]. Лингвокультурологический перевод выступает за динамичный и контекстно-чувствительный подход. Комбинированное применение приемов транслитерации, параллельного перевода и обоснованной элиминации лингвокультурной специфики – это оптимальный подход, позволяющий достичь баланса между сохранением аутентичности исходного текста и адекватным восприятием в целевой лингвокультуре. В случаях, когда двуязычное взаимодействие языков занимает центральное место в повествовании, требуется более иноязычный подход с сохранением лингвистических, стилистических и структурных особенностей языка исходного текста для достижения наиболее близкого отражения авторской позиции в изображении этнокультурной идентичности задействованных персонажей и культурного богатства перевода.

С другой стороны, необходима адаптация и культурная трансформация в определенных контекстах; особенно при переводе для целевой аудитории, ожидаемо менее знакомой с культурой или языком исходного текста. Не вызывает сомнения, что адаптация стиля и структуры текста в соответствии с нормами и ожиданиями языка перевода может способствовать читабельности переведенного текста, соответственно, вовлеченности читателя и более

глубокому пониманию содержания и авторского послания. По мнению Т. Чан, для перевода двуязычного текста, знание третьего языка, на который опирается мультикультурный автор, критически важно [297], однако наше исследование показало, что наличие универсальных навыков лингвокультурологического анализа позволяет даже с минимальным уровнем владения третьим языком, проводить лингвистическое исследование, отслеживать языковые нормы и, в конечном итоге, адаптивно применять базовые переводческие методы, позволяющие сохранить лингвокультурный контекст американского мультикультурного произведения.

Отличным от *двуязычия* окказиональным смешением языков выступает *транслингвация* – коммуникативная ситуация, когда говорящий переключается между двумя или более языками внутри одного высказывания, предложения или разговора. Сравним обе лингвокультурологические особенности в произведении Х. Диаса: транслингвация: *She was very guapa, I said casually. Abuela snorted, your mother was a diosa* [87, с.48] – лексические единицы испанского языка: *guapa* – красивый, *diosa* – богиня инкорпорируются в предложение, организованное по правилам английского языка; и двуязычие: *Hija de tu maldita madre, she shrieked* [87, с.61] – полное законченное высказывание на испанском языке, который смешивается с английским только в общем нарративе романа. Транслингвация включает в английскую речь слова и выражения, которые имеют прямые эквиваленты в английском языке, добавления иноязычных частей слова для расширения семантических значений, использование функциональных частей речи и другие способы смешения языковых кодов, вызванные различными факторами, такими как коммуникативные потребности, социокультурный контекст, динамика общения и языковая среда. Как правило, смешение языков используется для более точного выражения мыслей или идей, поскольку определенные лингвокультурные значения или эмоциональные выражения лучше передаются на одном языке по сравнению с другим. Таким образом, билингвы могут переключаться между языками в пределах одного высказывания, чтобы сделать свое выражение более точным и выразительным, а также подчеркнуть свою этнокультурную идентичность.

Переводческий анализ всевозможных приемов перевода данной лингвокультурологической особенности на примере различных мультикультурных произведений и их переводов, показывает, что когда в исходном тексте помимо смешения языков есть авторская экспликация значения иноязычных структур в формате перевода на английский язык или добавления контекста, широко используются разнообразные приемы форенизации через транслитерацию или транскрипцию иноязычных единиц и их параллельный перевод с применением различных трансформации:

англ: «...reminded me that no Muslim man would or should touch a *namahram* – a woman other than his wife, mother or sister» [298, с.113].

русск: «...напомнил, что ни один мусульманин никогда не будет и не должен прикасаться к *намахрамам* – женщинам, которые не приходится ему женой, сестрой или матерью» [299, с.229].

Применение авторской транскрипции арабского слова *na mahram* (арабск.: غير المحارم) снабженное объяснение значения на английском языке в исходном тексте, позволяет продублировать ту же структуру в переводе – в целевом тексте также сохраняется транслитерация через транскрипцию заимствованного слова в дательном падеже, дополненное трансформированным пояснением на английском языке через добавление семантически уместной структуры, которые не приходится ему женой на русском языке.

Когда авторское пояснение и перевод отсутствуют, уместно ситуативное обращение к различным приемам форенизации и доместикации для сохранения и/или передачи значения иноязычных элементов. Пояснение лингвистических аспектов в формате лингвистической сноски используются в переводе мультикультурных текстов со смещением языков или с использованием нестандартных лингвистических форм для объяснения разнообразных языковых и культурных аспектов текста, что способствует полноценному восприятию содержания и контекста произведения в целом:

англ: «Pranab Kaku taught Deborah to say *khub bhalo and aacha*² and to pick up certain foods with her fingers instead of with a fork» [235, с.53].

русск: «Пранаб-каку научил Девору говорить *кхуб бхало и дханьябад*², а также есть пальцами, а не вилок» [300, с.38].

²*Очень хорошо, спасибо (бенгали).*

В исходном тексте значение *khub bhalo and aacha* не проявляется ни эксплицитно, ни имплицитно, но явно означает что-то лингвокультурологически значимое раз дядя Пранаб научил этому Девору как важному аспекту в культуре. Полное опущение или прямой перевод с бенгальского лишит высказывание лингвокультурного оттенка, если же добавить перевод после указанного выражения усложнит конструкцию предложения. При переводе романа *Unaccustomed Earth*, А. Галль преимущественно прибегает к переводу в сноске, что позволяет сохранить мультикультурную идентичность писателя и персонажей, избегая компенсаций и добавлений в основной переводной текст.

Следующий пример иллюстрирует использование транслитерации иноязычного слова и перевод в сносках:

англ: «*Viko*⁷⁴, I'm changing to Nsukka as well» [66, с.68]

русск: «*Бико*⁷⁴, я тоже выбираю Нсукуку».

⁷⁴Я тебя умоляю; пожалуйста (*игбо*) [286, с.63].

При этом если иноязычное слово или сочетание встречается в тексте несколько раз, то сноска указывается только для первого случая и далее не повторяется:

англ: «Not that my pay will be enough for the rent, *sha*.» [66, с.59]

русск: «Хотя заработков моих на такой съем не хватило бы, *ша*⁷»

⁷ Впрочем (нигер. ниджин), *Ша* в конце слов и предложений выделяет речь нигерийцев [286, с.54].

Далее в целевом тексте *Ша* используется в транслитерации с английского языка уже без пояснения:

русск: «Мама у меня бывает странной, *ша*» [286, с.48]

Таким же образом не повторяется параллельный перевод слов и сочетаний, которые уже встречались в тексте, иноязычный элемент сразу транслитерируется:

англ: «Such a lofty introduction, he said, his voice deep and cultured. *Salaam, bachet*» [254, с.116].

русск: «Ну зачем же так пышно, – произнес генерал хорошо поставленным голосом. – *Салам, бачем. Приветствую тебя, юноша*» [289, с.124].

Хотя *Salaam, bachet* в исходном тексте не переводится автором на английский язык, при первом упоминании в русском переводе, слово представлено смысловым эквивалентом – *Приветствую тебя, юноша*. Далее в переводном тексте оба слова представлены только в транслитерации.

русск: «Ценишь ли ты своего отца, бачем? -спросил он» [289, с.105].

русск: «-Передайте отцу мой салам. И заходите к нам почаще» [289, с.112].

Таким образом, заимствования в английском исходном тексте также сохраняются заимствованиями в русском переводе, транслитерацией или транскрипцией в зависимости от каждой отдельной ситуации. Когда позволяет контекст переводческий выбор определяется наличием устойчивых ассоциаций в целевой культуре, например, связанная с мусульманской культурой форма приветствия *Салам* или *Салам* более привычная для русскоязычной аудитории нежели *Салаам*, следовательно, ассоциативно-узнаваемые варианты более предпочтительны. Выбор переводческих приемов определяется как исходным высказыванием, так и ожиданиями целевой культуры, но более нацелен на отражение лингвокультурной специфики американского мультикультурного текста.

Отдельно следует выделить транслитерированное сохранение слов, прямые эквиваленты которых есть в целевом языке и которые обозначают систему родства, например, *Tio – тию – дядя, Кака – кэка – дядя, Ваба – Баба – отец, sinotchek – сьнотчек*, и другие. По мнению С.Тинг-Тумей и Д.Тензин, использование родного языка, в том числе называние родственников, играет решающую роль в развитии идентичности у детей в мультикультурной среде [301]. К. Смит-Кригмас рассматривает концепцию *семейной языковой политики* о стратегическом использовании терминов родного языка для членов семьи в рамках усилий по укреплению языковых и культурных связей иммигрантов в своей этнической группе. Кроме того, семейные термины часто несут в себе коннотацию привязанности, близости и заботы так как наделены эмоциональным весом, который эквивалентные термины на английском языке могут не передать полностью. Как показывают исследования для многих

билингвов родные слова, условно, мама или дядя, вызывают более сильную эмоциональную реакцию, чем их английский аналог [302].

Использование терминов родства на родном языке универсально для всех этнокультурных групп американских мультикультурных авторов:

англ: But it was only Tio Luis and Tio Marco, Papa's older stepbrothers [284, с.17].

русск: Но это оказались всего лишь тιο Луис и тιο Марко, папины сводные братья [285, с.32].

англ: Yes, give it to *Kaka* Rahim. I'm going upstairs to get ready. – Baba Said [254, с.25].

русск: – Да, передай свою работу Рахиму-кэка. Пойду к себе, мне еще надо переодеться. – сказал Баба [289, с.29].

Писатели намеренно используют иноязычные термины или слова, концептуальные значения которых гораздо шире в исходном языке, чем в английском. Например, семейные узы имеют другое значение и определяют отношения между людьми в более патриархальной традиционной восточной, азиатской, латиноамериканской, африканской культуре. Мексиканские *tio* и *tia* концептуально не эквивалентны американским *uncle* и *aunt*, и именно этот аспект культуры подчеркивается автором при сохранении иноязычного слова в английском тексте, следовательно, переводческое выделение особого значения слов, не являющихся реалиями и лакунарными выражениями, также необходимо для отражения культурного менталитета.

В вышеуказанных примерах использовалась транслитерация чтобы сохранить культурную идентичность говорящего и его инклюзивность в этнокультурную группу. Следующий пример иллюстрирует стандартный подход к переводу подобных лингвистических включений в американскую речь мультикультурных персонажей:

англ: «I'm her *jie jie* – her elder sister. In the hierarchy of the Chinese family, I will always and forever be above her» [303, с.14].

русск: Я ее *цзецзе* – старшая сестра. Согласно традиционной иерархии, принятой в китайских семьях, я всегда буду главенствовать [304, с.10].

Л. Си использует пиньинь для романизации китайского слова 姐姐 - *jiejie*, значение которого сразу следует на английском языке *elder sister*. В переводе сохраняется структура предложения, состоящая из транскрибированного по системе Палладия на кириллицу слова 姐姐, и далее следует прямой перевод *старшая сестра*. В комбинации с дальнейшим объяснением семейной иерархии, к принятому в целевой культуре значению слова прибавляется китайский культурно-детерминированный оттенок.

Транслитерация, дополненная пояснением или кратким контекстом, – это еще один прием для сохранения авторского стиля при переводе отрезков, включающих нейтральные слова на неанглийском языке:

англ: «I think I have *saratan*, I said. Baba lifted his head from the pages flapping the breeze» [254, с.10].

русск: «- По-мосму, у меня *saratan*, – сказал я, – *Рак то есть*. Баба поднял голову от бумаг, занесенных от налетевшего ветерка» [289, с.14].

Сохранение *saratan* в транскрипции, дополнено пояснением на русском языке – *Рак то есть*. Данный прием позволяет исключить недопонимание и неправильную интерпретацию.

Наиболее редко используемый прием – это сохранение исходной фразы, что объясняется различной системой алфавита и возможными проблемами с чтением на латинице. В переводном тексте *Absurdistan* Г.Штейнгарда транскрибированной латиницей представлена обценная лексика русского языка, получилось, что данные слова выделялись в тексте кириллицы, делая речь персонажа форенизированной несмотря на семантически русские значения слов:

англ: «*To the khui with this*, I said to my Chechen driver, Mamudov keeping me company on a nearby bench» [291, с.69].

русск: «*На khui все это*, – сказал я своему шоферу, чеченцу Мамудову, который составлял мне компанию, сидя на ближайшей скамейке» [292, с.75].

Такой подход объясняется, во-первых, тем, что по традиционным нормам русского языка, мат и нецензурная лексика считаются неприемлемыми или оскорбительными именно в письменном тексте; во-вторых, в различных целевых культурах существуют законы и нормы, регулирующие использование материалов, содержащих мат и нецензурную лексику в письменных текстах. Написание на латинице дистанцирует русскоязычную аудиторию от русского же ругательства, с одной стороны придавая ему чужеродность, с другой адаптируя язык под конвенции художественного русского языка.

Все вышеуказанные примеры иллюстрировали применение приемов, направленных на выделение иностранности в американском тексте. Однако элиминация лингвокультурной специфики также применяется, в первую очередь для сохранения стиля, общего тона или эмоциональной нагрузки исходного текста в переводе:

англ: I hope you didn't cote across any *dozds*, he said. [254, с.199]

русск: Не повстречали *грабителей на перевале?* – спросил он. [289, с.212]

англ: And since her mother was *una maldita borracha*, Olga smelled on some days of ass, [87, с.11]

русск: А поскольку ее мать была *чертова пропойца*, от Ольги иногда плохо пахло. [296, с.9]

Определенные иноязычные слова и сочетания, особенно не несущие большой идентифицирующей нагрузки, могут быть стилистически или культурно адаптированы или полностью опущены для обеспечения более гладкого и понятного чтения.

Анализ произведений писателей из постсоветского пространства с фоновым обращением к русскому языку, показывает, что при переводе зачастую происходит произвольная доместикация:

англ: A paunched, goateed *muzhik* in a camouflaged helmet scanned my bag. [129, с.93]

русск: Обрюзгший мужик с бородкой и в камуфляжной каске просканировал мой рюкзак. [305, с.96]

англ: *Sinotchek* (Little son), she shouted, and kissed me in the same meaningful way. Look who's come to us! *Nash lyublmeits* (Our favorite). [129, с.94]

русск: -Сыночек! – вскричала она по-русски и расцеловала меня, тоже эдак многозначительно. – Ты смотри, кто к нам приехал! Наш любимец! [301, с.98]

англ: Behave yourself in a cultured manner, a passing *babushka* spat at us. [287, с.57]

русск: - Ведите себя прилично, – плюется в нашу сторону проходящая мимо старулика. [288, с.55]

В рамках доместикации лингвокультурная адаптация смешения языков сводит к минимуму лингвокультурную специфику, заложенную американским автором в исходном произведении независимо от языков, использованных как фоновые в мультикультурном произведении:

англ: «The girl was giggling, and Sukhanov distinctly heard her say *babochka*-Bow tie or *butterfly*- but the night swallowed the rest of the sentence and he tried to convince himself she was discussing lepidoptery rather than Belkin's unfortunate neck decoration». [257, с.27]

русск: «Девчонка захихикала; Суханов явственно расслышал: ..и сбоку бантик, но остальные ее слова проглотила ночь, и он постарался себе внушить, что предметом обсуждения была некая модная дамская идея, а не дурацкая удавка на шее у Белкина». [293, с.15]

англ: « ..to Leninsburg eight years ago and was transformed, by dint of alcoholism and inertia, into a successful Russian *biznessman* renamed Alyosha, the owner of ExcessHollywood, ..» [291, с.11]

русск: « ..в Санкт-Ленинбург, где превратился, под воздействием алкоголизма и инерции, в успешного нового русского, переименованного в Алешу, владельца Эксесс Голливуд...» [292, с.10]

Редкий прием доместикации – это опущение отрезка где используется смешения языка. В данном случае домашнее обращение отца к сыну, *porka*, в русскоязычном тексте могло быть воспринято аудиторией как оскорбительные или неприличные с точки зрения культурных норм и ценностей:

англ: «Well, now you're my responsibility, *porka*. And what I say, you will do» [291, с.25]

русск: «-Ну что же, теперь за тебя отвечаю я. И ты сделасшь то, что я тебе скажу» [292, с.33]

Переводческий анализ рассматривающий перевод лингвокультурной *транслингвации* в произведениях американских мультикультурных писателей демонстрирует следующий пропорциональный результат использования различных приемов нацеленных либо на выделение иной неамериканской лингвокультуры в переводе на русский язык, либо на адаптацию текста к лингвокультурным нормам целевой аудитории (таблица 3):

Таблица 3 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе транслингвации

Прием	Использование
1	2
Транслитерация	27%
Транслитерация и Параллельный перевод	18%
Транслитерация и Экспликация значения	7%
Транслитерация и пояснительная сноска	11%

продолжение таблицы 3

1	2
Элиминация лингвокультурной специфики	14%
Экспликация значения	7%
Сохранение текста в оригинале	5%
Лингвокультурная адаптация	6%
Опущение	5%

Элиминация лингвокультурной специфики составила 14% от всего количества рассмотренных нами случаев перевода *транслингвации* как различных типов смешения языков в американской мультикультурной литературе. В данном случае лингвокультурная специфика полностью исключается из текста. Экспликация значения происходила в 7% случаев, когда включались дополнительные пояснения значений некоторых элементов на целевом языке, хотя сами элементы теряли иноязычное звучание или написание. 6% занимает лингвокультурная адаптация переводного текста к языковым и культурным нормам целевой аудитории. В редких случаях происходит полное исключение иноязычного элемента в тексте Опущение-5%, из-за их несоответствия культурным или стилистическим особенностям целевого языка или аудитории. Общий результат применения доместикации составил 32%, так как данный метод всегда предполагает адаптацию текста к лингвокультурным особенностям целевой аудитории и, следовательно, потерю авторского стиля и деперсонафикацию персонажей.

Процентное соотношение использованных приемов, нацеленных на сохранение иноязычной лингвокультуры равно 68 %. Наиболее частый прием транслитерация – иноязычные слова или фразы транслитерируются на целевой язык без перевода в 27% случаев, что позволяет сохранить аутентичное звучание или написание иноязычных элементов в тексте. Форенизация через транслитерацию совместно с параллельным переводом составила 18% – сохраняется иноязычность, но читатели могут лучше понять значение иноязычных элементов в контексте. В 11% случаев встречается транслитерация и дополнительно лексическая сноска – к транслитерированным элементам также добавляются лексические сноски, предоставляющие дополнительную

информацию или перевод на целевом языке. Транслитерация и контекстуальная экспликация значения использовалась в 7%. К транслитерированным иноязычным элементам добавляется пояснение или расширение их значения на целевом тексте. Наименее частый прием - сохранение текста в исходной форме без перевода или изменений, всего использовался в -5%.

Транслингвация как лингвокультурологическая особенность включает использование отдельных слов и сочетаний в рамках предложения на английском языке, обращение к транслитерации и к сохранению текста в исходной форме объяснимо наличием лингвистического и ситуативного контекста, обеспечивающего читателя необходимой информацией для понимания смысла иноязычных элементов без дополнительного перевода. Анализ показал, что, предпочтительнее тот переводческий подход, который сохраняет инородность исходного текста, включая его стилистические и языковые особенности, а не одомашнивает его в соответствии с нормами целевой культуры. Согласимся с А.Берманом, критикующим сложившуюся практику перевода, которая ставит во главу угла беглость и удобочитаемость в ущерб культурному и языковому разнообразию. Необходимо учитывать этические и политические аспекты перевода, и обеспечить более тонкий и культурно чувствительный подход к переводу, уважающий автономию и целостность исходного текста, а также инклюзивное и динамичное понимание языковых и культурных различий [306].

Отдельного анализа требует *контаминированная речь*, которая также носит лингвообусловленный характер. Б. Джонсон, исследующая пересечения языка, литературы и культуры, утверждает, что *контаминированная речь* персонажа функционирует в качестве эффективных литературных средств в создании образа субъекта вне стандартной социальной группы [307]. Данный художественный прием основан на стилизации речи персонажей, автор намеренно включает в речь персонажа грамматические, лексические или фонетические ошибки или недочеты, передает их индивидуальные особенности, социальный статус, образование, происхождение. Важно сохранить намерения автора и передать особенности персонажа так, чтобы перевод сохранял аутентичность и стилистическую целостность исходного текста.

Во второй главе мы выделили три нарративных модуса сгруппированных по характеристике языка повествования, отдельно отметив работы, стилизованные под *контаминированную речь*. На примере сборника *Who is Irish?* Г. Джен [270] и романа *Everything is Illuminated* Д.С. Фосера [308] рассмотрим два противоположных подхода к переводу *контаминированной речи*, оба произведения включают в себя обширные тексты от лица рассказчиков с неидеальным английским. Стилизованный язык исходного текста трансформирован под стандарты разговорного русского языка, но не имеющего иностранный акцент:

англ: Still *Sophie* take off her clothes, until one day I spank her. Not too hard, but *she cry and cry*, and when I tell her if she doesn't put her clothes back on I'll

spank her again, she put her clothes back on. Then I *tell* her *she is good girl*, and *give* her some food to eat. The next day we go to the park and, like a nice Chinese girl, she does not take off her clothes. She stop taking off her clothes, I report. Finally! How did you do it? my daughter ask. After *twenty-eight years experience* with you, I guess *I learn something*, I say [270, с.17].

русск: Раздевания продолжались, и однажды я Софи отшлепала. Несильно, но она редела не переставая, и когда я пригрозила, что опять дам ей шлепка, если она не оденется, она оделась. Вот хорошая девочка, сказала я и покормила ее. На другой день мы пошли в парк, и, как примерный китайский ребенок, она раздеваться даже не пробовала. Она перестала раздеваться, сообщила я. Наконец-то! Как тебе это удалось? – спросила дочь. За двадцать восемь лет, говорю, что я с тобой прожила, думаю, чему-то я научилась [309, с.17].

Наш анализ показал, что ключевым приемом вышеуказанного перевода является лингвокультурная адаптация в формате полного исключения лексико-грамматических ошибок. Выделенные в исходном тексте для примера грамматические ошибки не находят отражения в переводе, неграмотная речь стилизуется как разговорное просторечие. В контексте лингвостилистического анализа следует отметить, что язык произведения характеризуется высокой выразительностью, разнообразием используемых языковых средств и значительной эмоциональной насыщенностью.

В метафоре *plain boiled food*, *plain boiled thinking* проводится параллель между простотой вареной еды и отсутствием глубины в мышлении Джона, переводческая модуляция немудреная отделяется от образа простотой вареной еды, но сохраняет оценочное отношение к мышлению зятя, которое не отличается интересностью:

англ: Plain boiled food, plain boiled thinking. Even his name is plain boiled: John [270, с.13].

русск: Немудреная пища, немудреные мысли. Даже имя у него немудренное – Джон [309, с.14].

Далее использование сенсорных образов, таких как соус из черных бобов, соус хойсин и чесночный соус, создает яркие мысленные образы, которые контрастируют с простотой, описанной ранее. Данная образность способствует усилению текстовой насыщенности и акцентирует культурные различия в воспитании рассказчицы и её зятя.

англ: Maybe because I grew up with *black bean sauce and hoisin sauce and garlic sauce*, I always feel something is missing when my son-in-law talk [270, с.13].

русск: Может быть, потому что я выросла на *соусе из черных бобов, соусе хойсин, чесночном соусе*, я всегда чувствую, что в словах моего зятя чего-то не хватает [309, с.14].

В целом анализ перевод полного произведения показывает, что сохранение диалоговой формы повествования, эмоциональности и экспрессии, элементов иронии по поводу культурных ожиданий и семейных отношений позволяет отразить непринужденный и естественный характер речи

рассказчика. Однако при детальном анализе перевод представляет собой максимальную доместикацию по внешним проявлениям повествования особенно при использовании копипастированной речи и лингвокультурным адаптациям отдельных элементов: THINK! candy bars -карамель *Эврика, shu-shu -ни-ни*.

англ: Turn around! say the boys in the park. Let's see that ass! [270, с.16]

русск: – Гляди-ка! – кричат мальчишки в парке. Дурочка какая-то! [309, с.16]

Данный перевод, несмотря на удобочитаемость и экспрессивность, является примером Rewriting или переписывания текста в соответствие с культурными, лингвистическими и идеологическими предпочтениями и ожиданиями целевой культуры [310]. Отступая от принципа изложенного Я.Рецкером, что «перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [311], в переводе нарушается целостность произведения Г. Джен.

Противоположный подход максимальной лингвокультурной адаптации с включением лексико-грамматических ошибок наблюдается в переводе Everything Illuminated Д.С. Фоейра [308]. Основная ориентированность переводного текста на особенности исходного текста, тщательно сохраняется авторский стиль, образность, структура и по возможности повторяются типы ошибок в тексте:

англ: When we arrived at the car, Grandfather was loitering¹ with patience² as Father ordered him to. He was very patient. He was snoring. He was snoring with such volume³ that the hero⁴ and I could hear him even though the windows were elevated, and it sounded as if the car was operating. This is our driver, I said. He is an expert at driving⁵. I observed distress⁶ in the smile of our hero. This was the second time. It had been four minutes. 'Is he OK?' he asked. 'What?' I said. I do *not make to understand*⁷. Speak more slower⁸, please.' I may have appeared noncompetent to the hero. Is .. the .. dri .. ver .. heal .. thy? *With certainty*⁹,' I said. 'But I must tell you, I am very familiar with¹⁰ this driver. He is my grandfather» [308, с.42].

русск: «Когда мы прибыли к автомобилю, Дедушка *околичивался*¹ в нем с терпением², как распорядился Отец. Он был очень терпелив. Он храпел. Он храпел так *объемисто*³, что мы с *героем*⁴ слышали его даже сквозь поднятые стекла, но приняли это за звук мотора. Это наш водитель, – сказал я. – Он *эксперт по вождению*. Я *обозрел огорчение*⁶ в улыбке нашего героя. Это было во второй раз. Прошло четыре минуты. С ним все о'кей? – спросил герой. Что? – сказал я. – Я *не достигаю понимания*⁷. Говори *более медленнее*⁸, пожалуйста. Я мог показаться герою некомпетентным. Это .. ров .. ли .. во .. ди .. тель? – С *несомненностью*⁹, – сказал я. – Но должен сообщить, что водитель мне *очень знаком*¹⁰. Он мой дедушка [312, с.30].

В вышеуказанном отрезке представлены сразу несколько примеров лексико-грамматических деформаций в исходном тексте. *Loitering*¹ – это глагол, который означает медленно и бесцельно прогуливаться – неверный контекст; *loitering with patience*² грамматически правильно использовать *loitering patiently*,

без предлога. Сохраняется и семантическая, и грамматическая ошибки – *окалачивался*¹ (Дедушка спал в машине) *в нем с терпением*² (терпеливо). Следующий пример *snoring with such volume*³ и храпел так *объемисто*³ – в русском, как и в английском видим неверное употребление слов *with volume*³ и *объемисто*³, которое обычно относится к чему-то, имеющему большой объём или габариты, а в контексте храпа такое использование считается неправильным. В одном коротком отрезке исходного текста мы насчитали 10 случаев контаминации и ровно такое же количество равнозначных ошибок в переводном тексте. Специфическая речь Алекса, главного рассказчика, играет важную роль в создании образности персонажей и локации, где разворачивается действие произведения, это объясняет то, что основным методом В. Арканова является форенизация, а ее основным приемом – лингвистическая адаптация, основанная на анализе лингвистического и семантического содержания с целью достижения функционально коммуникативной эквивалентности, при сохранении исходной лингвокультурологической специфики иностранного текста.

Для детального анализа различных подходов к переводу определённых лингвокультурологических особенностей целесообразно обратиться к примерам из произведений других авторов и их переводов, исключая работы Фоера и Джен. Сравнивая четыре примера, где использовались два разных приема доместикации, мы видим, что лингвистическая адаптация полностью удаляет грамматические и произносительные ошибки, нейтрализуя весь текст:

англ: What you doing? Ana asked. Like nothing [87, с.25]

русск: 'Что делаешь?' спросила Ана. Так, ничего [296, с.17]

англ: 'You liking you school now? Nah?' His father spoke as he turned the page [89, с.47].

русск: – Ну что, привык к школе? Да? – спросил он, шурша газетой [294, с.45].

Контекстуальная экспликация может передать намерение автора и подчеркнуть особенность речи персонажа, например отдельно выделив в тексте, что *у нее проблема с временами* или *с трудом заговорил на ломаном русском он с сильным акцентом*:

англ: «I think, said my stepmom, Lyuba, in English for Rouenna's benefit, I thought, she added. I think. I thought ..I think, I thought .. I sink, I sought ... I sink, I sought ... What are you sinking, darling? asked Svetlana, tugging on her line impatiently» [287, с.18].

русск: «-Я думаю, - говорит моя мачеха Люба по-английски – ради Руанны. – Я думала, – добавляет она: у нее проблема с временами. – Я думаю, я думала ... Я думаю, я думала ... – О чем же ты думаешь, дорогая? – осведомляется Светлана, нетерпеливо дергая за свою удочку» [292, с.22].

англ: « ..made an effort at the Russian language. Your fardur woooze a great persons, he said. A great persons. He help us get built this wall. Looka how big» [287, с.326].

русск: «...е трудом заговорил на ломаном русском. – Ваш отец был великим человеком, – произнес он с сильным акцентом. – *Великим человеком. Он помог нам построить эту стену. Посмотрите, какая она большая*» [292, с.334].

Однако в данном случае, несмотря на сохранение идеи, потеряна языковая игра с типичной фонетической ошибкой русскоговорящих – произношение звука [θ] как [s], и замена фраз *я думаю* на *я тону* имеющая место в исходной тексте.

Ниже представлены несколько примеров также лингвистической адаптации, но уже в рамках форенизации. Творческая рекреация орфографии на целевом языке направлена на то, чтобы читатель услышал речь персонажа, при этом сохраняют особенность конкретной ошибки, например добавление в окончание звука [i] -kicki, в русском также добавлена лишняя [и] – пини-ка.

англ: «...my abuela locked us out of the house she turned to me in frustration and said, *Hija, just kicki the door open*» [87, с.46].

русск: «...когда бабуля случайно заперла дверь дома, оставшись без ключей, она обратилась ко мне и сказала, *Доча, просто пини-ка дверь, чтобы открылась*» [241, с.62].

Лингвистическая адаптация включает в себя также фонетическую стилизацию языка, которая иллюстрирует различные нарушения произносительных норм английского языка:

англ: «She'll come back and be a serious *Americanah* like Bisi, Ranyinudo said» [66, с.51].

русск: «-Она вернется и будет серьезной *американхой*, как Биси, – сказала Раньинудо» [286, с.46]

Редуцированная речь является естественной и неотъемлемой частью языкового общения носителей языка, однако сильно редуцированная речь включающая аффрикатизацию, эллипсис, ассимиляцию, сокращение слов и звуков, а также изменение ударения и ассимиляцию, может отражать их социальный статус, образование, происхождение. Персонажи из низших социальных слоев, сельской местности или не носители языка могут иметь более выраженные особенности артикуляции, которые важно отразить в письменном тексте и его переводе:

англ: «Once a Guinean braider in Philadelphia had told Ifemelu, *Amma like, Oh Gad, Az someh.* It took many repetitions for Ifemelu to understand that the woman was saying, *'I'm like, Oh God, I was so mad.'*» [66, с.12]

русск: «Как-то раз гвинейская плетельница Филадельфии сказала Ифемелу: *«Ятьп, божмой, ж збес-сь»*. Неоднократно пришлось повторить, пока Ифемелу не поняла, что эта женщина говорит: *«Я, тина, боже мой, аж взбесилась»*. (Мартынова) [286, с.11]

Amma like, Oh Gad, Az someh в переводе также наблюдаем максимальную редукцию *Ятьп, бож-мой, ж збес-сь*:

Фонетическая адаптация также направлена на выражение физиологических особенностей произношения, которые также требуют передачи в целевом тексте.

англ: «*I hab a long dose because I'm Jewish, I said. Dere's duthing I can do aboud it* [287, с.327]

русск: «*-У бедя длидый дос, ботобу что я ебрей, – сказал я, – Дичего де богу боделадь.*» [292, с.335]

Персонаж в исходном тексте имеет дефект речи и говорит про свой нос, для имитации речи через нос в переводе используется орфография, заменяя сонорные согласные на звонкие согласные звуки. Не смотря на то, что в данном отрезке отсутствует ярко выраженная этнокультурная окраска, как в исходном так и в целевом текстах сохраняется контекстуальное объяснение подобного фонетического искажения через обращение к стереотипным характеристикам этноса, выраженное самим персонажем: *a long dose because I'm Jewish* и *длидый дос, ботобу что я ебрей*. В некоторых случаях наблюдается обратный процесс – персонаж не может разобрать и произнести новое контекстуально важное слово. В переводном тексте творчески обыгрывается контекст, адаптируя фонетически и семантически:

англ: «*Libby-ah, Kwan said, what this word, lee-tahd? Ree-eh-tard, I corrected, lingering over the word*» [76, с.44].

русск: «*-Либби-я, – сказала Кван, – что это за слово «дубина я»? - Дебильная, – поправила я, медля с ответом*» [222, с.56].

Контекстуально важно передать контаминированную речь в случаях, если один персонаж исправляет речь другого:

англ: «*Chinese girls never keep promise. They lie in heart. Promiscs. Their hearts, I correct.*» [303, с.28].

русск: «*-Китаянки никогда не выполняют обещание. Их сердце лгут. – Обещания. Сердца, – поправляю его я*» [304, с.36].

Лингвистическая адаптация через компенсацию грамматических ошибок в английской речи персонажа (отсутствие *their*, множественное число) в несоответствие числа между субъектом *сердце* и глаголом *лгут* в русском языке, так происходит компенсация, когда стилистическая особенность проявляется в исходном и переведенном тексте различными средствами.

англ: «*Meanwhile, she thinks her English is great. She often corrects her husband. Not stealed, she'll tell George. Stolened* [76, с.25]

русск: «*И в то же время она уверена, что блестяще говорит по-английски, то и дело поправляя мужа. Не уворовали, – говорит она Джорджу, -а, скралию.*» [222, с.27].

англ: «*How far it is? When she was younger she would have corrected him; How far is it?*» [235, с.30].

русск: «*-Ему далеко к работе? В молодости Рума всегда исправляла языковые ошибки отца, раньше она бы сразу быстро сказала: Ему далеко ехать до работы?»* [300, с.33].

В представленных примерах использовались форенизация и доместикация, причем в обоих случаях наблюдаем прием лингвистической адаптации. В таблице 4 представлен статистический анализ использования разнонаправленных лингвокультурологических адаптаций в рамках стратегии форенизации и доместикации.

Таблица 4 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе контаминированной речи

Прием	Пропорциональное использование
1	2
Лингвокультурологическая адаптация с целью форенизации	70%

продолжение таблицы 4

1	2
Лингвокультурологическая адаптация с целью доместикации	30%

В случае доместикации – это приведение текста к нормам целевого языка и зачастую дополнительная стилизация под просторечие, неграмотную речь, оправдана если *контаминированная речь* не несет важной лингвокультурологической нагрузки, иногда встречается добавление пояснения на русском, например, *сказал на ломаном русском, у нее проблема с временами* и так далее. В некоторых случаях излишняя адаптация происходит из-за недостатка переводческой изобретательности, как в случае игры слов *think – sink*, типичной произносительной ошибки иностранцев в английском языке.

В случае форенизации также применялись лингвистические трансформации, направленные на нарушение языковых конвенций целевого языка, так как семантические, фонетические, грамматические и стилистические ошибки если они значимы для создания образности в исходном тексте, требуют подобных же решений в целевом языке.

Под лингвокультурологической адаптацией в разрезе форенизации понимается сохранение ритма, порядка слов, синтаксических и семантических особенностей ломаного иностранного языка, игра с языковыми конвенциями, семантические неологизмы, воспроизведение типичных ошибок иностранцев в русском языке и т.д. Многочисленные исследования межъязыковых влияний при изучении русского языка иностранцами, указывают на типичные ошибки различных групп иностранных студентов. В китайском языке отсутствует грамматическое склонение и спряжение, слова не изменяются по времени или числу, и контекст обычно определяет смысл предложения, поэтому по исследованию М. Ли о типичных ошибках допускаемых китайскими студентами изучающими русский язык является некорректное использование

инфинитива и нарушения лексической и синтаксической сочетаемости [313]. С произносительной стороны, студенты часто замещают звук [p] на [л] или произносят [з] как [дз] что также объясняется интерференцией фонетических норм первого языка на русский язык [314]. Анализ данных подобных исследований служит инструментом создания узнаваемого китайского (или иного) акцента в русском языке.

Лингвокультурологическая адаптация в доместикации – это опущения, нейтрализация, различного рода модуляции под диалектный, разговорный, жаргонный язык, экспликация, и т.д. Так как мы намеренно рассматриваем множество произведений, переведенных разными переводчиками, сравнивая мы наблюдаем более частое ситуативное использование той или иной стратегии, не придерживаясь только одного подхода. Комбинирование стратегий опирается на современные подходы к переводу, которые настаивают на обращенности к лингвокультурной идентичности автора и персонажей, внимательному и культурно сенситивному отношению к материалу исходного текста, соответственно задача специалиста – постараться максимально сохранить структурно-содержательные аспекты произведения.

Выводы по второму разделу

Анализ различных лингвокультурологических аспектов американской мультикультурной литературы, определяющие специфику переводческого процесса, позволяет сделать следующие выводы:

Американская мультикультурная литература включает в себя разнообразное лингвокультурное наследие этнокультурных групп. Несмотря на это разнообразие, произведения демонстрируют общие закономерности в темах, развитии персонажей и сюжетных линий.

В американской мультикультурной литературе используются различные нарративные модусы, включая интеркультурный литературный модус, стилизованный нарративный модус и их комбинации. Интеркультурный литературный модус характеризуется литературным английским с минимальными культурными вкраплениями, что позволяет охватить широкую аудиторию. Стилизованный нарративный модус использует *двуязычие* и лексические элементы разных культур, создавая аутентичное и многослойное повествование. Комбинированный модус сочетает литературный английский язык повествователя и стилизованную речь персонажей, что позволяет передать культурную детерминированность и сохранить различие между языком рассказчика и персонажей.

К универсальным закономерностям и чертам мультикультурного нарратива относится тематическое единство, характерное для мультикультурного нарратива, включающее вопросы иммиграции, ассимиляции, сохранения культуры, конфликта идентичностей и столкновения традиционных и американских ценностей. Структурные и языковые аспекты нарратива, такие как тема, мотивы, хронотопы, тесно взаимосвязаны и формируют уникальный лингвокультурный контекст произведений.

Хронотопы, такие как граница, дорога, город и дом, играют важную роль в формировании смыслов и характера персонажей, отражая экзистенциальные и культурные проблемы миграционного опыта. Культурное влияние на темы, мотивы, репрезентацию времени и пространства определяет структурные характеристики произведений, основанных на традициях и техниках повествования этнокультурных групп.

Кроме того, в американской мультикультурной литературе выделены три типа языковой организации нарратива: интеркультурный литературный модус, стилизованный модус и комбинация этих модусов. Интеркультурный литературный модус характеризуется использованием литературного английского языка с минимальными инокультурными элементами. Он позволяет охватить более широкую аудиторию и сохранить баланс между доступностью текста и его культурной насыщенностью. Стилизованный модус включает высокую степень лингвокультурной детерминированности и характеризуется контаминированной, двуязычной или креолизированной речью. Данный модус требует более сложных переводческих решений для сохранения культурной идентичности и эмоциональной насыщенности. Комбинация модусов предполагает использование литературного английского языка для повествования и стилизованной речи для персонажей, создавая многослойное и разнообразное повествование.

Комбинация интеркультурного литературного модуса и стилизованного модуса встречается наиболее часто (47%), что позволяет создавать многоуровневые тексты, отражающие разнообразие культур и языков. Интеркультурный литературный модус составляет 41%, так как позволяет охватить широкую читательскую аудиторию, сохраняя культурную насыщенность текста. Стилизованный нарративный модус встречается реже (12%), но обеспечивает глубокое погружение в культурный контекст и аутентичность повествования. Этнокультурное наследие писателей не влияет на выбор нарративной техники, так как все три типа нарративных модусов встречаются во всех этнокультурных группах американских авторов. Переводческая ретрансляция нарративной составляющей произведения требует комплексного подхода, основанного на лингвокультурологическом анализе, для адекватного сохранения культурной идентичности и многоуровневой структуры нарратива.

Исследование переводческого аспекта лингвокультурно-детерминированного мультикультурного нарратива американской мультикультурной литературы показало, что адекватный перевод требует применения адаптивных лингвокультурологических стратегий. Сохранение культурной идентичности, тематической и структурной целостности произведений играет ключевую роль в обеспечении их адекватного восприятия целевой аудиторией. Лингвокультурологический подход к переводу позволяет глубже понять и передать уникальный культурный и языковой контекст американской мультикультурной литературы.

На основе анализа репрезентативного корпуса текстов были выделены ключевые особенности, такие как *двуязычие*, *транслингвация*, *контаминированная английская речь*, *инокультурные вкрапления* в язык повествования и *культурная интертекстуальность*, функционирующие как индикаторы этнокультурной идентичности в мультикультурных произведениях.

Двуязычие является распространенной чертой американской мультикультурной литературы, отражающей способность персонажей использовать два языка для эффективной коммуникации, проявляется через параллельное использование языков, что способствует сохранению этнокультурной идентичности. *Транслингвация*, представляющая собой структурную и семантическую интеграцию элементов разных языков, естественно возникает в многоязычной среде и отражает сложности идентичности и коммуникации в мультикультурных контекстах. Использование *транслингвации* позволяет создать специфический локационный и этнический контекст, что способствует глубокому пониманию сообщества или страны, к которому принадлежат персонажи. *Контаминированная речь*, стилизованная форенизация для имитации речи иммигранта используется для создания точного образа персонажей, не владеющих английским языком в совершенстве, и иллюстрирует территориальную или социальную принадлежность говорящего, что позволяет создать реалистичную картину миграционного опыта и ассимиляции в американском обществе. Три вышеуказанные особенности являются лингво-обусловленными родной лингвокультурой мультикультурного автора.

Инокультурные вкрапления включают реалии, обычаи, традиции и символы, характерные для определенной культуры и служат культурными индикаторами и позволяют взглянуть на произведение через призму иной культуры. Введение инокультурных элементов создает параллельную реальность, интерпретация которой требует от аудитории обширных когнитивно-концептуальных и фоновых знаний о взаимодействующей лингвокультуре. Культурная интертекстуальность представляет собой литературные реминисценции в виде точных или трансформированных цитат, отсылок к культурным и историческим феноменам, фольклору, символам и прецедентным именам и подчеркивает культурное разнообразие произведений и требует от аудитории знания социокультурного контекста для целостного восприятия и интерпретации содержания.

Переводческий анализ лингвокультурологических особенностей лингво-обусловленных влиянием лингвокультуры автора на американский текст, показал, что *двуязычие* является важной характеристикой американской мультикультурной литературы и служит для создания реалистичных персонажей и раскрытия тем миграции, ассимиляции и культурного синтеза. Для адекватного перевода двуязычных элементов важно сохранять оригинальные фразы с параллельным переводом на русский язык, что позволяет сохранить культурную идентичность персонажей и обеспечить их

восприятие читателями. Пропорциональное использование различных переводческих приемов показало, что наиболее часто применяется транслитерация с параллельным переводом (40%), что подтверждает необходимость сохранения культурной идентичности персонажей через оригинальные языковые элементы.

Транслингвация, как смешение языков внутри одного высказывания, представляет собой еще одну важную лингвокультурологическую особенность, которая используется для более точного и выразительного самовыражения персонажей. Перевод *транслингвации* часто включает транслитерацию и параллельный перевод, что позволяет сохранить лингвистическую и культурную аутентичность текста и делает его доступным для русскоязычных читателей. Анализ выявил, что транслитерация и параллельный перевод являются основными приемами (18%), применяемыми для передачи транслингвации. Такой прием позволяет сохранить лингвокультурную специфику и обеспечить понимание текста целевой аудиторией.

Контаминированная речь, характеризующаяся лексико-грамматическими ошибками, служит для создания образов персонажей, принадлежащих к разным социальным и культурным группам. В переводе подобного текста важно сохранять стилистические особенности и ошибки оригинала, что способствует сохранению аутентичности и стилистической целостности текста. Пропорциональное использование переводческих приемов при передаче *контаминированной речи* показало, что лингвокультурологическая адаптация с целью форенизации составляет 70%, что подтверждает важность сохранения специфических языковых особенностей персонажей для обеспечения их аутентичности.

В целом исследование показало, что перевод американской мультикультурной литературы на русский язык требует применения различных адаптивных стратегий и приемов, направленных на сохранение культурной и языковой аутентичности оригинальных текстов. Адекватный перевод *двуязычия*, *транслингвации* и *контаминированной речи* играет ключевую роль в передаче реалистичности персонажей и их этнокультурной идентичности. Адаптивный лингвокультурологический подход представляет собой систему переводческих решений, основанных на детализированном понимании функциональных и стилистических характеристик лингвокультурологических особенностей. Лингвокультурологический подход обеспечивает лингвистическую и культурную конгруэнтность перевода, что является ключевым для сохранения мультикультурной аутентичности текста и его адекватного восприятия целевой аудиторией.

3. ПЕРЕВОД ЛИНГВОКУЛЬТУРНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

3.1 Перевод лингвокультурно-обусловленных особенностей: инокультурные вкрапления и интертекстуальность

Инокультурные вкрапления в мультикультурном произведении – это элементы, включаемые в текст из других культур с целью обогащения его содержания культурными особенностями и контекстом. На сегодняшний день широкий круг зарубежных и отечественных авторов занимался исследованиями в области перевода лингвокультурологических элементов таких как реалии, обычаи, традиции, символы, эпитеты, поговорки, идиомы, характерные для определенной культуры. Труды Л. Венути, М. Бэйкер, С. Басснетт, Е. Гентцлера, А. Алдашевой, А. Ислам, А. Ермагамбетовой, К. Каримовой, С. Мухтаровой, Ж. Манапбасовой, С. Сейденовой, А. Жаксылыкова, дают представление о сложностях перевода культурных элементов и влиянии культуры на процесс перевода.

Данное исследование посвящено изучению иноязычных и инокультурных вкраплений в американскую лингвокультуру и их переводу на русский язык, следовательно, фокус анализа не на американской безэквивалентной лексике, а зависит от бэкграунда конкретного автора. Основные сложности возникают при передаче культурных реалий, лакунарных лексем и культурных коннотации. При этом, по мнению Ж. Манапбасовой и С. Сейденовой, реалии, присутствующие в художественных произведениях, выполняют не только функцию создания временно-исторического, этнокультурного и географического контекста, но также служат для стилистического конструирования эмоционально-выразительных образов [315]. Перевод этих реалий должен основываться на их прагматических функциях, которые необходимо выявить в исходном тексте, то есть слова и выражения, не имеющие точных эквивалентов в языке перевода, требуют переводческих решений, зависящих от конкретного ситуативно-лингвистического контекста. При переводе терминов подобных *sari*, *bindi* в американском тексте необходимо сделать выбор – оставить их без перевода, транслитерировать, объяснить их с помощью сносок или подобрать ближайший аналог в целевой лингвокультуре. Сложности добавляет то, что некоторые слова и фразы имеют глубоко укоренившиеся культурные коннотации, которые трудно передать на другом языке, например, слово *chador* в контексте иранской культуры кроме прямого значения, имеет определенные культурные и религиозные коннотации.

В этом контексте, мы полностью согласны с мнением У. Жусуповой, что недопустима нейтрализация или ассимиляция национально-культурной идентичности исходного текста в целевой культуре. Информационно-семантические опущения в равной мере, как и добавления, приведут к деформации этнокультурной идентичности автора [316], которая в материале нашего исследования проявляется через инокультурные *вкрапления* и

обращения к *интертекстуальности* заимствованной из родной лингвокультуры автора. Основываясь на ключевой идее Л. Венути, что адекватный перевод, в первую очередь, должен быть видимым, сохранять и даже подчеркивать иностранность исходного текста или его элементов [180].

Рассмотрим переводческие варианты работы с инокультурными вкраплениями, наиболее широко представленной лингвокультурологической особенностью американской мультикультурной литературы.

При полной доместикации через перевод эквивалентом выбирается близкий по смыслу, но культурно нейтральный эквивалент, это может привести к потере части культурной уникальности исходного текста, однако делает текст более понятным для аудитории перевода, особенно если в лингвокультурологическая особенность не несет значимой контекстуальной значимости:

англ: Esperanza studied Mama as she made *un burrito de frijoles* for lunch and wrapped the soft *tortilla* filled with pinto beans in paper [284, с.68].

русск: Эсперанса разглядывала маму, пока та заворачивала в бумагу *лепешки* с фасолью, чтобы взять их с собой на работу [285, с.71].

В данном случае выбор приема элиминации, то есть, перевод эквивалентом для перевода названий различных видов лепешек традиционной испанской кухни *burrito de frijoles* и *tortilla filled with pinto beans* через культурно невыразительный эквивалент *лепешки с фасолью* может быть обусловлен желанием не отвлекать внимание читателя на незнакомых элементах, а адаптировать текст к культурным и социальным ожиданиям целевой аудитории и сфокусировать его на действиях героев.

В рассматриваемых ниже примерах лингвокультурологическая специфика исходного текста при обращении к русской лингвокультуре в переводе на русский язык теряется. Однако, как в авторском, так и в переведенном тексте выделены инокультурные выражения курсивом:

англ: «She was awestruck by Regina's *samizdat* books. Those are incredibly important artifacts!» [317, с.36].

русск: «Ее охватило благоговение при виде Регининых *самиздатовских* книг. «Это же невероятно важные артефакты!» [318, с.38].

Л. Ваняяр акцентирует *samizdat books* через графическое выделение, чтобы подчеркнуть в своем авторском тексте иностранное происхождение понятия. В переводе М. Глезеровой выделение *самиздатовских книг* курсивом сохраняется, что усиливает эмоциональный оттенок выделенного текста, подчеркивая принадлежность другой культуре при переводе советского культурного термина с английского на русский язык. Так, применение элиминации совместно с графическим выделением помогает адаптировать изначально русское явление в тексте как иностранное для персонажа произведения.

англ: «I've made my *vareniki* with cherries you like so much, this being Sunday and all» [257, с.56]

русск: «-А я вареников наготовила, с вишнями, как вы любите, – воскресенья все ж таки» [293, с.53].

Подобное решение мы наблюдаем в примере выше, когда традиционное блюдо русской кухни *vareniki* приобретает в оригинальном тексте графическое выделение для демонстрации его зарубежного происхождения и сохраняет это выделение в переводе для усиления его иноязычности в речи персонажей, которые оба после перевода говорят с аудиторией на русском, но по сюжету оба не являются русскоязычными и для одного из них русский язык и культура чужие, курсив слова *вареники* помогает читателю верно расставлять акценты и помнить о культурной принадлежности персонажей. Таким способом происходит лингвокультурная адаптация – термин одновременно и полностью понятен русскоязычной аудитории, и иностранен для американского персонажа в книге.

англ: «How nice for you, the youth said, clicking his tongue in appreciation» [257, с.34].

русск: «-Губа не дура. – Парень восторженно прицелкнул языком» [293, с.32].

Данный фрагмент перевода особенно интересен доместикацией через лингвокультурную адаптацию, когда использованная в оригинале фраза *How nice for you* достаточно нейтральна, но переводе происходит эмоциональное окрашивание через замену на идиоматическое выражение. В русском языке персонаж произносит поговорку *Губа не дура*, что является русским фольклорным выражением, означающим, что кому-то повезло или что у кого-то появилась неожиданная выгода. Фраза несет более сильный эмоциональный окрас и характеризует говорящего как более ироничного или саркастического.

Рассмотрим примеры приемов сохранения указанной лингвокультурологической особенности в различных работах.

Культурный перевод подразумевает контекстуализацию исходного текста в его культурном, историческом и социальном контексте, чтобы облегчить понимание и интерпретацию. Учитываются более широкие культурные рамки, в которых был создан исходный текст, а также конкретные культурные ссылки и предположения, заложенные в тексте. Для этого могут потребоваться пояснения, глоссы или аннотации, чтобы помочь читателям понять контекст незнакомых культурных элементов и ссылок. Форенизация через транслитерацию с лексической сноской позволяет сохранить лингвокультурную принадлежность текста и предоставляет опциональную расширенную информацию для читателей. В случаях плотной насыщенности текста лингвокультурологическими особенностями, стратегии и приемы должны быть адаптивно скомбинированы для удобочитаемости.

англ: «On Sundays, she would invite his relatives for pounded *yam and onugbu* soup and then watch over to make sure everyone was suitably overfed». [66, с.25].

русск: «По воскресеньям она приглашала его родственников на дробленый ямс и онугбу³⁷ и следила, чтобы все как следует объелось»

[27] Традиционный суп иббо из листьев вероники, мясного и рыбного ассорти, раков, пальмового масла, кукурузы и специй [286, с.44].

Применение транслитерации совместно лексической сноской в данном фрагменте является важным инструментом для обеспечения культурной адаптации и сохранения информационной насыщенности текста. Само название африканского блюда *yam and onigbun soup*, культурно не адаптированного для русскоязычного читателя, передано транслитерацией *ямс* и *онугбу* для сохранения культурной коммуникации, персонажи погружены в незнакомый мир с неизвестными блюдами. Однако использование сноски в контексте лингвокультурной адаптации облегчает передачу специфических реалий из одной культурной среды в другую, она служит мостом, соединяющим культурные различия и обеспечивающим более глубокое и всестороннее взаимопонимание.

англ.: «But when a Koran *ayat* I had learned in my *diniyat* class rose to my lips, I muttered it» [254, с.52].

русс.: «Но сейчас я бормочу про себя пришедший на ум *аят*¹⁸, зазубренный на уроке религии» [289, с.50]

¹⁸ Священный Коран делится на 114 глав – суры (собственно *рядов* – камней в стене); каждая сура состоит из нескольких (от 3 до 286) стихов – аятов (пер. *чудо, чудесное свидетельство*) [289, с.50].

В отрезке выше можно увидеть, как прибегание к различным приемам в различных ситуациях позволяет одновременно погружать в новую культурную реальность и сохранять концентрацию читателя на событиях, а не на непонятных инокультурных элементах. При переводе *Koran ayat* передается как *аят*¹⁸ со сноской, где ниже раскрывается полное значение термина для непосвященного читателя, а *diniyat class* упускается и становится общим эквивалентом *уроком религии*, однако за счет ранее примененной сноски вопрос о том, какая именно религия имеется в виду, не поднимается. Таким образом, переводческая сноска в данном контексте выступает не просто как дополнительная информация, а как средство углубления культурной коммуникации между автором и читателем, позволяя последнему читать и, более того, проживать текст. В данном случае подчеркивается роль переводчика как культурного медиатора, который помогает преодолевать барьеры непонимания и способствует более полной трансляции многоаспектного содержания оригинала.

При буквальной передаче метафоры из исходного текста без изменений или адаптаций и сохранении ее формы, но благодаря контексту и образности метафора не потеряет смысл и эффективность в контексте целевого языка и культуры. Пословицы со схожим значением есть в русском языке, но калькированный перевод передает культурную окраску афганской или нигерийской культуры:

англ.: «He is? Lucky Hazara, having such a concerned master. His father should get on his knees, sweep the dust at your feet with his eyelashes» [289, с.58]

русск: «-Да неужто? Заботливый же у хазарейца хозяин! Его отец должен стоять перед тобой на коленях и ресницами смахивать пыль с обуви!» [289, с.55].

Во фрагменте выше с помощью калькирования сохранено метафорический образ крайне благодарного человека, который взят из афганской поговорки. Афганец Хоссейни сохранил поговорку в английском тексте, в переводе образность и метафоричность оригинала сохранены без ущерба для лингвокультурного впечатления читателей.

англ: «No. I know serious proverbs. Akota ife ka ubi, e elee oba. If something bigger than the farm is dug up, the barn is sold» [66, с.48].

русск: «-Нет. Я и серьезные знаю. Акота ифе ка уби, э лез оба. Коли выкопали шире фермы, амбар продан» [286, с.92].

Персонажи романа мультикультурного автора нигерийского происхождения говорят на игбо и их речь калькируется в переводе, это воссоздает стиль живой речи персонажа, где текст понятен и не понятен одновременно. Именно аутентичность исходного текста заставляет прибегнуть к кальке, и такая переводческой стратегия сохраняет культурно-языковые особенности героев.

Экспликация расширяет контекст позволяя понять или догадаться о значении транслитерированного понятия без непосредственного перевода или глоссы:

англ: «Ma consulted the *Tong Sing* to find out when and where we had to go to welcome them as they returned» [271, с.122].

русск: «Ма посмотрела в календаре *Tong Sing*, когда и в каком направлении нам нужно отправиться, чтобы встретить их» [319, с.129].

Использование транслитерации вместе с экспликацией в данном примере перевода календаря *Tong Sing* позволяет переводу, с одной стороны, давать четкую ссылку на культурные элементы описания, но в то же время через указание на предметную принадлежность (календарь) действие Ма становится понятным для широкой аудитории.

Параллельный перевод транслитерированного слова выступает как краткая пояснительная сноска, но в рамках одного высказывания, что позволяет читателю не терять плавность чтения:

англ: «I remember one time Baba took me to the yearly *Buzkashi tournament* that took place on the first day of spring, New Year's Day» [254, с.15].

русск: «Помню, однажды Баба взял меня на ежегодный турнир по *бозкаши, козлодранию*, который всегда проходит в первый день весны, первый день нового года» [289, с.22].

Сочетание транслитерации с параллельным переводом во фрагменте выше позволяет не только сохранить культурную уникальность, но и облегчить понимание текста для читателя, незнакомого с культурой описываемого региона. Оригинальный текст *Buzkashi tournament* становится в переводе турниром по *бозкаши, козлодранию*, такой прием делает перевод более

доступным и информативным и способствует лучшему культурному пониманию.

англ: «When all of our cups are filled, she lifts hers – *Gan-bei!* – and sips noisily, her head tilting back slowly until she has emptied the contents.» [76, с.243]

русск: «Когда пиалы наполнены, она поднимает свою – *Гань-бей!* – и с шумом втягивает содержимое, запрокинув голову» [222, с.269].

Так как обычно читатель имеет достаточный ситуативно лингвистический контекст, импликация значения транслитерированного слова или сочетания как противоположный экспликации прием в переводе, оправдан и позволяет не перегружать текст дополнительными объяснениями. Например, контекстуальное значение фразы *Gan-bei! – Гань бей!* явно подразумевает традиционное выражение, используемое во время тоста, это вполне понятно из фразы *When our cups are filled*. Кроме того, даже поверхностное культурное исследование легко позволяет найти значение фразы *Gan-bei!* (干杯) – Выпьем до дна!, так как является распространенным выражением и используется в различных социальных ситуациях.

англ: «...the first nigger to learn the *perrito* and the one who danced it any chance he got» [87, с.10].

русск: «Он был среди первых, кто научился *perrito*, и пускался в пляс при каждом удобном случае» [241, с.22].

Анализ перевода фрагмента из произведения Х. Диаса позволяет глубже понять методы, применяемые для адаптации текста к русскоязычной аудитории, учитывая чувствительные культурные и социальные аспекты оригинала. Слово *nigger* чрезвычайно негативно воспринимается в современном контексте и поэтому в русском переводе это слово опущено, подвергнуто импликации. Танец *perrito* транслитерирован как *перрито*, что добавляет к тексту важный элемент культурной специфики.

В выборе между сноской, внутритекстового или контекстуального раскрытия значения и различными приемами сохранения оригинальной лакунарной единицы, по мнению М. Едо и Ж. Мананбаевой, предпочтение должно отдаваться второму и третьему способам, так как словарно-пояснительный стиль сносок зачастую контрастирует со стилем нарратива и персонажей в произведении [320]. Достаточно минимальной адаптации или контекста для передачи значения и сохранения экзотичности, которые более гармонично выглядят в каноне художественного языка нежели дефиниционная сноска.

англ: «We select complementary *cheongsams* to show harmony and style» [303, с.15].

русск: «Мы выбираем сочетающиеся друг с другом *чонсамы*, чтобы подчеркнуть, как мы гармоничны и элегантны» [304, с.30].

В отрывке выше автор говорит о *чонсамах*, традиционных китайских платьях, но в переводе иностранное понятие выделено курсивом, и по тексту читатель вполне может догадаться, что речь идет о некоей одежде без четкого пояснение, тем не менее культурная идентичность предмета одежды сохранена

с помощью транслитерации и импликации, акцент сделан на визуальной и эстетической гармонии между носителями этих платъев. Такое усиление импликации способствует более глубокому пониманию культурной значимости одежды в контексте представления себя и своей культуры.

С учетом того же принципа контекстуального раскрытия значения инокультурно-маркированных единиц в редких случаях сохраняется в исходном написании без комментариев и перевода. В первом случае значение слов понятно из контекста; во-втором примере составленная латиницей цитата из отдельных культурно-значимых на иврите, но не имеющих характеристики связного высказывания слов, показывает, что это был именно гул невнятных голосов одновременно говорящих, но мало различимые рассказчиком фразы: хумус (блюдо из чечевицы), хорошей судьбы, самый вкус, Израиль, поздравляю. Форенизация показывает культурно-языковую дистанцию между персонажем и происходящими в сцене действиями:

англ: «Here's to your *mitzvah!* one of them shouted. Today you will enter a covenant with *Hashem*» [291, с.28].

русск: «За твой *mitzvah!*—воскликнул один из них.—Сегодня ты заключишь договор с *Hashem*» [292, с.36].

Сохранение исходного текста в немодифицированной форме (*mitzvah, Hashem*) выявляет способы перевода, используемые для передачи культурных и религиозных особенностей, сохраняя при этом аутентичность исходного сообщения.

англ: «The hum gradually resolved itself into a chorus of male voices singing what sounded like: *A humus tov, a tsimmus tov, a mazel tov, a tsimmus tov, a humus tov, a mazel tov, a humus tov, a tsimmus tov, hey hey, Yisroel*» [291, с.28].

русск: «Постепенно это гудение перешло в хор: мужские голоса пели что-то вроде: *Humus tov, tsimmus tov, mazel tov, tsimmus tov, humus tov, mazel tov, humus tov, tsimmus tov, Yisroel* [292, с.36].

Сохранение текста песни в исходной форме позволяет воспроизвести звучание гула голосов как музыкального произведения, другие приемы перевода нарушили бы ритм и структуру повторений, что важно для передачи музыкальности и праздничности момента, что также помогает сохранить атмосферу народного пения и усиливает культурное погружение читателя.

В некоторых случаях применяется культурная адаптация посредством описательного перевода, когда прямой перевод невозможен из-за отсутствия эквивалента в целевом языке, дается описание значения термина или выражения: *Ghormeh Sabzi* – традиционное иранское блюдо из зелени и мяса. Также используется компенсация для сохранения баланса культурных элементов и раскрытия значения в целевом тексте, то есть утрата культурного значения в одном месте текста, компенсируется добавлением его в другом: *Baba* (в значении папа) – одном месте может использоваться Баба, а в другом добавить пояснение отец для ясности. Крайне редко встречается полная доместикация, когда культурное понятие заменяется на аналогичное понятие из целевой культуры: *Diwali* - Фестиваль огней, вместо Дивали.

Зачастую культурно-детерминированными вкрапления функционируют как символы и мотивы раскрывающие темы идентичности, пересечения границ и столкновения культур. А. Хемон вводит в американский нарратив некоторые слова из русского языка, такие как *café-bar Nostalgija, the rusty ship the Pamyat, Mama Russia Dosvidanya, a punk band Depresija*, которые служат маркерами темы и мотивов произведения [321]. В романе Э.Тан *The Joy Luck Club* имена собственные не несут никакой эксплицитной смысловой или символической нагрузки, однако сравнение имен матерей, (*Suyuan Woo – Суюань У, An-mei Hsu – Аньмэй Су, Lindo Jong – Линьдо Чжун, Ying-ying St. Clair – Иннин Сент-Клэр*) и их дочерей (*June Woo – Джун У, Rose Hsu Jordan – Роуз Су Джордан, Waverly Jong – Уэверли Чжун, Lena St. Clair – Лена Сент-Клэр*) демонстрирует как имена передают этнокультурное наследие и при этом раскрывает тему ассимиляции мигрантов в американское общество [78],[322].

Сравнительный анализ перевода инокультурных вкраплений у различных авторов и переводчиков показал, что приемы форенизации более эффективны и позволяют сохранить мультикультурную характеристику текста. Методы и приемы выбираются в зависимости от контекста оригинального текста и переводческих целей. В таблице 5 представлены результаты переводческого анализа, иллюстрирующий пропорциональную представленность переводческих приемов при переводе инокультурных вкраплений.

Таблица 5 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе инокультурных вкраплений

Прием	Пропорциональное использование
Элиминация	8%
Сохранение исходного текста	2%
Транслитерация, импликация	20%
Калькированный перевод	15%
Транслитерация, параллельный перевод	18%
Транслитерация, сноска	18%
Транслитерация, экспликация	12%
Лингвокультурная адаптация	4%
Элиминация + графическое выделение	3%

Таким образом, анализ переводческих приемов показал, что доминирующим методом перевода является форенизация – 85 %. В рамках которого в 48 % случаев продуктивным приемом была транслитерация вкупе с одним из вариантов передачи значения: сноска (18%), расширение контекста для экспликации значения (12%), а также параллельный перевод (18%); калька (прямой перевод), составила 15% от количества проанализированных примеров; 20 % случаев – это транслитерация без дополнительных пояснений культурных терминов, непосредственно связанных с определенной культурой и

не всегда полностью понятными для аудитории. Очень редко наблюдается сохранение словосочетания в исходной форме – 2%, это можно объяснить тем, что русскоязычная аудитория читает на кириллице, и для некоторых реципиентов латиница может быть сложна для восприятия. Адекватное применение форенизации и ее приемов снижают уровень ассимиляции или нейтрализации лингвокультурного содержания, определяемого К. Каримовой как *степень потери культуры* [323], в нашем случае, родной лингвокультуры автора в американском повествовании.

Доместикация во всех случаях нейтрализует этнокультурную специфику и происходит деперсонализация текста, при которой культурно специфичные элементы и выражения исключаются или минимизируются в процессе перевода на русский язык. Доместикация использовалась в 15% случаев со следующим распределением по приемам: элиминация лингвокультурной специфики в формате замены на нейтральное понятие из целевой культуры – 8%, элиминация, но с графическим выделением нейтрального слова или сочетания – 3%, и лингвокультурная адаптация, замена на стилистически схожий эквивалент из целевой культуры – 4%.

Доместикация и ее приемы нацелены на удобство читателя, тогда как форенизации нацелена на автора и произведение, то есть подчеркивается иностранность элементов, оставляя максимум реалий, фразеологии и образов без изменений, даже если они могут быть непонятны или необычны для целевой аудитории. Данная мысль высказывалась многими современными теоретиками перевода, в частности, исследователем мексикано-американской литературы М. Санчес, которая выступает за адаптивное сохранение мексиканских реалий, выражений, образов и традиций таким образом, чтобы они были понятны и актуальны для англоязычной аудитории [278].

Анализ подобных примеров показал, что возможно применение множества приемов для сохранения культурных элементов и передачи их значения в контексте целевой культуры, даже если основной нарратив не является явно лингвокультурно-детерминированным, а лишь включает некоторые заимствования из родной культуры писателя. Транслитерация и транскрипция как адаптация звуковой или графической формы слова, используются для передачи слов и выражений из исходного текста и применяется для имен собственных, названий и специфичных культурных терминов. В случае, когда пояснение отсутствует, возникает некоторая лакунарность значения, которая подчеркивает уникальность и экзотичность для целевой аудитории. Однако зачастую транслитерация сопровождается добавлением примечаний или сносок для объяснения культурных терминов или контекста, которые могут быть непонятны целевой аудитории, или иными модуляциями, раскрывающими реалии.

Инокультурная интертекстуальность является наиболее культурно детерминированной лингвокультурологической особенностью и требует особого внимания при переводе, так выходит за рамки одной культуры и подразумевает взаимодействие различных культурных текстов и контекстов,

проявляясь в виде цитат, отсылок, аналогий, персонажей и реальных личностей или символов, заимствованных из других культур и вставленных в текст с целью обогащения его содержания или создания новых смысловых уровней. *Интертекстуальность* представляет собой отдельный пласт национально-культурных реалии, определяемых Ж. Манапбаевой как метареалии [208]. Требуется передача как самого текста, так и его культурных ассоциаций и отсылок, требующих глубокого погружения в субалтерн лингвокультуру по отношению к доминирующей американской культуре, в условиях которого работает автор.

Вопрос о применимости форенизации и доместикации не всегда уместен при работе с названиями реальных литературных и фольклорных произведений, авторами, персонажами и так далее. Тем не менее, наблюдается несколько тенденций в рамках адаптивной транслитерации – экпликация интерсексуальной ссылки через расширение контекста, пояснительные сноски и импликация (транслитерация без пояснения):

англ: «Hassan's favorite book by far was the *Shahnamah*» [254, с.181].

русск: «Любимой книгой Хасана была эпическая поэма «*Шахнаме*» («*Книга о царях*»), сложенная в десятом веке и повествующая о древних персидских героях¹¹ [289, с.200].

¹¹«Шахнаме» – общее название поэтических сводов .. на фарси (73 слова)

Перевод фрагмента из произведения Хоссейни, в котором использованы экпликация и пояснительная сноска, представляет собой интересный пример переводческой адаптации, направленной на расширение детального понимания текста русскоязычными читателями. В переводе к названию книги *Шахнаме* добавлено определение *эпическая поэма*, а также уточнение *Книга о царях*, что расширяет понимание читателя о содержании и жанре произведения и помогает лучше оценить значение этой книги для персонажа и её культурную значимость. Сноска ниже дает читателю больше знаний о литературном и культурном контексте, в котором создавалось это произведение, не отвлекая от повествования.

англ: Will May be Mulan, the great woman warrior, brought back to life to promote Parrot wine? Will I be painted as the fictional maiden Du Liniang from The Peony Pavilion to extol the merits of Lux toilet soap? [303, с.17].

русск: Может быть, Мэй будет *Мулань*, великой женщиной-воительницей, которую вернули к жизни, чтобы рекламировать вино Пэррот? Буду ли я изображена в виде вымышленной *девы Ду Линьян*, героини пьесы *Пионовая беседа*, прославляющей достоинства туалетного мыла Люкс? [304, с.29].

Перевод культурно-специфичных элементов важен для сохранения их уникальности, в этом примере перевод транслитерацией *Мулань* и *Ду Линьян* используется для рекламы западных продуктов (вино Пэррот, туалетное мыло Люкс) представляет собой интересное сочетание восточных культурных икон с западными коммерческими образами. Пояснения о сути выбранных персонажей перегрузит текст и воспрепятствует появлению дополнительных ассоциаций и рефлексии у читателя.

В целом, ономастический и антропонимический материал, по мнению А.И. Ндйя, выполняет следующие важные функции в художественном тексте: информативную, эмоциональную, аллюзивную, семантическую и интертекстуальную. Опираясь на критерии соответствия названию объекта, его информативности и сохранению культурной атмосферы применяются различные переводческие решения - транслокации, то есть переноса имени в неизменном виде или через адаптацию на языке перевода, при этом зачастую наиболее важным для переводчиков оставался фонетический слой, а не символический [324].

Под адаптивной транслитерацией понимается передача имен собственных как реальных фигур, так и персонажей из других произведений субальтерн культуры, названий источников, исторических фактов, к которым имеется отсылка в английском тексте, не по написанию или произношению в английском языке, а так как уже было адаптировано в русскоязычный литературный дискурс из исходного языка. Например, в русской транскрипции будет Мулань из китайского традиционного 花木蘭, или по пиньинь Hua Mulan, а не Мулан, транслитерация с английского написания Mulan; ; 杜丽娘 – Du Liniang – Ду Линьян, не Ду Линиан; Guǎngzhōu (广州) - Гуанчжоу, не Квантунг от Kwangtung в английском языке; Шахнаме от Shahname с классического персидского языка, شاهنامه, а не Шахнамах от английского Shahnamah, и так далее. Такие имена собственные уже используются в русском языке, поэтому важно учитывать ожидания и предпочтения целевой аудитории. Авторские варианты транскрибирования или транслитерации редко используются для этого типа интертекстуальности.

Тем не менее, при работе с отсылками к отдельным произведениям, мифам, документам, знаковым понятиям определенной лингвокультуры, которые могут быть незнакомы целевой аудитории, адаптивной транслитерации может быть недостаточно для передачи определенных подразумеваемых смыслов. В таком случае, мы наблюдаем обращение к форенизации и дополненным пояснительным сноскам, которые позволяют сохранить лингвокультурную специфику повествования. В данных примерах в переводе дается краткая информация в тексте или добавляется опциональное информативное пояснение в конце книги по всем контекстуально значимым элементам интертекстуальности:

англ: Chief Omenka is a 419 and everybody knows it [66, с.41].

русск: – Шеф Оменка – Четыреста двенадцатый⁴¹, это всем известно.

⁴¹ Отсылка к Уголовному кодексу Нигерии, часть VI, раздел 419: незаконное (мошенническое) обогащение. В разговорном обиходе так начали именовать высокопоставленных мошенников во времена правления генерала Бабангиды (в 1980-х гг.) [286, с.83].

Включение форенизации и пояснительной сноски в перевод помогает передать глубину культурного контекста, позволяя читателю не просто понять текст на поверхностном уровне, но и оценить сложность социокультурных явлений, присущих оригинальному культурному пространству. Здесь

сохранение числовой формы (Четыреста девятнадцатый) углубляет понимание специфической культурной ссылки, которая может быть неизвестна читателю без дополнительных пояснений.

англ: *The University of Allameh Tabatabai*, where I had been teaching since 1987, had been singled out as the most liberal university in Iran [298, с.18].

русск: Университет имени Алламе Табатабаи ⁶, где я преподавала с 1987 года, считался одним из самых либеральных иранских университетов.

[6] Один из крупнейших иранских университетов со специализацией «общественные и гуманитарные науки», входит в десятку лучших в Иране [299, с.29].

Использование сноски в отрывке выше важно для адаптации текста к аудитории, которая может не обладать предварительными знаниями об университетах в Иране, такое пояснение делает текст более доступным и понятным, и не перегружает его деталями.

Читатель по мере необходимости обращается к дополнительной информации в списке. Данный прием несет и образовательную функцию, предоставляя читателю энциклопедические данные, касающиеся истории, литературы и других сфер конкретной лингвокультуры.

Множество сносок и пояснений утяжеляют повествование, поэтому для удобочитаемости транслитерированное понятие может быть как сохранено без расшифровки, так и полностью адаптировано для целевой лингвокультуры без сохранения отсылки:

англ: The puertorican kids on the block couldn't stop laughing when they saw my hair, they called me *Blakula*, and the morenos, they didn't know what to say: they just called me devil-bitch. Yo, devil- bitch, yo, yo! [87, с.36]

русск: Пуэрториканская пацанва вся ржала, когда они видели мои волосы; они называли меня Блакула, а темнокожие парни – моренос, они-то совсем не понимали, что сказать: они просто звали меня чертовкой. Ты, чертовка, ты, ты! [241, с.68]

Использование транслитерации и импликации в данном случае помогает достигнуть баланс между точной передачей смысла и адаптацией для целевой аудитории. В оригинале *the morenos* переведены с импликацией как *темнокожие парни-моренос*, что помогает русскоязычному читателю понять этническую принадлежность персонажей без необходимости знания иностранных терминов. *Блакула* остается без разъяснения, что позволяет читателю ассоциативно догадаться или самостоятельно найти, что Блакула – это африканский принц, которого граф Дракула обратил в вампира.

англ: Beli, clearly: one of those Oya-souls, always tuming, allergic to tranquilidad [87, с.50]

русск: В Бели явно таился бунтарский дух, она всегда куда-то рвалась, покой вызывал у нее аллергию [296, с.68]

Доместикация через элиминацию лингвокультурной специфики происходит за счет замены отсылки к Ойе, богине-воительнице ветра, бури и перемен у народа Йоруба, которая определяет характер Бели на лишенную

лингвокультурологической значимости, но сохраняющую семантическое значение фразу *таился бутарский дух*.

Анализируя расширенные цитаты из произведений субалтерн культуры, можно утверждать, что авторы также используют существующий или авторский перевод в оригинале в зависимости от текста, ожиданий целевой аудитории и т.д. В Petropolis Аня Улинич используется английский перевод стихотворения О. Мандельштама, сделанный А. Клайном в 2000 [74, с.75]:

<i>англ:</i>	<i>русск:</i>
«Lubov Alexandrovna still remembered it by heart: At a terrifying height a wandering fire, But is this how a star glimmers, flying? Transparent star, a wandering fire, Your brother, Petropolis, is dying» A.Cline	«Любовь Александровна все еще помнила его наизусть: На страшной высоте блуждающий огонь! Но разве так звезда мерцает? Прозрачная звезда, блуждающий огонь, – Твой брат, Петрополь, умирает!»

В следующем примере Хоссейни в авторском переводе на английский язык цитирует отрывок из Шахнаме, рассказывающем историю о Рустеме и Сохрабе. Отметим, что для сохранения стиля и целостности оригинального классического персидского языка, которым написана Книга Царей (977-1010 н.э.), Хоссейни использует староанглийские структуры и слова -*thou, hast, did'st, thine, thee* и т.д., но он не сохраняет поэтический формат поэмы:

англ: Stricken with grief, Rostam hears his son's dying words: If thou art indeed my father, then hast thou stained thy sword in the life – blood of thy son. And thou did'st it of thine obstinacy. For I sought to turn thee unto love, and I implored of thee thy name, for I thought to behold in thee the tokens recounted of my mother. But I appealed unto thy heart in vain, and now is the time gone for meeting ...» (Hoseini) [254, с.23]

русск:
Когда таким Рустема увидал
Сохраб – на миг сознание потерял.
Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой,
Что ж злобно так ускорил ты конец мой?»

...
Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться! ...»¹²
[12] перевод С. Липкина [325]

Так как в контексте *Бегущего за ветром* эта история предвосхищает центральную тему отношений между отцом и сыновьями и последствий их действий для разных поколений. Образы Рустама и Сохраба – это лейтмотив, создающий своеобразную связь и единство текста, сохранение которого важно для глубины понимания романа. Соответственно, цитата не только сохранена, но и представлена в расширенном формате в 28 строк вместо оригинально

использованных 5 строк, включая ранее изданный на русском поэтический перевод С. Липкина от 2010 года, и указывает в сносках автора перевода.

К вопросу выбора авторского перевода цитируемого на английском языке отрезка или обращения к существующему переводу с языка-оригинала, например с персидского, мы согласны с мнением А. Аккалиевой [326] и Ж. Манапбаевой [208], что опосредованный перевод потенциально вызывает больше семантических и стилистических ошибок, нежели перевод с языка оригинала. Следовательно, обращение к уже изданному переводу может быть предпочтительней. Однако в случаях отсутствия источника, либо иных причин, проводится авторский перевод с английского языка. В некоторых случаях при авторском переводе цитируемого отрезка добавляются пояснительные комментарии:

англ.: ... calling out a song:

Oh Lord, trouble so hard

Oh Lord, trouble so hard

Nobody know my troubles but my God

Nobody know nothing but my God

I went on for verse after verse, taking the song from trouble to labor to trouble to hope to trouble to freedom [327, с.23].

русск.: .. пела песню⁵:

Господи Боже мой, как тяжело!

Господи Боже мой, как тяжело!

Сердце-то кровушкой все изощло –

Господи Боже мой, как тяжело!

Я подтягивал. За кушетом о тяжести полевых работ следовал кушет о боли, связанной с пустыми надеждами, далее – о недостижимости свободы” [328, с.31].

«Oh Lord, trouble so hard» – автор ссылается на песню, яркий пример афроамериканского фольклора, которая легла в основу известного ремикса *Moby Natural Blues*

В тексте оригинальной песни наблюдаются лингвостилистические особенности, универсально характерные для фольклорного устного творчества – повторы и параллелизмы для усиления эмоциональной и структурной выразительности, нарушение конвенции литературного языка и т.д. Фольклорное звучание имитируется посредством устаревших выражений в русском языке и параллелизмов которые помогают передать ритм и музыкальность текста. Кроме этого, имеется ссылка на комментарий в сноске, предоставляется информация о песне афроамериканского фольклора и проводится параллель с современной популярной американской музыкой.

Работа с русской *интертекстуальностью* сложна тем, что практически невозможно в переводе на русский сохранить чужеродность цитаты, то, как она воспринимается американским читателем. При эквивалентном переводе происходит деперсонализация русской или постсоветской идентичности говорящего:

англ: To the army, the air force, and the whole Soviet fleet. Drink to the bottom! [291, с.11]

русск: – За армию, за вооруженные силы и весь советский флот. Пей до дна! [292, с.17]

англ: ...triumphant Stalin-era music echoing around us Here's my passport! What a passport! It's my great red Soviet passport! [291, с.15]

русск: ...звучит ликующая музыка сталинской эпохи «Вот мой паспорт! Что за паспорт? Это мой большой красный советский паспорт! [292, с.20]

Отдельной особенностью переводов *интертекстуальности*, основанной на русском языке является опущения поясняющей информации в контексте:

англ: Her hand felt cool in mine, and in my stunned mind, Pushkin's immortal tribute to his beloved rang out like a clear crystal bell: *Chisteishei prelesti chisteishii obrazets. The purest image of the purest charm* [257, с.176]

русск: Ее ладонь холодила мне руку, и среди смятения моих мыслей хрустальным колоколом звенело: *чистойшей прелести чистойший образец.* [293, с.188]

англ: Two drunk girls stumbled along, singing over and over, We wish you happiness, a line from a popular song [257, с.34]

русск: Мимо проковыляли две пьяные девицы, которые неумолчно горланили: *Мы желаем сча-а-стья-а-а вам!* [293, с.39]

Лингвокультурная адаптация выражается в том, что в первом случае отсутствует отсылка к Пушкину, во втором пояснение *a line from a popular song* удалено как ненужное, так как предполагается, что у читателя возникнет прямая ассоциация с цитируемыми строчками, особенно при графическом отображении звучания фразы. Переводческий анализ показал, что необходимо разделить данную группу лингвокультурологических особенностей, так как они требуют различного подхода. При переводе отсылок к произведениям, реальным и вымышленным персоналиям, алгоритм работы тот, же что и с инокультурными вкраплениями, такими как реалии или культурно-значимые имена собственные, то есть вышеуказанные особенности выступают в роли различного рода лингвокультурем. В таблице 6 показаны количественные результаты анализа перевода случаев интертекстуальности в формате отсылок и внутритекстовых реминисценций.

Таблица 6 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе отсылок к произведениям, реальным и вымышленным персоналиям и т.д.

Прием	Пропорциональное использование
Элиминация лингвокультурной специфики	18%
Транслитерация + сноска	39%
Транслитерация + импликация	24%
Транслитерация + экспликация	19%

Как указано в таблице 6, форенизация занимает 82 процента от всех рассматриваемых переводческих случаев, что объясняется тем, что большинство интертекстуальных отсылок несут контекстуально значимую информацию, будь то характеристика персонажа, проведение аналогии, объяснение причинно-следственных связей сюжета и т.д. поэтому полная их адаптированная доместикация под целевую культуру лишает текст лингвокультурной специфики и сюжетной когезии. Соответственно случаев доместикации в формате полной элиминации лингвокультурологического содержания наблюдалось всего 18%, когда отсылка не несла ключевую информативную и культурную нагрузку.

В таблице 7 представлены результаты анализа перевода цитат, стихотворений и иных текстовых отрезков, которые требуют более тщательного лингвистического и литературного анализа. В каждом конкретном случае принимается решение между необходимостью пояснения, авторским переводом или применением иных приемов формальной доместикации. Важно отметить, что случаев применения приемов форенизации, таких как транслитерация, сохранения текста в оригинале, параллельный перевод не наблюдалось.

Таблица 7 – Пропорциональная представленность переводческих приемов при переводе цитируемого текста

Прием	Пропорциональное использование
Авторский перевод	29%
Существующий перевод	51%
Опущение	20%

Использование существующего перевода (51%) обусловлено наличием уже существующих литературных работ, где данное стихотворение было переведено ранее, и этот вариант был выбран как достаточно удачный или соответствующий задачам текущего проекта. Кроме того, такой прием позволяет сохранить верность оригинальному тексту, обеспечивая соответствие ожиданиям читателей, которые могут быть знакомы с конкретными произведениями на русском языке. Использование существующего перевода также может быть связано с экономией времени и ресурсов, поскольку это позволяет избежать необходимости создания нового текста с нуля.

Авторский перевод (29%), со своей стороны, как форма доместикации имеет корни в стремлении сохранить оригинальный стиль, ритм и метафорическое значение стихотворения. Применение такого приема может быть вызвано задачей создать уникальный текст, который соответствует его собственному видению оригинала и адаптирован к конкретному фоновому произведению и его целевой аудитории. Подобный подход может быть

предпочтителен, если существующему переводу не хватает ясности, точности, культурной чувствительности, или перевод морально устарел.

Опущение, или исключение цитируемого стихотворения из перевода (20%), может быть обусловлено различными причинами. Применение опущения может быть вызвано трудностями в переводе метафорического или культурно специфического содержания стихотворения, несоответствием его тематики или эмоциональной окраски основному тексту, а также стремлением сохранить компактность и литературную целостность перевода. Таким образом, выбор формы доместикации при переводе цитируемых стихотворений в художественной литературе зависит от ряда факторов, включая стиль и эстетические предпочтения, наличие уже существующих переводов, а также цели и контекст переводимого текста.

На основе сопоставительного анализа перевода всех выделенных нами лингвокультурологических особенностей мультикультурной литературы США, мы наблюдаем преобладающее использование приемов форенизации над приемами доместикации. Результаты, представленные в таблице 8, показывают, что предпочтение отдается иноязычным элементам языка и культуры, что отражает стремление сохранить уникальную целостность исходного текста, который имеет не только американские лингвокультурологические особенности, но особенности субалтерн культуры мультикультурного автора и персонажей: Ретенция культуры происхождения представленная языковыми средствами, в частности транслингвацией или смешением языковых кодом на уровне семантики и грамматики, еще раз подтверждает неразрывность языка и культуры.

Таблица 8 – Пропорциональная представленность лингвокультурологических особенностей и приемов форенизации и доместикации

Лингвокультурологическая особенность	Приемы форенизации	Приемы доместикации
1.Двуязычие:	65%	35%
2. Транслингвация	68%	32%
3.Контаминированная английская речь:	70%	30%
4. Инокультурные вкрапления:	73%	27%
Промежуточный итог:	69%	31%

В частности, анализ показывает, что такие лингвистические и культурные особенности, как билингвизм, смешение языков, контаминированная английская речь и межкультурные вставки, преимущественно переводятся с использованием различных компенсационных приемов форенизации, процент которых варьируется от 65% до 73 %. Такие результаты анализа свидетельствуют о намеренном стремлении сохранить в

переводе культурные и языковые нюансы исходного текста, даже за счет потенциальных трудностей для читателей на целевом языке.

В свою очередь, анализ перевода случаев инокультурной *интертекстуальности* демонстрирует сильную склонность к доместикации – максимальные 100 % при переводе цитируемого текста, при только 18 % для перевода ссылок на авторов, произведения и персонажей, так как в 82% случаев наблюдается обращение к форенизации. Тем не менее, средний результат, представленный в таблице 9, составляет 41%/59% на форенизацию и доместикацию соответственно, что говорит о стратегическом решении обеспечить понимание и резонанс с целевой аудиторией путем интеграции знакомых культурных элементов и отсылок.

Таблица 9 – Пропорциональная представленность инокультурной интертекстуальности и приемов форенизации и доместикации

Лингвокультурологическая особенность	Приемы форенизации	Приемы доместикации
5. Инокультурная интертекстуальность:	41%	59%

Необходимо обратить внимание, что несмотря на то, что интертекстуальность как единая лингвокультурологическая особенность мультикультурной литературы, включает две различные категории, непосредственно прямые цитаты и опосредованные упоминания или отсылки к литературному наследию культуры происхождения, наблюдается заметная разница в пропорциональном применении форенизации и доместикации. Данные в таблице 7 и 9 наглядно иллюстрируют различные переводческие методы, применяемые для цитат и для так называемых, мета-реалий неамериканского литературного и иного художественного материала.

Итоговые результаты переводческого анализа по всем лингвокультурологическим особенностям, обобщающие все предыдущие статистические данные представлены в таблице 10. Таким образом, анализ использования переводческих методов демонстрирует следующие результаты – значительное преобладание применение форенизации и ее приемов, занимающих 64% от общего объема анализируемого материала в сравнении с 36% доместикации.

Таблица 10 – Пропорциональная распределение приемов форенизации и доместикации

Лингвокультурологическая особенность	Приемы форенизации	Приемы доместикации
Итого	64%	36%

Тем не менее, для эффективной передачи лингвокультурологических сложностей мультикультурной литературы и обеспечения резонанса с читательской аудиторией в каждом анализируемом случае наблюдалось попеременное обращение к обеим переводческим методам и широкому кругу компенсационных приемов. Иными словами, данные переводческие решения в целом определяют общий подход к переводу и адаптации текста с учетом культурных особенностей, при этом, необходимо принимать во внимание, что конкретные приемы могут различаться в зависимости от контекста, характера текста и целей перевода в рамках выбранного метода.

Результаты сравнительного анализа перевода лингвокультурологических особенностей американской мультикультурной литературы показывают разнообразное использование базовых приемов форенизации, которые составили 64 %. Процентное соотношение использования этих приемов представлено следующим образом в таблице 11:

Таблица 11 – Пропорциональная представленность форенизации и ее приемов

Прием форенизации	Пропорциональное использование
Транслитерация + Импликация	24%
транслитерация + параллельный перевод	22%
Лингвокультурная адаптация (включение лексико-грамматических ошибок)	20%
Транслитерация + лексическая сноска	18%
Транслитерация + Экспликация значения	9%
Сохранение текста в оригинале	4%
Калька	3%

Высокий процент использования техники Транслитерация + Импликация (24%) объясняется желанием сохранить фонетические и культурные особенности оригинала, обеспечивая более точное восприятие иноязычности лингвокультурологических особенностей мультикультурного текста. Импликация, по определению М. Бэйкер, целенаправленно заимствует элементы исходного языка или культуры, сохраняя или даже подчеркивая их чуждость, оставляя их неявными или подразумеваемыми, что позволяет сохранить степень экзотичности исходного текста, которая заметна на фоне оригинальной американской лингвокультуры [174]. Подобная экзотичность должна быть отражена в русском переводе, даже если выражения и лингвистические структуры могут казаться необычными или неловкими в языке перевода.

Применение транслитерация вкупе с параллельным переводом (22%) сохраняет лингвокультурную наполненность структуры и организацию предложений оригинала, но для удобства восприятия и понимания используется параллельный объяснительный или эквивалентный перевод как

прием компенсации лингвокультурной особенности в целевом тексте. Необходимо использовать синонимы, близкие по значению к оригинальным терминам и сохраняющие стилистическое целостность и колорит мультикультурной речи.

Лингвокультурная адаптация, в контексте перевода мультикультурной литературы представляет собой включение лексико-грамматических ошибок (20%), обусловлено стремлением к более точной репрезентации оригинального американского текста, при этом адаптивная имитация речи иностранца на русском языке должна быть основана на конкретных типичных особенностях, таких как, например, употребление согласных в абсолютном конце слога в японском, китайском, корейском, арабском и некоторых других языках, сопряжены с появлением в интерферированной русской речи их носителей гласных вставок в консонантных сочетаниях. По анализу иностранного акцента Е.Бархударовой, употребление согласных в абсолютной конечной позиции слога в японском, китайском, корейском, арабском и некоторых других языках сопровождается появлением в русской речи их носителей гласных вставок в консонантных сочетаниях вследствие интерференции [329]. При этом отражение фонетических или синтаксических ошибок проводится соответствующими средствами в русском языке, следуя принципу удобства графической репрезентации [330].

В свою очередь, применение транслитерации дополненной лексической сноской составила 18%. Данный прием, по мнению С. Басснетт и А. Лефевра, нацелен на то, чтобы дать понять читательской аудитории, что она имеет дело с чем-то чужим за счет нарушения ожиданий целевой культуры, но с использованием в тексте культурных ссылок или пояснении для сохранения содержательной информации [198]. Дополнительные пояснения важны для труднопереводимых или уникальных лексических единиц при сохранении лингвокультурологической близости к оригиналу.

Кроме информационных сносок внутри текста, возможно обращение к инструментам внешней компенсации, таким как комментарии или предисловие от переводчиков, где развернуто могут быть описаны лингвистические или культурные сложности оригинала и принятые ими способы и приемы перевода. В. Арканов в предисловии к русскому изданию, отмечает, что нацелен был сохранить для русскоязычного читателя то ощущение, которое испытывает от книги читатель англоязычный [312, с.3]. Кроме того, представлен авторский контекст, включающий информацию об особенностях мультикультурного автора, его жизни, идеях и других работах, что, по мнению Л.Лей, помогает читателю лучше понять культурный и творческий контекст и мотивацию автора. [331].

Более низкий процент использования транслитерации с экспликацией значения (9%) указывает на то, что прямое объяснение значения иноязычных элементов может быть менее предпочтительным по сравнению с другими методами. Однако в некоторых случаях экспликация, дополняющая транслитерацию или сохранение текста в оригинале оправдана, так как данная

компенсационная тактика позволяет сохранить лингвокультурную специфику без потери плавности повествования.

Сохранение текста в оригинале (4%) может быть использовано для подчеркивания аутентичности оригинального текста и минимизации изменений при переводе. Но данный прием используется редко в русских переводах из-за разницы системы символов и возможных проблем восприятия текста. Именно по той же причине даже в мультикультурной литературе США для передачи *двуязычия* или смешения языков в рамках разных алфавитных систем используется звуковая транскрипция латинскими символами. В случаях обращения к арабскому, персидскому, урду языкам арабица не используется. Например, *inshallah* всегда будет написано на латинице, так как *إن شاء الله* не читабельно для большинства американской аудитории.

Низкий процент применения кальки (3%) может указывать на осторожность подхода при буквальном переносе фраз или конструкций, так как может привести к непониманию или искажению смысла в целевом языке и культуре. Ее применение стоит отдельно отметить, как способ сохранения контаминированной речи, когда неуместное синтаксическое и семантическое сочетание подчеркивает идентичность рассказчика.

Форенизация – подчеркивает национальный культурный колорит с помощью вышеуказанных приемов и используется в случаях, когда в системе ценностей произведения местная экзотика занимает высокий ранг, что в рамках перевода мультикультурной литературы является важным аспектом произведения в целом. В свою очередь, доместикация и ее приемы, выявленные в процессе нашего анализа, занимают 31% независимо от типа лингвокультурологической особенности. В таблице 12 представлен результат статистического анализа приемов нацеленных на нивелирование элементов из неамериканской лингвокультуры в целевом тексте:

Таблица 12 – Пропорциональная представленность доместикации и ее приемов

Прием доместикации	Пропорциональное использование
Лингвокультурная адаптация	52%
Элиминация лингвокультурной специфики	33%
Опущение	10%
Экспликация значения	3%
Элиминация + Графическое выделение	2%

Высокий процент использования лингвокультурной адаптации (52%) свидетельствует о профессиональном стремлении адаптировать текст к целевой культуре и языку. Согласно С. Бассенгт под лингвокультурной адаптацией понимается широкий круг лингвистических, стилистических, культурных корректировок [332], которые делают текст более узнаваемым и понятным для аудитории, помогают уменьшить культурные и языковые барьеры и облегчить

восприятие. То есть цель лингвокультурной адаптации определенная лингвокультурная локализация содержания и формы через замену культурно-специфических элементов оригинала на культурно-специфические элементы понятные и соответствующие культурным ожиданиям целевой аудитории.

Элиминация лингвокультурной специфики, равная 33%, указывает на стремление сделать переведенный текст более универсальным и менее зависимым от контекста исходного языка и культуры, в первую очередь это трансформации, направленные на нейтрализацию культурно-специфических терминов, образов, аллюзий и других лингвокультурологических особенностей мультикультурного текста.

К приему опущение обращались всего в 10% случаев. Он представляет собой процесс удаления культурно-специфических частей текста, которые были оценены в процессе перевода как незначительные или не имеющие ключевого значения для передачи основного смысла исходного текста. В отличие от лингвокультурной адаптации и элиминации лингвокультурной специфики, опущения могут касаться не только культурных элементов, но и любых других аспектов текста, которые могут при переводе считаться избыточными или ненужными.

Низкий процент использования экспликации значения (3%) и графического выделения (2%) при доместикации вполне объясним. В первом случае, нейтрализован или адаптирован лингвокультурологический элемент, но включена дополнительная информация или контекст. Во-втором случае, в переводе использовано нейтральное слово или не являющееся культурно-специфическим в целевой культуре, например, русская реалия в русском переводе, при этом она визуально выделяется курсивом или жирным шрифтом, чтобы сфокусировать внимание читателя на лингвокультурологических особенностях. Указанный результат по данным приемам обусловлен довольно прямым и ясным переводом текста при использовании доместикации, который не требует дополнительного объяснения или расшифровки для целевой аудитории. Привлечение намеренного внимания к культурным элементам, которые были заменены или удалены, ведет к потере культурной ценности и аутентичности текста. Кроме того, графическое выделение может создать впечатление непрофессионального подхода в попытке эффективно адаптировать текст без необходимости прибегать к таким методам.

Таким образом, сравнивая три основных приема доместикации отметим, что лингвокультурная адаптация ориентирована на соответствие культурным ожиданиям, элиминация лингвокультурной специфики на устранение культурных барьеров, а опущения в переводе на сокращение текста без потери сюжетного смысла. Данные приемы реализуются посредством обращения к семантическим сдвигам и смещениям в рамках *переводческой модуляционной интерпретации* [333] исходного текста. Сравним два случая *контаминированной речи* персонажей у Г. Джен и Д.С. Фойера. В первом случае недостаточное знание английского не является определяющим фактором культурного и социального конфликта персонажей, хотя авторские искажения

языка повествования дополняют создание образности для читателей-американцев. Однако эта же сторона успешно передается как автором, так и переводчиком через содержательно-структурный аспект произведения. Доместикация через лексико-семантические замены и стилизацию под просторечие вполне оправдана, способствует читабельности переведенной работы. Во втором случае, язык – это значимая часть произведения, и сохранение через адаптированную форенизацию обязательно, в ином случае говорить об адекватности и эквивалентности перевода не имеет смысла, так как перевод обретает невидимость, происходит стирание языковых и культурных различий [179], которые составляют суть мультикультурных произведений.

Важным аргументом применения доместикации является целевая аудитория. Для взрослых образованных читателей, имеющих большой багаж фоновых знаний, импликация значения иноязычных слов может быть контекстуально понятна. У широкой аудитории читателей, стремящихся к немедленному пониманию смысла [295] и особенно, у аудитории подростков и молодых взрослых, максимально форенизированный перевод, наполненный имплицитными значениями, требующий частых обращений к сноскам, комментариям по переводу, может встретить сопротивление.

Систематизация лингвокультурологических особенностей мультикультурной литературы на материале 150 прозаических произведений и результаты переводческого разбора 15 оригинальных текстов и их переводов на русский язык показали, что анализ лингвокультурологических аспектов критично важен для эффективной передачи нюансов культурного разнообразия, присутствующих в оригинальном тексте. Лингвокультурологический подход в переводе художественных текстов, особенно американской мультикультурной литературы, требует глубокого понимания языковых структур английского языка как языка страны автора в сочетании с лингвокультурными коннотациями, отсылающими к его фоновой неамериканской культуре. При этом, по мнению С. Сейденовой, критично важно учитывать внеязыковые факторы и адресата переводного текста, обстоятельства создания произведения, эпоху и личность автора, дополнительные сведения об описываемых событиях и ситуациях, а также различия в воздействии текста на исходную и целевую аудиторию и их нормы речевого общения [334]. Опираясь как на доместикацию, так и на форенизацию, переводчик может эффективно передать культурные особенности оригинала, балансируя между сохранением уникальности исходного текста и его адаптацией для целевой аудитории. Такой подход позволяет передать смысл и стиль исходного произведения, и, в тоже время, обеспечить его адекватное восприятие читателями другого языкового и культурного пространства.

Лингвокультурологический перевод мультикультурной литературы отталкивается от принципов сохранения в переводе следующих аспектов:

- аутентичности и целостности оригинального произведения;
- всевозможных языковых сочетаний;

-культурно-специфических терминов, идиоматических выражений и социально-политических отсылок;

-читабельности;

-узнавания иной лингвокультуры на фоне американской;

-качественных характеристик мультикультурной литературы.

Данные аспекты находят отражение в лингвокультурологическом подходе к переводу, основанном на прагматической эквивалентности и культурно ориентированных переводческих концепциях. Этот подход направлен на передачу семантического, сюжетного содержания при максимальном сохранении культурных контекстов и коннотаций, играющих решающую роль в мультикультурной литературе. Прагматическая эквивалентность в нашем случае – это обеспечение репрезентативности и наглядности различных культурных групп в американском обществе. Перевод должен оказывать на читателя тот же эффект что и оригинальное произведение – ставить читателей на место персонажей из разных культур. Тщательная передача лингвокультурологических особенностей способствует сохранению мультикультурной идентичности персонажей, способствуя развитию перспективного мышления, уровня культурной осведомленности. Как часть культурного поворота в переводе часто наблюдается стремление сохранить уникальные особенности оригинала, без полного приспособления к языку и культуре перевода. Мы полностью согласны с мнением Л. Венутти, призывающим отказаться от традиционной доместикации переводов и позволить иностранному влиянию проникать в переводные тексты [180]. Переводческий анализ также подтвердил, что активное использование форенизации и ее приемов предпочтительно в работе с лингвокультурологическими особенностями и мультикультурной литературой в целом.

Стремясь максимально сохранить как лингвистическую, так и культурную аутентичность оригинала интегративный лингвокультурологический перевод, также принимает во внимание ключевые принципы культурного перевода, при котором переводчик выступает как посредник между культурами, адаптируя текст таким образом, чтобы он оставался понятным и привлекательным для целевой аудитории.

Отдельно необходимо отметить, что характер мультикультурной литературы требует учета этические аспектов перевода в связи с затрагиваемыми вопросами идентичности, принадлежности и репрезентации. Более того, Е. Гентцлер рассматривает перевод как инструмент формирования индивидуальной и коллективной идентичности, и выступает за этический подход к переводу, который уважает разнообразие культурных и языковых проявлений [335]. Лингвокультурологический перевод должен придерживаться этических принципов уважения, ответственности по отношению к культурной аутентичности, нюансам, ценностям и нормам не только исходной, но и целевой культур.

Таким образом, для эффективной передачи мультикультурной литературы и обеспечения резонанса с читательской аудиторией даже в рамках одного произведения необходима выборочная комбинация методов форенизации и доместикации в соответствии с современными конвенциями культурного поворота, культурного перевода и коммуникативно функциональной эквивалентности. Сбалансированное использование указанных методов и их приемов помогает преодолеть лингвокультурные сложности перевода, присущие американской мультикультурной литературе, и способствует межкультурному пониманию и толерантному восприятию проявлений лингвокультуры этнокультурных групп, представляющих американское общество многообразия.

3.2 Трансляция лингвокультурно-обусловленных средств образности в переводе американской мультикультурной литературы на русский язык

Коммуникативная цельность литературного произведения основана на глубокой тематической разработке повествования и высоком уровне художественного мастерства. Единство различных аспектов нарратива американской мультикультурной литературы определяют ее смыслообразующую и социально-преобразующую функции, в то время как образность во всем многообразии мультикультурных средств определяет художественность, выразительность и эмоциональное воздействие произведения. Кроме того, лингвокультурно-детерминированные средства создания образности раскрывают многослойную мультикультурную картину мира, формируемую под воздействием американской и родной лингвокультур писателя. Образность является характеристикой текста в целом и по определению В. Виноградова включает весь лексический комплекс, использованный для создания художественного мира произведения, творчески обобщающего объективную реальность [336]. Взаимодействие языков и культур американского общества находит отражение в многообразии изобразительных и выразительных средств создания образности, которые обозначены формальными единицами английского языка, но могут передавать значения, сформированные внутри неамериканской культуры. В этом ключе высказывание В. Комиссарова, что переводятся культуры, а не языки, приобретает особую значимость при переводе лингвистических и стилистических единиц, несущих глубокий культурный или исторический контекст [337].

Отечественные и зарубежные исследования о взаимосвязи языковых средств, включая средства создания образности, и культурного сознания народа внесли значительный вклад в лингвокультурологическое изучение языка, культуры, перевода и литературы. Исследования лексико-фразеологической системы, когнитивной семантики, этнокультурных концептов, символов, метафор и языковой картины мира в целом (С. Исабеков, З. Ахметжанова, Б. Хасанов, А. Ислам, О. Радченко, К. Кубрякова), а также роли языка в межкультурной коммуникации и выражении этнокультурной идентичности

(С. Тер–Минасова, А. Жусупова, А. Райес, Г. Смитерман, Г. Анзалдуа) составили теоретическую основу нашего анализа лингвокультурологической трансляции средств создания образности в американской мультикультурной литературе.

Язык, по определению О. Радченко, есть инструмент мирозидания [338], в то время как С. Тер–Минасова называет язык зеркалом и орудием культуры [339]. С этой позиции, можно утверждать, что мультикультурные писатели, зачастую имеющие пограничную идентичность, моделируют вторичную реальность художественного мира, обращаясь к ресурсам как родной культуры происхождения, так и американской лингвокультуры. Выделяемые в нашем анализе средства создания образности фактически представляют собой разного рода включения иной лингвокультуры в повествование на американском английском языке. По мнению Н. Жумай, все средства образности, включая пословицы, эпитеты-метафоры, онимы и другие, являются особыми языковыми фактами, которые показывают языковую личность писателя [340], в случае нашего исследования они служат маркерами особой мультикультурной языковой картины мира интегрирующей этнокультурные и американские понятия и модели. Соответственно, в переводе языковая личность писателя также должна быть явно-выраженной всеми возможными средствами, не деформирующими информационную, эстетическую и эмоциональную составляющую произведения.

Лингвокультурологическая трансляция представляет собой процесс передачи культурно-специфических образов и символов, направленная на обеспечение *доступности и понятности* для инокультурной аудитории, *культурной адекватности* значений, идей и образов исходного текста, *сохранения его эстетической ценности*, стилистических и образных характеристик. Соблюдение данных принципов способствует расширению коммуникативного и развивающего значения мультикультурной литературы, открывающей читателям новые перспективы на культурное многообразие глобализированного мира.

Центральной категорией перевода принято считать текст в единстве содержания и формы, однако в рамках переводческого анализа лингвокультурологической трансляции средств создания образности, возникает необходимость применения классификационной модели Ж. Вине и Ж.П. Дарбельне, основанной на сегментации текста на единицы перевода, выделении и сравнении одинаковых единиц в исходном и переводном текстах и определения адекватной переводческой техники. По их же определению единицей перевода является наименьший сегмент высказывания, знаки которого связаны между собой таким образом, что их не следует переводить буквально [341]. Следовательно, необходимо идентифицировать языковые фрагменты, выступающие как единая когнитивная единица, участвующая в создании ассоциативной и эмоциональной образности американского мультикультурного нарратива.

Контент анализ в рамках нашего исследования, основанный на интерпретации классической классификации И. Гальперина [342], показал, что наиболее широко представленным уровнем лингвокультурно-детерминированных средств образности являются *лексические приемы*, такие как *аллюзия, сравнение, эпитет, метафора, метонимия, аллегория, стилистическое использование фразеологии (поговорок и пословиц)*, а также *прием игры слов*. *Фонографические приемы*, такие как *графон, стилистическое использование шрифта* используются авторами только для выделения инокультурных и иноязычных элементов или подчеркивания отклонения от произносительной нормы английского языка. Представленные *синтаксические приемы* создания образности, *повтор и параллелизм*, не имеют заметной лингвокультурологической окраски, поэтому они рассматривались обобщенно в рамках исследования особенностей нарратива американской мультикультурной литературы. Таким образом, мы ограничиваем круг анализируемых средств создания образности изобразительными приемами – тропами, значение которых полностью раскрывается или имеет отсылки к родной лингвокультуре автора мультикультурного произведения. Рассмотрим применение и перевод основных тропов через лингвокультурологическую интерпретацию их формы и содержания на примерах из произведений американских мультикультурных писателей различного этнокультурного происхождения.

Метафора общепризнано считается наиболее широкой категорией средств образности, основанной на ассоциативном сравнении и расширении коннотации слов за счет дополнительных, не всегда очевидных, смыслов и измерений. К данной категории выразительных средств также относятся **метонимия и аллегория**, которые подключают символические и переносные значения, выходящих за рамки буквального смысла слов. По мнению В. Масловой, три указанные фигуры речи представляют собой сконцентрированные реконструкции культурных кодов в языке [206], что в рамках нашего анализа позволяет рассматривать их как взаимопроникающее единство образных средств, ярко отражающих лингвокультурно-детерминированный характер американского мультикультурного нарратива.

Осмысление прошлого и настоящего – основополагающая тема иммигрантского повествования, находит отражение в многочисленных метафорах и эпитетах, рисующих образ родины и Америки:

англ: «Herat, the cradle of Persian culture, the home of writers, painters, and Sufis. You couldn't stretch a leg here without poking a poet in the ass, her father laughed» [343, с.6]

русск: «Герат – колыбель персидской культуры, родной дом для писателей, художников и суфиев. – Тут шагу нельзя ступить, чтобы ненароком не пнуть в зад какого-нибудь поэта, – смеялся отец.» [344, с.4]

Описание Герата у Х. Хоссейни иллюстрирует его исключительное литературное, художественное, духовное и историческое значение для Персии и Афганистана. Фраза *You couldn't stretch a leg here without poking a poet in the*

ass—Тут шагу нельзя ступить, чтобы ненароком не плусть в зад какого-нибудь поэта используется для создания юмористического, но в то же время почтительного образа Герата, символизирующего выдающееся культурное наследие всего Ближнего Востока. Отдельного внимания достойна метафора *the cradle of ... civilization*, имеющая дословный эквивалент во многих языках мира, например в русском – колыбель цивилизации, в испанском – *la cuna de la civilización*, в арабском – *مهد الحضارة (mahd al-hadara)*, во французском – *le berceau de la civilisation*, в казахском – өркениетінің бесігі. Метафора является культурно-универсальной и легко адаптируется к различным языкам, сохраняя при этом свою основную семантику и эмоциональный резонанс, так как она основана на общем и интуитивно понятном человеческом опыте – колыбель символизирует начало жизни, метафорическая *колыбель* служит точкой исхода для идей, движений, цивилизаций и культур.

Культурно-детерминированные образы помогают визуализировать социально-исторические особенности пространства и времени произведения:

англ: «This too is a Gogol, but one sitting heavily slumped forward, an ill, lonely, heartbroken man – the very same Gogol, indeed, whose mournful aspect will be eventually declared to ‘misrepresent Soviet reality’ and who will then, in the year 1952, be removed, replaced, abandoned in some unfrequented nook of the city» [82, с.75].

русск: «На пьедестале по-прежнему Гоголь, но теперь он сидит понуро, сеутулившись, больной, одинокий, надломленный, – тот самый Гоголь, который своим печальным видом, как будет решено в скором времени, бросает тень на советскую действительность, а потому в пятьдесят втором году будет снят с пьедестала, заменен новым, энергичным Гоголем, а сам брошен в малолюдном городском дворе» [236, с.89].

Описание изменений в образе статуи Гоголя передает изменения в общественном восприятии и политической атмосфере страны того времени. Символизм изображения Гоголя как *больного, одинокого и надломленного*, отражает не только личные страдания писателя, но и широкий контекст советской культурной действительности, находящейся в интеллектуальной и духовной изоляции, ассоциируемой с репрессивным характером советской власти. Удаление статуи Гоголя с пьедестала и замена его на *нового, энергичного* Гоголя символизирует попытки советской власти контролировать культурную и историческую нарративу, а также подчеркивает цензуру и изменение исторической памяти в соответствии с идеологическими потребностями. Лингвистические адаптации при переводе адекватно передают стилистические и содержательные аспекты исходного текста, уделяя внимание культурному контексту и социально-историческим реалиям эпохи, в которой даже культурные символы могут быть восприняты как угрозы государственной политике.

Сравним классические метафоры о США, которые уже закрепились в русском языке, такие как оплот свободы, страна возможностей, американская мечта, плавильный котел со средствами образности, к которым обращаются

американские мультикультурные авторы: *Crossroads* – перекресток дорог [72], *Nation of Immigrants* – нация иммигрантов [134], *the Land of the Flowery Flag* – *Земля Пестрого флага* [78]:

англ.: «Plenty of young men in China would love to buy that paper and pretend to be the son of someone else if it meant they could come to America – *the Gold Mountain Dong-shee answers*» [303, с.100]

русс.: «Множество молодых китайцев хотели бы купить такой документ и притвориться чьим-нибудь сыном, если это даст им возможность приехать в Америку – на *Золотую гору* – отвечает Дун-ши» [304, с.125].

Термин *Золотая гора* возник во время калифорнийской золотой лихорадки, привлекая много китайских иммигрантов, и постепенно стал использоваться для обозначения страны и американских китайских иммигрантов, отправляющих денежные переводы домой и символизирующих как буквальное, так и метафорическое богатство:

англ.: «*They're Gold Mountain men, Baba says. Americans. They've traveled to China to find brides*» [303, с.26].

русс.: «– Это мужчины с *Золотой горы*, – рассказывает папа. – Американцы. Они специально приехали в Китай, чтобы найти жен» [304, с.39].

В исходном тексте значение фразы раскрывается контекстуально, поэтому использование переводческой кальки с грамматической заменой, где прилагательное трансформируется в существительное позволяет без потерь транслировать смысл и сохранить экзотичность и уникальность исторически значимого эпитета.

Следующая метафора А. Нафиси отражает глубоко противоречивые взгляды и чувства, которые люди из других культур, особенно из Ирана времен Исламской революции, могут испытывать по отношению к Соединенным Штатам:

англ.: «*America had become both the land of Satan and Paradise Lost*» [298, с.121].

русс.: «Америка разом стала и логовом Сатаны, и потерянным раем» [299, с.231].

Метафора *the land of Satan and Paradise Lost* отражает глубоко противоречивые взгляды и чувства, которые выходцы из Ирана времен исламской революции, могут испытывать по отношению к новой родине. Первая часть метафоры вызывает негативное восприятие Америки как источника культурного империализма, угрожающего традиционным ценностям; вторая фраза отсылает к поэме Д. Милтона по мотивам библейской истории грехопадения человека и символизирует разбитые мечты и надежды, которые иммигранты возлагали на Америку как на обетованную землю свободы и возможностей. Сочетание двух элементов в метафоре Нафиси передает сложный, дуалистический образ страны глазами иммигрантов. В переводе *лексико-семантическая замена land/логово*, усиливает коннотацию места, где прячется или находится что-то злое или опасное. *Paradise Lost* прямо переведено как *потерянный рай*, что точно соответствует названию

произведения Мильтона на русском языке и поддерживает идентичную метафору утраченного идеала.

Исследуя темы миграции, писатели прибегают к метафорическому языку, проходящему через весь сюжет произведения как символ сохранения этнокультуры или обретения новой американской идентичности. Одна из ярких метафор, используемых на протяжении романа Ч.Н. Адичи – волосы Ифемелу, главной героини [66]. Они служат символом ее идентичности и сложных отношений с культурными ожиданиями общества. Момент, когда она решает перестать выпрямлять и заплетать волосы и сохранять их естественный вид, означает принятие и восстановление ее нигерийской идентичности после многолетних попыток американизироваться.

Создание образа мультикультурной идентичности происходит не только дескриптивно, но и посредством специфических языковых паттернов напрямую заимствованных из родной лингвокультуры. Не имеющая аналога в английском языке метафора *To save/lose face* занимает центральное место в китайской культуре и, соответственно, в китайско-американской литературе часто используется для обсуждения темы достоинства, чести, стыда и потери уважения:

англ.: «A Chinese funeral – that most significant of rites – is the last time we show respect to the person who's left us, *give him the honor to save face*, and tell the young about the accomplishments and deeds of their newest ancestor» [303, с.253].

русск.: «В Китае похороны являются самым значительным ритуалом: в последний раз мы выказываем уважение тому, кто нас оставил, *воздаем ему должное* и рассказываем молодым о его достижениях и поступках» [304, с.317].

Фраза *to save face* в исходном тексте Л. Си *Shanghai Girls* представляет собой ключевой момент для понимания общественной и семейной значимости выражения в контексте китайской культуры, так как обозначает сохранение собственного достоинства или репутации, а также поддержание гармонии и уважения в отношениях с другими людьми. В русском переводе фраза не имеет прямого соответствия из-за отсутствия точного аналога в русском языке, который бы передавал все нюансы китайского понятия 面子-лицо (Miànzi). В русском тексте для трансляции данной метафоры используется фраза *воздаем ему должное*. Применение генерализации обуславливает то, что несколько утрачивается специфический китайский культурный аспект, но сохраняется универсальная идея выражения уважения и признания заслуг усопшего, что является важным аспектом в любой культуре.

Концепт *потери лица* у Э. Тан в *A Hundred Secret Senses* становится своеобразным символом социокультурной разницы, с которой сталкиваются персонажи китайского происхождения в американской культурной среде:

англ.: «Even with constant exposure to Kwan, I don't think I will ever understand the dynamics of a Chinese family, all the subterranean intricacies of who's connected to whom, who's responsible, who's to blame, *all that crap about losing face*. I'm glad my life isn't as complicated» [76, с.122].

русск: «Несмотря на то, что я постоянно общаюсь с Кван, я до сих пор не в состоянии постичь специфику китайской семьи, ее движущие силы и подземные ходы, хитросплетения отношений – кто кому кем доводится, кто за что отвечает, кто виноват, *всю эту чушь насчет потери лица*. Слава богу, что моя жизнь не так сложна» [222, с.131]

В данном отрезке китайское понятие 丢面子 – *losing face* ([diū miànzi]) означает что несоблюдение культурных норм и ожиданий может привести к возможным социальным последствиям для человека и его семьи, но *all that crap* отражает недопонимание и даже отторжение этих норм выросшей в американской среде Оливией, и подчеркивает ее отчуждение от китайской культурной идентичности и адаптации к американскому образу жизни, который кажется ей менее сложным по сравнению с китайским. В контексте мультикультурной литературы, концепция «потери лица» выступает не только как культурный барьер, но и как маркер глубоких внутренних переживаний персонажа, отражающих более широкие темы ассимиляции, культурного конфликта и поколенческих различий среди мигрантов.

При трансляции значения фразы *all that crap about losing face* на русский язык применен прямой перевод *всю эту чушь насчет потери лица*, который адекватно передает различия между китайским и западным восприятием семейных и социальных обязательств, далее *Слава богу, что моя жизнь не так сложна* выражает общее чувство освобождения от традиционных ограничений, характерное для многих иммигрантских нарративов. Здесь важно отметить, что в целом роман рассказывает о процессе переосмысления значения семейных связей, принятии своей культурного наследия и идентичности.

Лингвокультурно-детерминированная метафора строится на ассоциативных концептах из родной культуры писателя. Распространенный художественный прием – это включение метафор или аллегорий с использованием животных, которые позволяют кратко передать большой спектр концептуальных значений. Перевод американской мультикультурной литературы, где присутствует обращение к образам животных требует внимания и глубокого лингвокультурологического анализа, помогающего раскрыть все оттенки значения и адекватно их транслировать в целевую лингвокультуру:

англ: «Don't be a pig, Regina' Inga replied. The meanness of her reply told Regina just how hurt Inga still was» [317, с.42].

русск: «Не будь свиньей, Регина. – ответила Инга. Ее некрасивый ответ недвусмысленно показал, что Инга все еще сильно обижена». [318, с.50].

Фраза *не будь свиньей* в русском языке используется как упрек или предостережение и означает призыв вести себя более цивилизованно и уважительно, в американском лингвокультурном понимании *Don't be a pig* обычно используется для того, чтобы предостеречь человека от жадного или эгоистичного поведения. В переводе сохраняется типичная для русского языка фраза, которая точно передает эмоциональную выразительность и значение, вложенное русской эмигранткой Ингой.

В некоторых случаях прямого перевода недостаточно:

англ.: «*Sunshine in the evening! Asa! Ugo!*» he said. *Chief doesn't need to put on any lights at the party, once you arrive*» [286, с.21].

русск.: «*Солнышко вечернее! Аса! Уго!*»¹⁷ – сказал он. – *Шефу незачем включать на вечеринке свет, раз ты приедешь*»

¹⁷Здесь: *Красавица! Орлица!* (игбо). Орел в традиции игбо символизирует чистоту, силу и благородство [66, с.10].

Исходный отрывок из Ч.П. Адичи содержит сразу несколько приемов создания образности, имеющие ссылки к нигерийской лингвокультуре. *Sunshine in the evening-Солнышко вечернее* отражает идею яркости персонажа, которая далее раскрывается в метафоре *незачем включать на вечеринке свет, раз ты приедешь*. В переводе обе метафоры сохраняются буквально, что поддерживает оригинальный образ и его эффект. Также в исходном тексте используются иноязычные фразы *Asa! Ugo! – Аса! Уго!*, которые сохранены в транскрипции. Их метафорическое значение раскрывается в комментариях к переводу, сопровождающих прямой перевод с игбо и пояснение необходимое для читателя в целевой культуре, так как образ *Орлицы* может вызывать иные ассоциации, такие как властность и материнскую защиту.

При обращении писателей к образам животных, которые традиционно ассоциируются с конкретной страной или культурой и имеют общеизвестные характеристики, при трансляции значения можно не предоставлять пояснительных сносок. К таким образам может относиться медведь, который давно ассоциируется с Россией как символ силы и мощи; белоголовый орлан, американский национальный символ, отражающий ключевые аспекты американской идентичности – свободу и независимость; карп кои, символизирующий удачу, процветание и стойкость в японской культуре и другие образы:

англ.: «*We share Long – Dragon – as our generational name. I am Pearl Dragon, and May is Beautiful Dragon*» [303, с.14].

русск.: «*Наше с ней общее имя – Лун, Дракон. Я – Драконова Жемчужина, а Мэй – Драконова Красота.*» [304, с.29].

В исходном тексте поясняется значение фамилии сестер *Long – Dragon*, предполагается, что читатель может знать, каким набором характеристик свойственных для китайского Дракона обладают Перл и Мей. В переводе использована грамматическая транспозиция, пояснения также отсутствуют.

Американские мультикультурные писатели обращаются к лингвокультурно-детерминированным **аллюзиям**, которые представляют собой косвенную отсылку к персонажу или явлению, имеющему культурно-историческое значение в родной лингвокультуре автора. Смысловые и эмоциональные значения, привнесенные аллюзией, выходят за рамки повествования, их интерпретация основана на фоновых знаниях и культурном опыте. Мультикультурная аллюзия вызывает интеллектуальный резонанс, связывает различные культурные и литературные традиции тем самым подчеркивая универсальность человеческого опыта и тем.

Приведенный ниже отрывок содержит несколько социально-исторических аллюзий, которые обогащают контекст и усиливают воздействие повествования:

англ.: «Hey, *Tojo*, you forgot to salute the flag, Chaz shouted. ... Oh, that's right, you *Japs* don't salute American flags, do you?... Henry only wished he were sharp enough to stay home from school when his classmates were *giving speeches about the Yellow Peril*» [89, с.19].

русс.: «–Эй, *Тодзио*, ты забыл отдать честь флагу! – заорал Чез... – Ах да, *япошки* ведь не салютуют американскому флагу! ... Генри не хватало ума сидеть дома, когда одноклассники произносили речи о *желтой опасности*» [294, с.14].

Tojo является аллюзией на японского премьер-министра Хидэки Тодзё, символизирующего военную агрессию Японии во время Второй мировой войны. Подобная отсылка влияет на переживания китайца Генри, так как ассоциирует его с негативными историческими фигурами, независимо от его личной истории и поступков. *Giving speeches about The Yellow Peril* - аллюзия на расистскую метафору, используемую в начале и середине XX века для нагнетания страха, что выходцы из Восточной Азии замышляют подрыв или свержение западных обществ, она подчеркивает глубину укоренившихся предрассудков об азиатах, изолируя и стигматизируя Генри. В переводе применен *эквивалентный перевод* с использованием более распространенного в русской переводной литературе написание имени – Тодзио и существующей метафоры *желтая опасность*, которая наряду с терминами *восточная опасность* и *жёлтая угроза* использовалась в русском общественно-политическом дискурсе начала XX века. *To salute the flag* и *to be sharp* также имеют переносное значение, но не несут лингвокультурологической окраски.

Анализ показал, что обращение к аллюзиям универсально применяется в американской мультикультурной литературе независимо от этнокультурного наследия автора. В некоторых случаях при переводе культурно-детерминированных аллюзий, имеющих универсальный характер или связанных с фигурами, событиями и произведениями, имеющими глобальное значение, такими как Иранская революция, война в Афганистане, Мао Цзэдун, Горбачев, аятолла Хомейни, Шахнаме, произведения Ф. Достоевского, Н. Гоголя, Л. Толстого, Лаоцзы, В. Шойнка, Ч. Ачибе, Р. Тагора, принято сохранять оригинальную аллюзию, используя прямой перевод или принятый эквивалент, используемый в русском языке.

Перевод эквивалентов при трансляции некоторых регионально, религиозно или культурно специфичных аллюзий может вызвать диссонанс у русскоязычной аудитории. Отсылки к таким событиям, как, например, Биафранская война (Ч.Н. Адичи, Ч. Окрапанта, Э. Дэнтикат), диктатура Трухильо (Х. Диас, Д. Альварес) и другие, принято транслировать в переводе на русский язык посредством различного рода приемов, нацеленных на эффективное раскрытие значения при сохранении или опущении самой аллюзии:

англ: «Maritza, with her chocolate skin and narrow eyes, already expressing the *Ogún* energy that she would chop at everybody with for the rest of her life» [87, с.12].

русск: «В Марице, девочке с шоколадной кожей и раскосыми глазами, уже бурлила энергия *Огуна*, покровителя воинов и охотников, и этой мощью она будет обрушиваться на людей всю свою жизнь» [241, с.24].

В исходном тексте *chocolate skin and narrow eyes*, выразительное описание внешности Марицы вкупе с аллюзией на *Ogún*, бога войны и железа в религии некоторых западноафриканских народов, художественно раскрывают этническое наследие и энергичный и воинственно-сильный характер персонажа. При переводе для сохранения аллюзии применен прием *экспликации* – к транслитерации имени собственного *Огун* добавляется краткое пояснение «*покровителя воинов и охотников*», что позволяет сохранить культурный колорит и передать переносное значение, важное для полноты понимания образа. В некоторых случаях, вместо внедрения дополнительных деталей в текст, добавляются комментарии и пояснения к переводу.

При переводе мультикультурной литературы использование культурных эквивалентов аллюзии, которые несут аналогичные ассоциации в культуре целевого языка, не вполне оправданный прием, так как средства создания образности из родной культуры автора намеренно включены, чтобы подчеркнуть именно этот лингвокультурный контекст, трансляция которого является ключевой задачей перевода.

Описание традиционных действий, принятых в культуре в специфических событиях, также можно назвать аллюзией, которая помогает создать углубить образность мультикультурного текста:

англ: «So weddings had come and gone and no one had sung *ahesta boro* for Soraya, no one had painted her palms with henna, no one had held a Koran over her headdress, and it had been General Taheri who'd danced with her at every wedding» [254, с.124].

русск: «Так что свадьбы шли своим чередом, а Сорая все никто не пел *аэста боро*, никто не раскрашивал ей кулачки хной и не держал Коран над головой, и никто не танцевал с ней, кроме отца, лично генерала Тахери» [289, с.151].

Перечисление церемониальных действий и включение культурных вкрапления позволяет глубже погрузиться в атмосферу афганской свадебной церемонии. *Fiesta boro*, традиционная афганская песня, исполняемая на свадьбах, сохранена в тексте в транскрипции, чтобы передать культурную уникальность исходного текста. В переводе фразы *Painted palms with henna* наблюдается лексическая замена *раскрашивал ей кулачки хной* вместо «*раскрашивал ладони*, текст не становится более понятным русскоязычному читателю и теряет семантическую и культурную точность. *held a Koran over her headdress* – *держал Коран над головой* отсылка к исламской традиции *ника*. Параллельное обращение к нескольким свадебным действиям подчеркивает изоляцию Сорая от традиционных обрядов и культурных практик, добавляя

эмоциональную выразительность к фактическому сообщению, что никто не хочет брать в жены один раз оступившуюся героиню романа. *and it had been General Taheri who'd danced with her at every wedding* переведена с добавлением *лично*, что усиливает внимание к теме принятия отцом и семьей Сорай несмотря на ее прошлое. В целом комбинация переводческих приемов успешно передает культурные особенности афганских свадеб, подчеркивая традиционные социальные аспекты и роль семьи.

Лингвокультурно-детерминированное сравнение включает в лексическое сочетание элемент из лингвокультуры автора. В случаях, когда изменение сравнения может исказить стиль или замысел автора, целесообразно сохранить исходный троп в прямом переводе или с использованием транслитерации:

англ: «Back then, I was skinny, nicknamed Pancake, *hao-bing* – a flimsy piece of fritter, Big Ma called me – always with four scabby bites on my knees and elbows. And Buncake, she was plump, her arms and legs creased like *a steamed stuffed bao-zi*» [76, с.226]

русск: «Тогда я была тощенькая, и меня прозвали Лепешечка, *бао бинь* – тоненький слой теста, называла меня Большая Ма. Мои коленки и локти были покрыты корками от ссадин. А Булочка была пухленькая, со складочками на руках и ногах, словно *баоцзы* с начинкой» [222, с.257].

Значения сравнительных объектов *hao-bing* и *hao-zi* ярко выражены в контексте исходного текста, прямой перевод которого также раскрывает образность сравнения двух девочек на русском языке, поэтому транслитерация китайских названий помогает сохранить культурную уникальность исходного текста.

Лингвокультурная адаптация в трансляции сравнения включающая в себя перевод на уровне эквивалентных метафор, позволяет сохранить образность и эмоциональное воздействие оригинала, адаптируя его к культурному контексту аудитории:

англ: «One such slogan I particularly liked: A WOMAN IN A VEIL IS PROTECTED LIKE A PEARL IN AN OYSTER SHELL. This slogan, when it appeared, was usually accompanied by a drawing of a predatory half-open oyster shell revealing a glossy pearl inside» [298, с.221].

русск: «Один мне особенно нравился: Женщина в чадре защищена, подобно жемчужине в устричной раковине. Этот лозунг обычно сопровождался рисунком устрицы, хищно открывшей свою раковину, внутри которой сияла глянцевиная жемчужина» [299, с.290].

В оригинале использован нейтральный термин *veil*-покрывало, не *hijab*, *chador*, *niqab* или *abaya* из традиционной исламской женской одежды, однако в переводе культурно-детерминированное название – чадра, знакомое для русскоязычного читателя, которое более отражает сообщение слогана.

В некоторых случаях культурная адаптация бывает излишней, и тогда в переводе возможно авторское добавление лингвокультурных реалий, например,

scaly dragon превращается в *Змея Горыныча*, а *tale* в *былину*, произведение превращается в текст, будто изначально написанный на русском языке:

англ.: «The greenish cobblestones, slippery from the rain, glistened coldly, and the cathedral of Vasily Blazhennyi rose before him *like a many-headed, iridescent, scaly dragon* from some tale with an unhappy ending» [257, с.33].

русс.: «Зеленоватая, скользкая от дождя брусчатка холодно блестела, а впереди переливался многоглавый собор Василия Блаженного, *как чешуйчатый Змей Горыныч* из какой-то былины с несчастливом концом» [293, с.39].

Иногда лучше сохранить оригинальное сравнение и добавить сноску или примечание, в котором объясняется его значение и контекст:

англ.: «Why are you looking like a *titi*? Come on, clean it up!» [286, с.63].

русс.: «Чего уставилась, будто *муму*?⁶⁵ Давай убирай это все!»

⁶⁵ Болван, туница (нигер.) [66, с.34].

В исходном тексте использован *titi* означающее *немой человек*, в переводческой споске сразу дано контекстуальное значение, без объяснения этимологии слова.

Экспликация значения языковых элементов сравнения может осуществляться посредством компенсации и лексико-семантических замен:

англ.: «I took to wearing the strap across my chest, the drum riding my hips *like a desperado's revolver*» [345, с.200].

русс.: «Я начала носить ремень через плечо, а барабан висел у меня на бедре, словно у *бандита из вестернов*» [346, с.145].

A desperado, существительное имеющее лингвокультурную окраску, является английской адаптацией испанского термина *desperado*, от отрицания *des-* и *esperanza- надежда*, означает человека, с юго-запада США, где говорят на испанском языке, и который совершает незаконные и жестокие поступки, так как ему нечего терять. В переводе происходит лексико-семантическая замена *desperado* на *бандита из вестернов*, которая обобщенно транслирует смысл лингвокультурно- маркированного слова.

Лингвокультурно детерминированные *эпитеты* – это художественные определения типично используемые в исходной лингвокультуре писателя и включенные в английский текст в формате прямого перевода:

англ.: The City of the Czars, the Venice of the North, Russia's cultural capital... [291, с.10].

русс.: Город царей. Северная Венеция, культурная столица России... [292, с.13].

Русскоязычный читатель без труда узнает обозначаемый город по устойчивым эпитетам так как находится внутри лингвокультуры, но для американской аудитории подобный выбор определения российского Санкт-Петербурга эффективно передает инокультурную образность и выразительность.

Близкую к метафорам категорию средств образности имеет стилистическое использование *фразеологии*, включающее поговорки,

пословицы и иные устойчивые сочетания. Ахметжанова З.К. отмечает, что фразосочетания имеют метафорическую природу и отражают национальные концепты, поэтому всегда демонстрируют лингвокультурную детерминированность [347]. В рамках нашего исследования важно дифференцировать фразеологические средства образности из американской и родной лингвокультуры мультикультурных авторов. Последние проявляются как ненормативные сочетания, которые, по мнению Н. Демесиновой, свойственны для билингов и возникают в результате лексической интерференции родного языка [348].

англ: «The day Tia Mimi marries, cows will fly, we cousins teased» [345, с.165].

русск: «Скорее коровы полетят, чем тетя Мими выйдет замуж», – смеялись мы с кузенами» [346, с.120].

Cows will fly является прямым переводом испанской метафоры *el día que las vacas vuelen* и используется испаноязычным персонажем вместо устойчивого английского выражения *when pigs fly*. Подобные ненормативные сочетания, по мнению Н. Демесиновой, свойственны билингам и возникают в результате лексической интерференции родного языка [348]. Форма американской метафоры деформируется и добавляется лингвокультурный диссонанс, характеризующий речь девочек Гарсия, недавно переехавших из Доминиканы в Нью-Йорк. Трансляция значения метафоры, которая контекстуально понятна, также происходит посредством прямого перевода на русский язык.

Межъязыковая игра с интерференцией в метафорических сравнениях эффективный инструмент создания иностранного акцента и демонстрации этнокультурной идентичности:

англ: «Believe me, comrade, I know Moscow like my hand – every time he said that, he lifted a delicate, childlike hand off the wheel and wiggled his fingers – and there is no such street anywhere near the Tretyakovskaya Gallery» [257, с.95]

русск: «Вы уж мне поверьте, товарищ, я Москву знаю как свои пять пальцев. – С этими словами он всякий раз отрывал ладонь от руля и шевелил хрупкими, почти детскими пальцами. – В районе Третьяковки такой улицы нет.» [293, с.108]

Под воздействием русской лингвокультуры, говорящего о которой свидетельствует также выбор обращения *comrade-товарищ*, американская фраза *to know something like the back of your hand* трансформируется в *I know like my hand*, но дальнейшая демонстрация *wiggled his fingers* имеет яркую отсылку к русской идиоме, которая и использована в переводном тексте на русском языке – *я Москву знаю как свои пять пальцев*. При лингвокультурологической трансляции наблюдается обращение к ситуативно-адекватной замене с использованием готовых формул из лингвокультуры целевого языка. Такой перевод нарушает семантическую структуру и лингвокультурный диссонанс намерено введенный автором для создания образа данного персонажа. Однако так как общая образность и эмоциональное воздействие исходного отрывка

сохраняются и текст соответствует ожиданиям аудитории, данный перевод можно назвать культурно адекватным.

Отрывок из произведения Д. Лахири *Interpreter of Maladies* включает индийскую поговорку с культурной реалией *betel leaf*:

англ.: «To which Boori Ma would reply, shaking the free end of her sari so that the skeleton keys raided, Why demand specifics? Why scrape lime from a betel leaf? Believe me, don't believe me. My life is composed of such griefs you cannot even dream them» [349, с.53]

русс.: «На это Бури-Ма отвечала, тряся свободным концом сари, чтобы зазвенели ключи от сундуков: – Какая разница? Одна холера! Хочешь верь, хочешь не верь, а я хлебнула такого горя, что вам и не снилось» [350, с.62]

В исходном тексте поговорка *Why scrape lime from a betel leaf?* является культурным референсом, относящимся к традиции жевания бетеля, распространенной в Южной Азии, и указывает на бессмысленность или излишнюю дотошность в деталях. Прямой перевод *Зачем соскребать известь с листа бетеля?* заменен на лексико-семантическую адаптацию *Какая разница? Одна холера!*, что является более универсальным и понятным для русскоязычного читателя выражением, подчеркивающим бесполезность уточнений или подробностей. Фраза не сохраняет культурный контекст, но эффективно передает эмоциональный посыл оригинала и стилистику разговорной речи. *у life is composed of such griefs* переведено как *я хлебнула такого горя*, что также сохраняет смысл исходного предложения, эмоционально подчеркивая глубину и необъятность пережитого горя. Перевод адаптирует текст таким образом, чтобы он был понятен русскоязычному читателю, не теряя при этом основной смысл. Использование более знакомых фраз и поговорок делает текст ближе и доступнее, хотя при этом некоторые уникальные культурные детали могут быть утрачены.

Игра слов - стилистический приём, входящий в группу лексических средств создания образности, может быть культурно и лингвистически детерминирован лингвокультурой автора мультикультурного произведения, хотя и в меньшей степени чем метафоры, фразеология и другие средства. На первый план выступает межъязыковая игра слов, где элементы двух или более языков используются для создания особенных эффектов, таких как юмор и двусмысленность. Данный прием проявляется посредством билингвальных пантомим и омонимии, и интertextуальных отсылок.

Билингвальные пантомимы или ложные друзья переводчика, представляют собой фонетически схожие слова в двух разных языках, в то время как их семантический контент существенно отличается:

англ.: «When she said she was 'embarazada' at the party, everyone misunderstood and thought she was just 'embarrassed' about spilling her drink.» (Diaz) [87, с.62]

русс.: «Когда на вечеринке она сказала, что *embarazada*, все ее неправильно поняли и подумали, что она просто *смуцается* из-за того, что

пролила свой напиток. (*embarazada* на испанском означает *беременная*)» [296, с.122].

Межъязыковая игра слов основана на том, что «*embarazada*» на испанском означает *беременная*, а не *смущённая* как подумали англоязычные слушатели из-за схожести слов на слух. В русском языке аналогичного сходства нет, что делает трансляцию лингвистической игры невозможной и обосновывает использование объяснения.

В некоторых случаях межъязыковая омонимия играет важную роль в создании образа персонажа через особенности его речевых навыков и комического эффекта:

англ: «*No cheap pen!* he said. His nose and cheeks were flushed as if he were getting a rash. *You a hero! I sorry, sir-* I began. I knew he wasn't calling me *a hero, like Superman*. What had he said?» [271, с.15]

русск: « – Не *подгадывать!* – рассердился он. Нос и щеки покраснелись, как будто он внезапно захворал. – *Ты, пицца!* – Простить моя, сэр... – забормотала я. Вряд ли меня могли пазвать *пиццей, американской едой*. Но что же тогда он сказал?» [319, с.19]

В исходном тексте *o cheating»* и *you, zero* воспринимаются персонажем как *No cheap pen* и *You a hero* и далее интерпретируются как *a hero, like Superman*, в переводном тексте контаминированность речи и омонимия передаются посредством языковой игры внутри русского языка – подразумеваемое «не подглядывать» трансформируется близкое по звучанию *не подгадывать*, лексико-семантическая замена в переводе адаптирует *zero* в значении *поль за тест* в *ты пицца*, которое изначально должно звучать как *тупица*. Переводческая адаптация лексических единиц позволила выразительно передать ситуативный контекст и его эмоциональность.

В целом, межъязыковая игра - реальный аспект межкультурной коммуникации, который необходимо принимать во внимание для создания образности, основанной на дополнительных коннотациях, возникающих в разных языках, в частности многозначность антропонимов:

англ: «There was also a foreign doctor named Swan, which sounded like swan-le, too late, no wonder sick people were scared to see him». [76, с.57]

русск: «Среди чужеземцев был доктор Сван, его имя звучало как *суан-ле* – слишком поздно». [222, с.65]

В китайском языке имя доктора *Swan* обретает новые значения не совместимые с его деятельностью. Переводческая трансляция внутренней формы *Swan* – *суан-ле* – слишком поздно через применение транслитерации английского имени и китайской фразы иллюстрирует фонетическую схожесть двух слов, единственно утрачивается семантическое значение *лебедь*, не имеющее значительного влияния на контекст описываемых событий.

Междометия – это особый класс слов в языке, которые зачастую не имеют лексического значения в традиционном смысле и не классифицируются как средства создания образности, но они выражают эмоциональные состояния, чувства или волевые побуждения. По мнению Ш. Сарыбаева, *междометия* –

это семантически многозначные выразители чувств и настроений, понятные носителям языка, внутри которого они были созданы [351], соответственно, в контексте нашего исследования, междометия выступают как кратчайшие лексические средства создания конкретного этнокультурного образа. Сравним наиболее простые редуцированные эмоционально-выразительные реакции из разных культур:

-латиноамериканская культура:

англ.: «*Ole! ;Ole!* – A cheer echoed around them» [284, с.10].

русс.: «– Оле! Оле! – Радостные крики огласили поле» [285, с.23]

-Ближний Восток:

англ.: «*Wah wah, Amir jan, we're all so proud of you!*» she said» [254, с.70]

русс.: « – Вах, вах, Амир-джан, мы так гордимся тобой» [289, с.89]

-африканская (Йоруба) культура:

англ.: «*Ahn-ahn, have you become a Muslim without telling us?*» [66, с.340]

русс.: «*Аи-Аи, ты стал мусульманином, не сказав нам об этом?*» [286, с.618]

-русская культура:

англ.: «*Ai, batyushka, my manservant said, pausing for air. Forgive Timofey for the interruption, why don't you? For he is a sinner just like the rest of them*» [291, с.20].

русс.: « – Ах, батюшки, – говорит он, отдышавшись. – Простите Тимофея, что мешает вам. Он же грешник, как и все остальные» [292, с.25]

Представленные выше междометия не просто случайные звуки, это лингвокультурно-детерминированные выразители культурной принадлежности говорящего, поскольку они отражают уникальные эмоциональные реакции и языковые особенности, присущие указанным культурам. При трансляции средств создания образности мультикультурной литературы необходимо учитывать их культурную значимость, и, соответственно, оставить их в оригинальной форме, при помощи приемов транскрипции или транслитерации как в вышеприведенных примерах. Применение адаптаций к целевой культуре через эквивалентные замены или универсальные междометия, приведет к потере культурного контекста.

Как показал наш анализ применение *фонографических приемов*, таких как *графон*, *стилистическое использование шрифта* в исходных текстах мультикультурной литературы направлено на выделение лингвокультурно-маркированных единиц текста, таких как *двуязычие*, *инокультурные вкрапления* и других, перевод которых зависит от типа лингвокультурологической особенности и ее содержательно-выразительной функции в конкретном контексте.

англ.: «Let's be honest, though. The rap about The Girl Trujillo Wanted is a pretty common one on the Island.

≡ Anacaona, a.k.a. the Golden Flower. One of the Founding Mothers of the New World and the most beautiful Indian in the World. (The Mexicans might have their Malinche, but we

Dominicans have our Anacaona.) Anacaona was the wife of Caonabo, one of the five caciques who ruled our Island at the time of the 'Discovery'.... (329 слов) As common as krill» [87, с.147]

русск: «Все же будем честными. История о том, как Трухильо Возжелал Девушку, – довольно обычная для Острова²⁹. Обычная, как креветки»

«29. Анакаона, т.н. Золотой Цветок. Одна из Матерей-Основательниц Нового Мира и самая прекрасная из всех индианок на планете. (У мексиканцев есть своя Малинче, но у доминиканцев – Анакаона.) Анакаона была женой Каонабо, одного из пяти вождей-касиков, правящих Островом во время «Открытия»... (273 слова) [296, с.162]

В данном отрывке представлен интересный пример использования различных элементов языка и структуры для передачи культурных и исторических реалий. Включение пояснительных вставок с измененным размером шрифта непосредственно в повествование помогает плавно ввести дополнительную информацию и контекст, не нарушая при этом основной нарратив. В переводе все внутритекстовые авторские комментарии были вынесены списком после последней главы.

Синтаксические приемы создания образности, такие как *повтор* и *параллелизм*, не всегда несут лингвокультурную окраску, но могут нести мотивообразующие функции и отражать литературные традиции, оказывающих влияние на писателя. Рассмотрим для иллюстрации роман *The House On Mango Street* (С. Сиснерос), где использован лирический, почти поэтический стиль, отражающий традиции устных рассказов мексикано-американской общины [85].

Повтор является ключевым стилистическим приемом структурирования нарратива. Сиснерос часто повторяет определенные слова, фразы и идеи, что подчеркивает и усиливает тему, придает тексту лирическую ритмичность свойственную фольклору. Перевод следующего отрезка достаточно точно передает содержание и стиль исходного текста, сохраняя его поэтичность и легкость:

англ: «Cathy who is queen of cats has cats and cats and cats. Baby cats, big cats, skinny cats, sick cats. Cats asleep like little donuts. Cats on top of the refrigerator. Cats taking a walk on the dinner table. Her house is like cat heaven» [85, с.19].

русск: «У Кэти – Королевы кошек – много кошек, котов и котят. Совсем крошечных котят, больших котов, худых котов, больных котов. Кошек, сворачивающихся калачиком, когда спят. Кошек, сидящих на холодильнике. Котят, шастающих по обеденному столу. Ее дом похож на кошачий рай» [352, с.25].

В английском тексте используется повторение слова *cats* в начале нескольких фраз подряд *cats and cats and cats. Baby cats, big cats, skinny cats, sick cats*, что создает ритмический и поэтический эффект. Русский перевод использует повторение слов *кошек, котов и котят*, которое аналогично поддерживает ритмичность, хотя и с меньшей монотонностью повторов, что

может немного уменьшить музыкальность текста по сравнению с исходным текстом. Удачно передан образ *cats asleep like little donuts*-кошек, сворачивающихся калачиком, когда спят, что является стилистически и культурно адаптированным эквивалентом. Перевод фразы *Cats on top of the refrigerator*, переведенная как Кошек, сидящих на холодильнике, точен и сохраняет изначальный образ, однако *сидящих* добавляет немного более формальный оттенок по сравнению с более непринужденным *on top of*.

В целом, несмотря на некоторые изменения для адаптации к русскому языковому контексту, перевод насколько возможно сохраняет структурную ритмичность и устно-поэтический стиль оригинала.

Исходная структурная организация нарратива романа напоминает стихотворную форму – каждый параграф отделен от остальных отступом в четыре строки, в переводе не сохранилась подобная организация, что влияет на общее восприятие текста, не вызывая ассоциации с поэтическим текстом. Иными словами, сохранение формальной структуры, также как передача содержательных и стилистических аспектов, влияет на общее восприятие переводного текста.

В качестве выразительных примеров также можно привести повествовательную технику Д. Лахири, которая зачастую основана на традиционной структуре индийских эпических традиций Махабхараты – фреймовом рассказе, представляющим собой историю в истории [235]. В сборнике *Unaccustomed Earth* в рассказ о жизни Румы, живущей в Сиэтле, вкладывается история ее отца, приехавшего ее навестить; в повествовании *Hell-Heaven*, которое ведется от лица Уши, бенгальской иммигрантки, выросшей в американском пригороде, детально рассказывается история ее матери Апарны, а также друга семьи Пранаба Каку. Таким же образом, Э. Дантикат в романе *Brother, I'm Dying* использует смесь гаитянского фольклора, креольских традиций и стиля литературы гаитянской диаспоры, чтобы исследовать темы отношений матери и дочери и иммигрантского опыта [239], а Д.Евгенидис в *Middlesex* вплетает греческую мифологию и историю в современное повествование, исследующее гендерную идентичность и американский иммигрантский опыт через призму греко-американской семьи [353].

Данная многослойность естественным образом проявляется в организации языка и речи произведения. Исследование основных лингвистических характеристик репрезентативного корпуса американской мультикультурной литературы позволило выделить наиболее общие характеристики отражающие лингвокультурную детерминированность.

Проведенные в рамках нашего исследования лингвокультурологический и переводческий анализы показали, что авторский выбор неамериканских лингвокультурно-детерминированных средств создания образности в исходных американских мультикультурных произведениях обеспечивает глубокое отображение мультикультурности контекста, что в свою очередь играет значительную роль в создании уникального этнокультурного образа персонажей, событий, а также времени и пространства в нарративе.

Необходимость тщательного лингвокультурологического анализа взаимосвязи языка и культурного и исторического контекста обусловлена многослойностью образных средств мультикультурной литературы испытывающих влияние американской и родной лингвокультуры писателя.

Следует отметить, что несмотря на то, что трансляция эмоционального и художественного воздействия средств образности строится на балансе между лингвистической адаптацией и точным отражением культурной маркированности, приоритетной задачей является сохранение культурно-специфического лексического комплекса изобразительных средств используемых для художественной интерпретации объективной реальности американского мультикультурного общества. Данный лингвокультурологический подход нацеленный на акцентуализацию лингвокультурной специфики, способствует сохранению языковой, эстетической и культурной адекватности перевода и тем самым, расширению коммуникативных и развивающих функций мультикультурной литературы, открывая новые перспективы для понимания культурного многообразия в глобализированном мире.

3.3 Лингвокультурологическая адекватность перевода американской мультикультурной литературы

Общепринятая классификация американских мультикультурных авторов на пять этнокультурных групп, таких как Азия и Ближний Восток (АиБВ), Юго-Восточная Азия (ЮВА), Латиноамериканские авторы (ЛА), Восточная Европа (ВЕ), Африка (А) предполагает идею об определённом групповом единообразии в выражении мультикультурной специфики. Для решения вопроса проводится ряд статистических анализов с применением метода сплошной выборки лингвокультурологических особенностей в произведениях и подсчетом их пропорциональной представленности по этнокультурным группам. Для достоверности данных по насыщенности теми или иными особенностями анализировалось сто страниц каждого произведения. Все результаты представлены в процентном соотношении, не в количественном.

Такого же рода статистика представлена по корреляции применения трех типов нарративного модуса в этнокультурных группах. Сравнение данных показало взаимосвязь между нарративным модусом и лингвокультурологическими особенностями.

Проведенный в рамках нашего исследования количественный и сравнительный анализ по пропорциональному содержанию указанных особенностей у различных категорий этнокультурных авторов подтвердил универсальность выражения мультикультурности посредством использования лингвокультурологических единиц в американской мультикультурной литературе, так как все особенности были представлены у всех категорий авторов. Таблица 13 показывает количественные данные по наличию тех или иных лингвокультурологических особенностей у различных этнокультурных групп авторов.

Таблица 13 – Пропорциональная представленность лингвокультурологических особенностей у различных этнокультурных групп

Лингвокультурологическая особенность	ЛА (%)	А и БВ (%)	А (%)	ВЕ (%)	ЮВА (%)	Итого (%)
двуязычие	20	5	5	5	5	8%
транслингвация	35	25	25	20	10	23%
контаминированная английская речь	15	10	30	20	20	19%
инокультурные вкрапления	20	35	30	25	35	29%
культурная интертекстуальность	10	25	10	30	30	21%

Необходимо обратить внимание на некоторые заметные значения в таблице 13, которые имеют лингвокультурологическое объяснение. Лингво-детерминированные особенности (двуязычие – 20%, транслингвация – 35%, контаминированная английская речь – 15%) наиболее характерны для авторов латиноамериканского происхождения. Исследования Л. Торреса объясняют данный феномен географической близостью и высоким процентом говорящих на испанском языке, что в свою очередь, предполагает активное использование, и следовательно, меньше стимулов для ассимиляции, и сохранение родного языка как главного показателя этнокультурной идентичности в условиях более быстрой американизации представителей других этнокультурных групп. Свободное переключение между языками в пределах текста отражает мультилингвальную реальность мультикультурного общества и бросает вызов монолингвистическим нормам, способствуя лингвистическому разнообразию в американской литературе [354].

Кроме того, испанский и английский языки можно назвать родственными в широком смысле, так как оба они принадлежат к индоевропейской семье языков, и, несмотря на существенные различия в структуре, лексике, грамматике и фонетике, имеются определённые исторические и лингвистические пересечения, которые могут облегчить понимание испанского языка для носителя английского. Оба языка используют алфавит на основе латинской письменности, что предоставляет базовую унификацию в плане графического отображения слов и предложений. Кроме того, в английском языке присутствует значительное количество заимствований из латинского и французского, что приближает его лексический состав к романским языкам, включая испанский, облегчает восприятие и понимание некоторых испанских слов, так как они будут иметь схожие корни или формы [355].

Противоположная лингвистическая ситуация возникает с другими языками представленных этнокультурных групп, такими как арабский, китайский, русский и другие. Как показывает результат нашего анализа

двухязычие имеет наиболее низкий процент применения всеми авторами, кроме латиноамериканских, составляя всего 5 % от общего количества лингвокультурологических особенностей. Значительные различия в алфавите и структуре языка объясняют минимальный билингвизм и одновременно высокий уровень контаминированности речи, как типичного признака иммигрантов из Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы и Юго-Восточной Азии.

У данных 4 групп заметно выше частота обращения к культурно-маркированным *вкраплениям* потому что соблюдение традиционных формальных действий и используемых в них реалий, помогают сохранить культурное наследие в условиях миграции, ассимиляции и интеграции, где по мнению некоторых исследователей, в первую очередь происходит потеря родного языка из-за недостаточного круга носителей данного языка; соответственно, не языковые, а культурные особенности становятся доминирующими маркерами этнокультурной идентичности [356], [106].

Высокий процент обращения к *интертекстуальности* наблюдается у авторов из регионов с богатой литературной историей, чьи произведения общепризнанно входят в мировую сокровищницу литературы, таких как Ближний Восток, Индия, Китай и Европа, где существует длительная и богатая традиция письменной литературы, обладающая глубокой символикой и резонирующей с широкой аудиторией на глобальном уровне, благодаря чему литературные реминисценции на них имеют больший отклик. В то время как африканское литературное наследие с преобладанием устной традиции или современная латиноамериканская культура, которая является относительно новым этнокультурным формированием, имеют менее выраженную склонность к интертекстуальности и аллюзиям из родной лингвокультуры.

В таблице 14 показаны результаты проведенного количественного анализа на определение общей пропорциональной насыщенности лингвокультурологическими особенностями у различных этнокультурных групп:

Таблица 14 – Насыщенность лингвокультурологическими особенностями

ЛА	А и БВ	А	ВЕ	ЮВА
20 %	20 %	25 %	10 %	25 %

Наблюдается, что значительно отличаются только данные по группе Восточная Европа, составляя всего 10 %, в то время как средний результат по другим группам равен 22.5 %. Такое расхождение обусловлено тем, что современные культуры Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии все еще сохраняют близость с традиционными нормами и менее элиминированы глобализацией и повсеместной унификацией, ориентированной на европейские стандарты. В свою очередь, восточноевропейские лингвокультуры, имеющие религиозную и

мировоззренческую общность и внешние сходства; реже практикуют культурно-специфические действия и достаточно интегрированы с современным американским обществом, соответственно и уровень лингвокультурологической проявленности у данной группы ниже.

Обобщая анализ применения лингвокультурологических особенностей на уровне языковых единиц, можно утверждать, что культурно-маркированные средства, такие как *инокультурные вкрапления* и *интертекстуальность*, преобладают над различными типами лингвоспецифических проявлений, включающих в себя двуязычие, транслингвиацию и контаминированную речь, этнокультурности в американской мультикультурной литературе. Данный результат следствие того, что лингвоспецифические средства связаны с процессами языкового взаимодействия и адаптации в многоязычной среде, но менее действенны в передаче полного спектра культурных коннотаций и символики. Кроме того, они могут создавать барьеры для понимания у широкой аудитории, в то время как культурно-маркированные средства позволяют подчеркнуть культурные различия и создать глубину повествования, независимо от языкового фона читательской аудитории.

В отношении статистических данных по представленности различных типов языковой макроструктуры, определяемых нами как нарративный модус, анализ показывает результат, представленный в таблице 15:

Таблица 15 – Применение различных типов нарративного модуса

Группа	Интеркультурный литературный модус (%)	Лингвокультурно-стилизованнный модус (%)	Комбинация интеркультурного литературного модуса и лингвокультурно-стилизованного модусов (%)
ЛА	25	25	50
А и БВ	45	10	45
А	30	10	60
ВЕ	70	5	25
ЮВА	35	10	55
Итого	41%	12%	47%

Как указывалось в Главе 2.1 общая представленность различных модусов вполне объяснима функциональной выразительностью, читабельностью и другими факторами отражающими лингвокультурную детерминированность. Результаты анализа показывают четкую корреляцию данных представленных в таблицах 13 и 14. Большой объем лингвистической стилизованности нарративного модуса предполагает плотную насыщенность лингвоспецифическими особенностями, такими как двуязычие, транслингвиация и контаминация речи, что подтверждается статистическим анализом, так как

оба аспекта наиболее представлены у авторов латиноамериканского происхождения, показывая максимальные значения среди всех этнокультурных групп. Обратная ситуация наблюдается у восточноевропейских авторов, у которых 70% всех произведений написаны в формате *интеркультурного литературного модуса*, представляющего собой стандартный английский с включением инокультурных слов и реалий и, соответственно, у данной группы ниже представленность лингво-детерминированными средствами и гораздо ниже насыщенность лингвокультурологическими особенностями в целом. Комбинация *интеркультурного литературного модуса* и *лингвокультурно-стилизованного модуса* активно применяется в группах американских авторов с африканским (60%) и юго-восточно-азиатским (55%) наследием, так как эти две обширные группы обобщают множество этнокультурных групп, и вопрос выражения культурной идентичности и наследия выходит за рамки региональной принадлежности, требуя более детальной репрезентации. Например, к азиатам относятся китайцы, японцы, малайцы и другие этносы, коренным образом отличающиеся друг от друга, но при этом часто представленные в рамках одного произведения, соответственно, их культурная принадлежность наиболее эффективно передается посредством лингвокультурно-стилизованной речи персонажей, в то время как интеркультурное литературное повествование служит универсальным фоном, символизирующим американский контекст.

Исходным материалом нашего исследования является американская мультикультурная литература, представляющая собой уникальное сочетание американского и неамериканского языкового и культурного наследия. Литературоведческий анализ выявляет, что основные темы включают миграцию, самоидентификацию, а также вопросы сохранения культурного наследия и ассимиляции в американское общество, соответственно автор обращается к использованию средств родной лингвокультуры с целью представить аутентичное отражение этнокультурных характеристик персонажей и социокультурного контекста общества многообразия. Писатели демонстрируют свое бикультурное и билингвальное состояние, выделяя характерные для неамериканских культур особенности речи, поведения и интерпретации событий, которые определяются этнокультурными аспектами. Читательская аудитория, владеющая исходным языком произведения, может в полной мере оценить все аспекты мультикультурности, поскольку они улавливают языковой и культурный диссонанс, транслируемый автором через использование лингвокультурных средств. Соответственно, в переводе на русский язык на первый план выходит понятие реалистического перевода, определяемого И.Кашкиным как воссоздание объективной реальности, которая содержится в тексте подлинника, со всем его смысловым и образным богатством [357]. В контексте нашего исследования, объективная реальность художественного произведения должна остаться мультикультурной.

Учитывая, что в художественном переводе приоритетной является коммуникативная цель, достижения аналогичного исходному эффекта

переведённым произведением является критерием адекватности, которая рассматривается как синоним качественного перевода. Иными словами, адекватный перевод способен обеспечить необходимую степень полноты межкультурной коммуникации в данных конкретных условиях. С другой стороны, эквивалентность в данном контексте описывается как смысловое сходство сопоставляемых языковых единиц, включая языковые и структурные аспекты. Такое разграничение позволяет подробнее анализировать и оценивать качество перевода в рамках специфических коммуникативных ситуаций, учитывая как лингвистические, так и культурно-контекстуальные аспекты взаимодействия исходного и целевого текстов.

Как показывают результаты нашего исследования, макроструктура, включающая темообразующие и структурные аспекты, в совокупности с лексико-стилистическими элементами составляет лингвокультурологическое единство выражения этнокультурной идентичности в мультикультурном американском произведении. Внутренняя взаимосвязь языковых и культурных аспектов явно проявляется при комплексном анализе значительного репрезентативного корпуса литературы, представляющего собой отражение современного американского общества многообразия через призму двух лингвокультур – американской и родной для автора.

Подобная характеристика американской мультикультурной литературы утверждает лингвокультурологическую позицию как основу целостного переводческого подхода, принимающего во внимание структурные, языковые и культурные аспекты, и, соответственно, опирающегося на принципы лингвистических и культурно-ориентированных концепции перевода. Максимально возможная передача всех уровней лингвокультурного контекста лежит в основе интерпретации *адекватности и эквивалентности*, ключевых понятий, которые играют важную роль в процессе трансляции культурных и лексико-синтаксических значений с исходного на целевые языки.

Хотя некоторые ученые, такие как Д. Кэтфорд, Ю. Найда, Л. Венути, А. Лефевр и С. Басснетт склонны рассматривать *адекватность и эквивалентность* в единстве, зависящем от взаимодействия исходного текста, переводческих методов, приемов и культурной динамики контекста перевода чем от строгих лингвистических или текстуальных соответствий, в нашем исследовании мы придерживаемся мнения большинства лингвистов, которые различают понятия адекватности и эквивалентности и считают их важными столпами в теории перевода, обеспечивающими мосты между исходным и целевым текстами, позволяя адаптировать общее направление, методы и приемы к конкретным задачам и контекстам.

К. Райс вводит фундаментальное различие между адекватностью и эквивалентностью и подчеркивает их важность для достижения высокого качества перевода, который служит поставленным целям, сохраняя при этом верность исходному тексту. Адекватность в переводе она рассматривает как концепцию, ориентированную на процесс, иными словами, согласование методов и приемов перевода с конкретными целями перевода, его

культурными, языковыми и контекстуальными факторами. В то время как эквивалентность, по мнению К. Райс, – это концепция, ориентированная на продукт и сосредоточенная на отношениях между исходным и переводным текстами, то есть сохранение в переводе смысла, стиля и эффекта оригинального текста. Формальная и динамическая типы эквивалентности, выделяемые К. Райс, могут противоречить друг другу, но при идеальном балансе должны привести к адекватности перевода [358]. С данной точки зрения, адекватность в нашем исследовании ориентирована на прагматическую цель произведения как художественного текста, а эквивалентность оценивается как соответствие семантическим и стилистическим аспектам включающим лингвокультурологические особенности исходного текста.

«Адекватный перевод обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения лингвистических, культурных и стилистических норм целевого языка» – традиционное определение адекватного перевода предложенное В. Комиссаровым [359], в рамках нашего исследования требуется адаптация классического определения адекватности, так как «нарушения лингвистических, культурных и стилистических норм будут обоснованно возникать в переводном тексте для сохранения прагматической задачи американского мультикультурного произведения. Наш анализ показывает, что понятия адекватности и эквивалентности в переводе мультикультурных текстов шире, чем в произведения монолингвокультуры за счет того, что добавляется необходимость максимально точно передать инокультурные и иноязычные для исходной лингвокультуры специфические элементы. Таким образом, в контексте лингвокультурологического перевода американской мультикультурной литературы *адекватность* определяется способностью полноценно воспроизвести прагматический эффект исходного текста.

Прагматический эффект направлен на передачу этнокультурной детерминированности с использованием культурно-языкового диссонанса, который становится ключевым в определении содержания и служит основным инструментом в создании образности, обусловленной лингвокультурными факторами. Уровень адекватности перевода оценивается по степени сохранения этнокультурных проявлений в исходном тексте.

В контексте перевода американской мультикультурной литературы понятие *эквивалентности* приобретает особую глубину и детализацию в оценке, поскольку основной акцент делается на достижении схожего воздействия и вызове аналогичных реакций у читателя целевого языка. Такое воздействие рассматривается на различных уровнях текста, начиная от инокультурных лексических и фразеологических элементов и заканчивая стилистическими и культурно-специфическими аспектами нарратива. Эквивалентность применяется к различным языковым формам, которые используются для выражения лингвокультурно-детерминированного концептуального содержания. В фокусе нашего анализа находятся конкретные

лингвистические структуры, способствующие передаче аналогичных мыслительных процессов и идей. Такой подход подчеркивает важность изучения и сопоставления функциональных эквивалентов в разных языках, что способствует глубокому пониманию механизмов языковой эквивалентности в контексте межкультурной коммуникации.

В своих исследованиях В.Н. Комиссаров подходит к понятию эквивалентности в переводе, рассматривая его как иерархию степеней смысловой общности между исходным текстом и его переводом, позволяя таким образом оценивать перевод в корреляции от степени функционального соответствия оригиналу [359]. В нашем исследовании понятие эквивалентности имеет специфические особенности, связанные с мультикультурностью исходного материала и необходимостью его выражения в целевом тексте. Как показал наш анализ, эквивалентность в таком случае не является эквивалентным переводом с третьего языка на целевой язык, а трансляцией иноязычности внутри русского перевода английского языка:

англ: «The maid obeys. In my *campo* we say a person has an *antojo* when they are taken over by *un santo* who wants something. Altagracia backs away, and when not recalled, turns and heads back to her stool» [345, с.8].

русск: «Служанка повинуется. – У меня в *campo* мы говорим, что у человека есть *antojo*, когда в него вселяется *santo*, который чего-то хочет. – Альтаграсия пятится и, поскольку никто ей не препятствует, поворачивается и отправляется назад к своему табурету» [346, с.7].

В указанном отрезке иноязычные *вкрапления* не переведены на русский, но высказывание можно назвать эквивалентным исходному тексту поскольку сохранилась доминантная функция высказывания, названная В. Комиссаровым *основным условием эквивалентности*. Аналогично представлено выделение иноязычности и в следующем примере, хотя использован другой переводческий прием:

англ: «Jang Zkongwen! Talk Chinese! Two high-pitched yips followed» [76, с.44]

русск: «–Цанг Цоунуень! Говори по китайски! – Последовали два пронзительных взвизга» [222, с.52]

Эквивалентность в переводе мультикультурной литературы – это подчеркнутая форенизация лингвокультурной детерминированности на различных уровнях, выделенных В. Комиссаровым, при этом выделенные К. Кулеминой переводческие соответствия, такие как структурные, семантические, информационные и прагматические, достигаются за счет различных приемов внутритекстовой экспликации [360].

С целью оценочного анализа прагматической и лингвокультурологической адекватности и эквивалентности перевода, мы структурировали единое пространство типичного американского мультикультурного произведения на несколько уровней по аналогии с уровнями эквивалентности В. Комиссарова и А. Швейцера [176].

Уровень полного произведения, выполняющего, по мнению Н. Джуанышбскова, следующие функции эстетическую, преобразующую, познавательную, гедонистическую, воспитательную [234] идентичен с целью коммуникации В. Комиссарова и функциональной доминантой А. Швейцера Оценка переводческой адекватности функционирования полного произведения в целевой лингвокультуре должна также обращаться к контрольному перечню критериальных параметров американской мультикультурной литературы, такими как *достоверность репрезентаций культурных и языковых особенностей, обоснованность обращения к лингвокультурно-специфическому содержанию, воспитательно-развивающие функции*. На данном уровне семантические и синтаксические соответствия не рассматриваются, приоритет ставится на сохранение в переводе функциональной значимости и мультикультурности исходного произведения, что и является фундаментальным критерием адекватности на уровне прагматической цели.

Так как другие уровни переводческого соответствия являются составными сегментами уровня *прагматической адекватности полного произведения*, они соответствуют понятию эквивалентности в трансляции лингвистических и культурно-контекстуальных аспектов американского мультикультурного произведения.

Уровень нарратива аналогичен *семантически-ситуационной категории* А. Швейцера. Оценка эквивалентности на данном уровне строится на переводческом анализе определяющих аспектов нарратива, которые отражают мультикультурность произведения. *Тематическая эквивалентность* зависит от сохранения содержания и глубинных тематических мотивов исходного текста. Особенность мультикультурной литературы в том, что культурно-детерминированные мотивы могут быть представлены имплицитно внутри американского лингвокультурного контекста и олицетворяют неразрывную связь американского настоящего и доамериканского прошлого, личного и универсального, превращая повествование в захватывающее исследование пограничной идентичности, принадлежности и культурного наследия. В переводном тексте *мотивы* сохраняются через единообразие перевода понятий и компенсационных приемов, позволяющих понять значимость влияния родной картины мира автора на организацию нарратива. Причем, требуется лингвокультурологическое исследование на пересечении сразу трех задействованных лингвокультур – английского, этнокультурного и русского. Влияние незримых факторов, типологизированных Г. Хофстедом как измерения культурного менталитета, определяет характер повествования [361]. Точность передачи характерной для восточных культур интроспекции, иносказательности и сдержанности или латиноамериканского стремления к точности и экспрессивности определяют степень достижения эквивалентности на данном уровне.

Кроме того, передача нарративного модуса как организации языкового формата произведения также играет решающую роль на уровне как нарратива, так и полного текста. Оценка эквивалентности происходит в соответствии с

уровнем сохранения характеристик интеркультурного литературного, лингвокультурно-стилизованного модусов или комбинации интеркультурного литературного модуса и лингвокультурно-стилизованного модусов. Как показал анализ перевода стилизованной контаминации или *транслингвации* языка имеющей место в исходном тексте, приведение переводного текста к лингвистическим, культурным и стилистическим нормам целевого языка наоборот понижает уровень эквивалентности так как теряется соотношение с лингвокультурными особенностями, намерением автора и прагматической целью исходного текста в целом. В этом случае адекватность переводного текста также ставится под сомнение.

Уровень лингвокультурологических единиц мультикультурного произведения соответствует *семантически-компонентному уровню эквивалентности* А. Швейцера, так как основан на переводческом анализе лексико-синтаксических структур. Применение семантического компонентного анализа опирается на деконструкцию каждого лингвокультурно-детерминированного языкового элемента на базовые семантические единицы и затем создание эквивалентов или эксплицированное сохранение исходных особенностей в целевом языке с обязательным отражением семантического содержания и культурной насыщенности исходного материала. К лингвокультурно-детерминированным языковым элементам относятся выделенные в нашем анализе лингвокультурологические особенности и лексические средства создания образности. Оценка эквивалентности на данном уровне опирается на баланс приемов и способов форенизации и лингвокультурной адаптации семантических единиц в зависимости от прагматической цели всего произведения. Однако полное исключение лингвокультурной специфики недопустимо, иначе адекватность перевода будет приведена к минимуму. Количественный анализ лингвокультурологических особенностей каждого отдельного произведения и склонность определенной этнокультурной группы к тем или иным проявлениям мультикультурности, может служить проверочным перечнем оценки сохранения языковых элементов инокультурности в переводном тексте. Примерное численное соответствие количества лингвокультурных проявлений в исходном и целевом тексте определяет эквивалентную представленность лингвокультурологических единиц в переводе.

Кроме простого пропорционального соответствия, *уровень лингвокультурологических единиц* безусловно опирается на необходимость передачи функциональной задачи отдельной лингвокультурологической особенности. В случае если, например, африканская фразеологическая единица включена в американское повествование для выделения культурного контекста или личности персонажа, и при этом имеет контекстуальное семантическое значение, переводной текст в идеальной ситуации передает обе функциональные задачи. При невозможности достижения такой цели, адекватность целого текста ставится в приоритет над эквивалентностью одной лингвокультурологической единицы.

Таким образом, контрольным списком оценки лингвокультурологической адекватности перевода американской мультикультурной литературы является решение следующих переводческих задач с позиции видимости перевода Л. Венути [180]:

-достижение функциональной эквивалентности лингвокультурологических особенностей, таких как *двуязычие, транслингвация, контаминированная речь, инокультурные вкрапления, интертекстуальность*;

-достижение функциональной эквивалентности лингвокультурно - детерминированных средств создания образности, таких как метафоры, сравнения, аллюзии и другие;

-достижение структурной эквивалентности языковой организации нарративного модуса произведения, например, сохранение стилизованного или комбинированного модусов повествования;

-точная передача тем и мотивов, связанных с идентичностью и миграцией, которые проявляются во включении неамериканских культурных и лингвистических деталей построения нарратива мультикультурного произведения;

-точная трансляция авторской интенции, реализуемой посредством комплексного многообразия неамериканских лингвокультурно-обусловленных элементов нарратива, которые должны в должном объеме найти отражение в целевом тексте для соблюдения целостности исходной культуры в американском тексте;

-достижение соответствия переводного произведения критериальным параметрам мультикультурной литературы таким как достоверность репрезентаций культурных и языковых особенностей, обоснованность обращения к лингвокультурно-специфическому содержанию, воспитательно-развивающие функции (Глава 1);

-корреляция с предложенными У. Фишером критериями релевантности коммуникативного повествования в целом – правдоподобностью, логичностью, универсальными ценностными ориентирами [215].

Отдельно необходимо отметить соответствие перевода современным нормам культурно-ориентированных переводческих концепций, таких как рефлексивное и этичное преодоления языковых и культурных границ при переводческой репрезентации художественных произведений с этнолингвокультурной детерминированностью и корреляция с общими принципами метамодернистской парадигмы, ставящей во главу угла принципиальную ценность социокультурной диффузии и разнообразия в глобальном мультикультурном сценарии общественного развития.

Вследствие комплексного социокультурного и лингвистического влияния родной лингвокультуры автора, перевод мультикультурных текстов имеет специфические трудности, для правильного преодоления, которых необходимо учитывать все уровни структуры мультикультурного произведения, от языковой организации и синтаксиса до культурно-исторических референций и

художественных традиций вовлечённых лингвокультур. Целостная трансляция всех структурных и функциональных характеристик мультикультурного произведения – это ключевой аспект адекватного перевода, представляющего собой форму межкультурной коммуникации, которая помимо информационной составляющей, наделена эмоциональной, эстетической и преобразующей ценностью. Лингвокультурологический подход позволяет адекватно сохранить лингвистические и культурные особенности нарратива американской мультикультурной литературы.

Помимо передачи лингвокультурной составляющей американской мультикультурной литературы, адекватность опирается на сохранение художественно-эстетической функции в широком смысле. По мнению М.Алимовой, художественное произведение в первую очередь определяется эстетическим воздействием, реализуемым языковыми средствами, следовательно, особые языковые проблемы, возникающие в процессе перевода, должны рассматриваться совместно с жанрово-специфичными переводческими вопросами и подчиняться им в иерархии задач [362]. Кроме того, адекватный перевод или, иными словами, качественный перевод, требует соответствия базовым критериям любого художественного перевода, определяемыми А.Федоровым и В.Комиссаровым как точность, лаконичность, ясность и, главное литературность переводного текста [363], [364].

Выводы по третьему разделу

Результаты проведенного анализа культурно-обусловленных лингвокультурологических особенностей и их перевода на русский язык позволяют выделить преобладание форенизации и ее приемов, которые составляет 64% от общего объема проанализированных единиц, что позволяет сохранить культурную идентичность оригинального текста и подчёркивает уникальные элементы исходной культуры, делая их заметными для целевой аудитории. Применение форенизации включает такие приёмы, как транслитерация с импликацией, параллельный перевод, лингвокультурная адаптация, транслитерация с лексической сноской и экспликацией значения. Доминирующим приёмом является транслитерация с импликацией (24%), что позволяет сохранить фонетические и культурные особенности оригинала.

Доместикация, выраженная в лингвокультурологической адаптации и элиминации лингвокультурной специфики, наиболее часто применяет приёмы лингвокультурной адаптации (52%) и элиминации лингвокультурной специфики (33%), которые помогают адаптировать текст к целевой аудитории, упрощая восприятие и снижая культурные барьеры.

При переводе интертекстуальных отсылок, особенно цитируемого текста, преобладает использование существующих переводов (51%) и авторского перевода (29%), что позволяет сохранить литературную целостность и соответствие оригинальному тексту.

Эффективная передача культурных контекстов предполагает сохранение семантического, сюжетного содержания культурных элементов и коннотаций,

особенно важных для мультикультурной литературы и, соответственно, достигается через комбинацию форенизации и доместикации. Важно учитывать этические аспекты перевода, уважая культурную аутентичность и разнообразие исходной и целевой культур, так как в некоторых случаях требуется адаптация переводного текста, чтобы он оставался понятным и привлекательным для целевой аудитории.

Коммуникативная цельность литературного произведения зависит от глубокого тематического развития и высокого уровня художественного мастерства. Американская мультикультурная литература выполняет смыслообразующую и социально-преобразующую функции через единство различных аспектов нарратива, а также характеризуется выразительностью и эмоциональным воздействием, созданными мультикультурными средствами образности, которые раскрывают многослойную мультикультурную картину мира, формируемую под воздействием американской и родной лингвокультур писателей.

К лингвокультурно-детерминированным средствам создания образности относится широкое разнообразие лингвистических и стилистических единиц, которые обозначены формальными единицами английского языка, но могут передавать значения, сформированные внутри иной культуры и нести глубокий культурный или исторический контекст. Лексические приемы, такие как аллюзия, сравнение, эпитет, метафора, метонимия, аллегория, стилистическое использование фразеологии (поговорки и пословицы), а также игра слов, являются наиболее широко представленными средствами образности, которые полностью раскрываются или имеют отсылки к родной лингвокультуре автора мультикультурного произведения. Трансляция средств создания образности требует баланса между лингвистической адаптацией и точным отражением культурной маркированности. Прямой перевод и адаптация культурно-специфичных элементов являются ключевыми методами, используемыми для сохранения культурного контекста и семантической точности. Приоритетной задачей является сохранение культурно-специфического лексического комплекса и образных средств, используемых для художественной интерпретации объективной реальности мультикультурного общества.

Всесторонний анализ различных лингвокультурологических аспектов перевода фактического материала позволил рассмотреть понятия эквивалентности и адекватности, имеющие ключевое значение для анализа перевода в целом. – эквивалентность и адекватность. Адекватность перевода шире по своему охвату и ориентирована на достижение общего эффекта, соответственно, в контексте данного исследования определяется способностью сохранять прагматический эффект, достигаемый посредством передачи культурно-языкового диссонанса, который становится центральным элементом в создании художественного образа. В свою очередь, эквивалентность в переводе рассматривается как стремление к сохранению смыслового и стилистического сходства между исходным и переводным текстами, однако, при переводе мультикультурных произведений, эквивалентность приобретает

более детализированное значение, направленное на точную передачу инокультурных и иноязычных элементов на различных уровнях текста.

Таким образом, исследование подчеркивает важность учета всех уровней структурной организации произведения, от тематики и нарративного модуса до лексико-синтаксических элементов, что необходимо для достижения адекватного и эквивалентного перевода, способного передать полное многообразие исходной лингвокультуры. Перевод американской мультикультурной литературы требует тщательного лингвокультурологического подхода, основанного на принципах современной переводческой теории, ориентированной на межкультурную коммуникацию и сохранение культурного наследия в глобализированном обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящего исследования заключалась в комплексном анализе лингвокультурологических аспектов перевода американской мультикультурной литературы. В настоящем исследовании впервые обоснована прогрессирующая актуальность *метамодерна* как современной социокультурной парадигмы, находящей отражение в общественном и художественном контексте, неотъемлемой частью которого является *мультикультурализм*, выражающийся в стремлении к динамическому равновесию в условиях всеобъемлющего плюрализма.

Комплексный анализ сквозь лингвокультурологическую призму позволил раскрыть взаимообусловленность *метамодерна* и *мультикультурализма*, которая особенно заметна в *американской мультикультурной литературе*. *Метамодернистская парадигма* характеризуется сочетанием элементов модернизма и постмодернизма, создавая синтез, который воспринимает противоречия и неопределенности как важные части современной жизни, открытой для разнообразия культурных и философских идей, основанных на балансе между традицией и инновацией. *Мультикультурализм* акцентирует внимание на признании и уважении культурного разнообразия и продвигает идею, что различные культурные и этнические группы могут сосуществовать и обогащать друг друга, способствуя гибкости мышления и восприимчивости к новым идеям. В *американской мультикультурной литературе* эти принципы находят выражение через инклюзивное представление разнообразия культурных перспектив многогранного американского общества. Таким образом, *мультикультурализм* как социокультурная практика усиливает метамодернистский подход, а *американская мультикультурная литература* служит ярким примером, демонстрирующим явную корреляцию с ключевыми концептами современности, *плюрализмом, диффузией и осцилляцией*, выраженными на уровне языка и содержания произведения.

Обоснованность и актуальность *лингвокультурологического подхода к переводу*, утверждаемая в данном исследовании, подтверждается через теоретический анализ современных переводческих концепций, а также посредством практического анализа значительного объема фактического материала, включающего исходные тексты американской мультикультурной литературы и их переводы на русский язык.

Следует отметить, что *американская мультикультурная литература* является продуктом культурных помарок современности, отражающих ключевые принципы метамодернистской парадигмы, такие как культурный синтез и признание ценности разнообразия идентичностей. В данном контексте *лингвокультурологический подход к переводу* предоставляет эффективные инструменты для глубокого и точного понимания культурно насыщенной *американской мультикультурной литературы*, отвечая на актуальные вызовы переводческой практики и метамодернистской современности в целом.

С одной стороны, основываясь на лингвистической теории и включая анализ лингвокультурно-детерминированных аспектов нарративных структур и лексико-стилистических средств, *лингвокультурологический подход к переводу* позволяет точно передавать смысл и сохранять стилистические особенности исходного произведения, находящегося под влиянием родной лингвокультуры американского писателя.

С другой стороны, *лингвокультурологический подход* заимствует принципы культурного поворота и культурного перевода, базирующихся на современном понимании значимости культурного разнообразия, что особенно важно при переводе мультикультурной литературы, представляющей собой сложное переплетение различных культурных и этнических нарративов. Культурно-ориентированные концепции, признавая метамодернистскую транскультурацию, создающую гибридные формы языковых и структурных выражений этнокультурности и множественность идентичностей, уделяют особое внимание этническим, гендерным, социальным и другим аспектам, и трансляции их многогранности в переводном тексте. Данные аспекты в совокупности с модернизацией взглядов на этику перевода находят отражение в лингвокультурологическом переводе мультикультурной литературы в условиях современного глобализированного общества.

Наше исследование показало, что художественный нарратив *американской мультикультурной литературы* отражает специфику мультикультурных авторов, их культурное наследие и менталитет через выбор *темы, мотивов, нарративного модуса* и иных повествовательных особенностей, которые являются лингвокультурно-детерминированными и соответственно должны быть адекватно представлены в переводном тексте без потерь и приобретений. В ходе анализа репрезентативного корпуса мы выделили три нарративных модуса организации мультикультурного произведения: *интеркультурно-литературный, стилизованный и комбинированный модусы*, которые необходимо учитывать при переводе как макроструктурный аспект произведения, так как модус определяет иерархию организации глобального концептуального смысла произведения. В то время как выделенные нами *лингвокультурологические особенности американской мультикультурной литературы* составляют ассоциативно-семантическую сеть на лингвокультурном и стилистическом уровнях. К таким единицам относятся *двуязычие, транслингвация и контаминированная речь*, которые обусловлены родным языком писателя и основаны на взаимопроникновении языков, а также *инокультурные вкрапления, интертекстуальность и культурно-маркированные средства образности*, которые являются лингвокультурно-детерминированными и базируются на интерференции культуры происхождения американского автора. Оба аспекта играют ключевую роль в передаче мультикультурного контекста и требуют особого внимания при переводе, основанного на сбалансированном использовании различных приемов форенизации и доместикации с целью адекватной трансляции мультикультурной специфики исходной литературы в целевой лингвокультуре.

В рамках исследования перевода *американской мультикультурной литературы* возникла необходимость адаптировать классическое понятие *адекватности* перевода как фундаментального понятия переводческой теории, которое традиционно подразумевает достижение *эквивалентности* на всех уровнях без нарушения лингвистических, культурных и стилистических норм целевого языка. Наш анализ показывает, что *адекватность* и *эквивалентность* в переводе мультикультурных текстов значительно шире, чем в переводе монолингвокультурных произведений, что связано с необходимостью точно передавать инокультурные и иноязычные элементы неамериканской лингвокультуры, присутствующие в американском произведении. Адекватность перевода американской мультикультурной литературы основана на трех уровнях переводческих соответствий - *уровень лингвокультурологических единиц, уровень нарратива и уровень полного произведения*. Таким образом, в исследуемом контексте адекватность перевода определяется способностью полноценно воспроизвести содержательную и формальную специфику исходного произведения в единстве с сохранением проявлений мультикультурности на различных уровнях, от структурных нарративных элементов до более концентрированных лексико-семантических и стилистических единиц, что обеспечивает передачу культурного многообразия и уникальности исходного произведения, способствуя глубокому и точному восприятию всех его аспектов в целевой лингвокультуре.

Перспективы дальнейшего исследования лингвокультурологических аспектов перевода мультикультурной литературы видятся в адаптации теоретических и практических результатов работы для исследования мультикультурных лингвокультурных проявлений в современном отечественном и зарубежном художественном дискурсе, в частности, и в дальнейшем расширении лингвокультурологического подхода в переводе в полноценную переводческую теорию, в целом.

Теоретические и практические результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть использованы в разработке курсов в контексте художественного перевода, лингвокультурологического подхода к переводу, включая спецкурсы по проблемам перевода лингвокультурных особенностей американской мультикультурной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Chomsky N., Foucault M. The Chomsky–Foucault Debate: On Human Nature. – New York: New Press, 2006. – 240 p.
- 2 Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – СПб: Симпозиум, 2007. – 160 с.
- 3 Habermas J., Lawrence F. The Philosophical Discourse of Modernity. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1987. – 450 p.
- 4 Suleiman S.R. Naming and Difference: Reflections on Modernism versus Postmodernism in Literature. // Utrecht Publications in General and Comparative Literature Amsterdam. – Philadelphia: John Benjamins Publ., 1986. – P. 255–270.
- 5 Wellmer A. The Persistence of Modernity: Aesthetics, Ethics and Postmodernism. – Polity Press, 2018. – 236 p.
- 6 Исмақова А.С. Асыл сөздің теориясы. – Алматы: Таңбалы, 2009. – 376 б.
- 7 Майтанов Б. Тәуелсіздік – күрес мұраты: зерттеулер мен мақалалар (60 жылдық мерейтойына арналған). – Алматы: «Құс жолы», 2012. – 490 б.
- 8 Жарылғапов Ж.Ж., Такиров, С.У., Жақулаев, Ә.М. Қазақ прозасы: модернизм және постмодернизм: Монография. – Қарағанды, ҚарМУ баспасы, 2015. – 290 б.
- 9 Мотрошилова Н.В. История философии: Запад–Россия–Восток. Книга четвертая: Философия XX вв: Учебник для вузов / под ред. Н.В. Мотрошиловой, А.М. Рутквича. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М: Академический Проект, 2012. – 426 с.
- 10 Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. Серия: Философские технологии. – М: Академический проект, 2023. – 503 с.
- 11 Perloff M. The Aura of Modernism // Modernist Cultures. – 2005. – Vol.1, №1. – P. 1–14.
- 12 Foster H. The Anti-aesthetic: Essays on Postmodern Culture. – New York: New Press, 2006. – 183 p.
- 13 Eagleton T. Literary Theory: An Introduction. – University of Minnesota Press, 2008. – 240 p.
- 14 Майтанов Б.К. Я и другой Я в модернизме и постмодернизме // Актуальные проблемы современного литературоведения и фольклористики: Научный сборник. – Алматы: Қазақ Университеті, 2005. – №2. – С. 57–61.
- 15 Тарази Ә. Модернизм, постмодернизм деп зарлай бастаған білгіпті көрсетіс – маңайынан безе қашыңыз. Демек, ол – дарынсыз. «Әдебиет порталы» <http://adebiportal.kz/k-m-tarazi-modernizm-postmodernizm-depzarlay-basta-an-b-lg-sht-k-rse-z-ma-ayunan-beze-ashy-yzdemek.page/> 12.08.2022.
- 16 Пуржанов Б. Модернистское искусство, постмодернистская эстетика // Тамыр. – Алматы, 2010. – №1 (25). – С. 31–36.
- 17 Қасқабасов С. Модернизм мен постмодернизм // Қазақ әдебиеті. – 2009. – №13, 10 сәуір.

- 18 Horkheimer M., Adorno T. *Dialectic of Enlightenment*. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 304 p.
- 19 Horkheimer M. *Eclipse of Reason*. – Martino Fine Books, 2013. – 198 p.
- 20 Лиотар Ж.Ф. *Состояние постмодерна* – М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.
- 21 Derrida J. *Of grammatology*. – Johns Hopkins University Press, 1998. – 456 p.
- 22 Барт Р. *Смерть автора* – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- 23 Vattimo G. *Beyond Interpretation: The Meaning of Hermeneutics for Philosophy*. – Polity Press, 1997. – 129 p.
- 24 Todorov T. *Genres in discourse*. – United Kingdom: Cambridge University Press. – 136 p.
- 25 Sollers P. *Writing and the experience of limits*. - Columbia University Press, 1983. – 213 p.
- 26 Sokal A., Bricmont J. *Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science*. – Picador, 2014. – 320 p.
- 27 Dawkins R. *The God Delusion*. – Mariner Books, 2009. – 464 p.
- 28 Гиздатов Г.Г. *Постмодерн в медиалогической теории и практике // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш.Уалиханова. Серия «Филологическая»*. – Кокшетау, 2020. - № 1. – С. 46–50.
- 29 Джундубаева А. *Нарративные стратегии в постмодернистской прозе. дисс. ... док.философии (PhD): 6D020500 – Филология*. Алматы: КазНПУ имени Абая, 2015. – 151 с.
- 30 Ишанова А.К. *Модернизм и постмодернизм: принципы литературной игры // Литературный текст XX–XXI веков: проблемы поэтики: материалы VII VIII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 20 марта 2015 года – 24 2016 года / Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», факультет журналистики, кафедра русского языка и литературы*. – Челябинск: Цицеро, 2017. – С. 217-223.
- 31 Жусупова Б.Ж. *Постмодернистский нигилизм социальной тотальности // Карағанды университетінің хабаршысы Тарих. «Философия» сериясы*. – Караганда, 2022. – № 2. – С. 245–255.
- 32 Исмагамбетова З., Сакмурзаева А. *Явления постмодернизма в культуре Казахстана и его влияние на культурно-религиозную ситуацию // Вестник КазНУ, Серия «Религиоведение»*. – Алматы, 2018. - №15(3). – С. 12-19.
- 33 Сәулембек Г.Р. *Қазіргі прозадағы постмодернизм*. – Алматы, 2017. – 136 б.
- 34 Ананьева С. *Модернизм и постмодернизм в современном литературном процессе // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. «Қоғамдық және гуманитарлық ғылымдар» сериясы*. – Алматы, 2017. – № 4 (314). – С. 93-99.

- 35 Сафронова Л.В. Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана: учебное пособие. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2006. – 96 с.
- 36 Джуанынбеков Н.О. Проблемы сравнительно-типологического изучения литературы. – Алматы, 2001. – 245 с.
- 37 Хавайдарова М.М. Структура образа героя в романе XX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. – Алматы, 2003. – 23 с.
- 38 Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. – Алматы: Қазақ университеті, 2012. – 361 с.
- 39 Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. – NYU Press, 2008. – 353 p.
- 40 Klein N. *This Changes Everything: Capitalism vs. The Climate*. – Simon & Schuster, 2014. – 566 p.
- 41 Butler J. *The Force of Nonviolence: An Ethico-Political Bind*. – Verso, 2020. – 224 p.
- 42 Bakhtin M. *Speech genres and other late essays*. Trans. Vern W. McGee. – University of Texas Press, 2010. – 203 p.
- 43 Lipovetsky G., Charles, S. *Hypermodern times*. – Polity Press, 2005. – 90 p.
- 44 Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. – Bloomsbury Academic, 2009. – 282 p.
- 45 Samuels R. *New Media, Cultural Studies, and Critical Theory After Postmodernism: Automodernity from Zizek to Laclau*. – Palgrave Macmillan US, 2009. – 256 p.
- 46 Bourriaud N. *Altermodern: Tate Triennial*. – Tate Pub, 2009. – 224 p.
- 47 Childish B., Thomson C. *THE STUCKISTS*. – The Hangman Bureau of Enquiry, 1999. <https://www.stuckism.com/stuckistmanifesto.html#manifest>. 10.11.2022.
- 48 Wallace D.F. *Brief Interviews with Hideous Men*. <https://cutt.ly/4g12IQ5>. 13.11.2022.
- 49 Harrison M.D. *New Weird Discussions: The Creation of a Term*. Eds.: Jeff and Ann VanderMeer. – San Francisco, Tachyon Press, 2008. – 317 p.
- 50 Epstein M. *After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture*. – University of Massachusetts Press, 1995. – 394 p.
- 51 Zavarzadeh M. *The Apocalyptic Fact and the Eclipse of Fiction in Recent American Prose Narratives*. // *Journal of American Studies*. – Cambridge University Press, 1975. Vol. 9, № 1. – P. 69-83.
- 52 Vermeulen T., & van den Akker R. *Notes on metamodernism*. // *Journal of Aesthetics & Culture*. – Taylor and Francis, 2010. Vol.-2, №1. – P. 1-14
- 53 Gibbons A., van den Akker R., Vermeulen T. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. – Rowman & Littlefield International, 2017. – 260 p.

- 54 Furlani A. *Guy Davenport: postmodern and after.* – Northwestern University Press, 2007. – 247 p.
- 55 Turner L. *Metamodernist Manifesto.* – Electronic resource. <http://www.metamodernism.org/> 15.11.2022.
- 56 Storm J.A.J. *Metamodernism: The future of theory.* – University of Chicago Press, 2021. – 347 p.
- 57 Spivak G.C. *Can the Subaltern Speak?* – Germany, Afferall Books, 2020. – 148 p.
- 58 Van den Akker R., Vermeulen T. *Periodising the 2000s, or, the Emergence of Metamodernism // Metamodernism: Historicity, affect, and Depth after postmodernism.* – Rowman & Littlefield International, 2017. – P. 1-19
- 59 Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization.* – University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
- 60 Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США к.ХХ века. – М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – 399 с.
- 61 Bissoondath N. *Selling Illusions: The Cult of Multiculturalism in Canada.* – Toronto: Penguin, 1994. – 234 p.
- 62 Kymlicka W. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity.* – Oxford University Press. 2007. – 384 p.
- 63 Heike P. *E Pluribus Unum?: The Myth of the Melting Pot. // The Myths That Made America: An Introduction to American Studies.* – Transcript Verlag, 2014. –P. 257–310.
- 64 Fleras A. *The Politics of Multiculturalism: Multicultural Governance in Comparative Perspective.* – Palgrave Macmillan, 2009. – 274 p.
- 65 Кирабасв Н.С. Культурная идентичность, шпорализм и глобализация в современном философском дискурсе // Культурная идентичность и глобализация Доклады и выступления 5-й международной философской симпозиум «Диалог цивилизаций Восток-Запад». – М.: 2002. – С.15-20.
- 66 Adichie C.N. *Americanah.* – Alfred Knopf, 2013. – 349 p.
- 67 Gyasi Y. *Homegoing.* - Vintage, 2017. – 320 p.
- 68 Айкынбаева Ф.А. О лингвокультурных особенностях художественной картины мира русскоязычных поэтов Казахстана // Вестник КазНУ, Серия «Филологическая», 2013. – № 1 (2). – С. 138-143.
- 69 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. Институт языкознания. – Тамбовский гос. университет им. Г.Р.Державина, 2007. № 4. С. 8-16.
- 70 Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory.* – Harvard University Press, 2002. – 379 p.
- 71 Stoev D. *Metamodernism or metamodernity // Arts, MPDI, 2022.* – Vol. 11, № 5. – P. 91-101.
- 72 Anzaldúa G. *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza.* – Aunt Lute Books, 1987. – 203 p.
- 73 Alvarez J. *Return to sender.* – Alfred A.Knopf, 2005. – 264 p.

- 74 Ulinich A. Petropolis. – Penguin (Non-Classics), 2008. – 338 p.
- 75 Coates T. Between the World and Me. – Spiegel & Grau, 2015. – 176 p.
- 76 Tan A.A Hundred Secret Sences. Ivy Books, 1996. – 406 p.
- 77 Garcia C. Dreaming in Cuban. – The Random House Publishing Group, 1992. – 249 p.
- 78 Tan A. The Joy Luck Club. – London, Vintage Books, 2013. – 308 p.
- 79 Shafak E. Pulled by Two Tides // Time Magazine. – Time Inc., 2010. – № 4, October.
- 80 Lee C.R. Native Speaker. – Riverhead, 1996. – 349 p.
- 81 Lord B.B. In the Year of the Boar and Jackie Robinson. – Harper Collins Publisher, 1999. – 176 p.
- 82 Lahiri J. The Namesake. Reprint edition. – Mariner Books, 2004. – 231 p.
- 83 Bauman Z. Liquid modernity. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.
- 84 Kingston M.H. Exclusive to Powell's Author Interview/ After the Fire. <https://web.archive.org/web/20080914123201>. 10.12.2022.
- 85 Cisneros S. The House on Mango Street. – Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. – 110 p.
- 86 Henriquez C. The book of unknown Americans. – Alfred A. Knopf, 2014. – 247 p.
- 87 Díaz J. The Brief Wondrous Life of Oscar Wao. – Riverhead Books, 2007. – 199 p.
- 88 Melville H. Redburn: His First Voyage. – The Project Gutenberg EBook, 2003. – 414 p.
- 89 Ford J. Hotel on the Corner of Bitter and Sweet. – Ballantine Books, 2009. – 290 p.
- 90 Ананьева С., Маданова М. Американская литература: XX век и современность // Ананьева С. Встречи, которые выбрали нас. – Алматы, 2004. – С.228-234.
- 91 Ананьева С. Казахско–американские литературные связи: современное состояние и перспективы // Казахско–американские литературные контакты в контексте сравнительного литературоведения. под ред. У.К. Калижанова. Институт литературы и искусства им. М О Ауэзова КН МОН РК. – Алматы: Әдебиет әлемі, 2016. – С. 36-81.
- 92 Оганов А.А. Феномен маргинальности в культуре // Маргинальное искусство. – МГУ, 1999. – С. 64-65.
- 93 Салханова Ж. X. Маргинальность как форма художественного сознания // Язык в диалоге культур и цивилизаций. – КазНУ им. Аль-Фараби, 2013. – С. 112-118.
- 94 Ислам А. Язык в контексте национальной культуры. – Алматы, 2003. – 221 с.
- 95 Загидуллина А.А., Загидуллин Р.З. Воздействие экономики и политики на язык и культуру // Экономическое образование на рубеже нового тысячелетия: проблемы взаимодействия языка и экономики. (Материалы

республиканской научно-практической конференции). – Алматы: КазГУМОиМЯ им. Абылай хана, 2000. – С. 43–47.

96 Chick K., Ellermeyer, D. Multicultural American History: Through Children's Literature. – ABC-CLIO, 2003. – 160 p.

97 Takaki R. A Different Mirror for Young People: A History of Multicultural America. – Seven Stories Press, 2012. – 368 p.

98 Patell C. Emergent U.S. Literatures: From Multiculturalism to Cosmopolitanism in the Late Twentieth Century. – NYU Press, 2014. – 296 p.

99 Tlostanova M. Postcolonialism and Postsocialism in Fiction and Art: Resistance and Re-existence. – Springer International Publishing, 2017. – 224 p.

100 Trotman C.J. Multiculturalism: Roots and Realities. – Indiana University Press, 2002. – 267 p.

101 Billingslea-Brown A.J. Teaching African American Women's Writing. – Palgrave Macmillan UK, 2010. – 220 p.

102 Nguyen V. Race and Resistance: Literature and Politics in Asian America. – Oxford University Press, 2002. – 240 p.

103 Gates Jr, H. L. The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism. – Oxford University Press, 1988. – 253 p.

104 Miller T., Yudice G. Cultural Policy. – SAGE Publications, 2002. – 246 p.

105 Treitler V.B. The Ethnic Project: Transforming Racial Fiction into Ethnic Factions – Stanford University Press, 2013. – 240 p.

106 Portes A, Rumbaut R.G. Ethnicities: Children of Immigrants in America. – University of California Press, 2001. – 334 p.

107 Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. // Psychology of Intergroup Relations. – Nelson Hall, 1986. – Vol. 2. – P. 7-24.

108 Кэган М.С. Философия культуры. Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1996. – 310 с.

109 Morrison T. Unspeakable Things Unspoken: The Afro-American Presence in American Literature // Within the Circle: An Anthology of African American Literary Criticism from the Harlem Renaissance to the Present, ed. by Mitchell A. – New York, Duke University Press, 1994. – P. 368-398.

110 Anaya R. What Good Is Literature in Our Time? // American Literary History. – JSTOR, 1998. – Vol. 10 (3). – P. 471-477.

111 Kim E. H. Defining Asian American realities through literature // A companion to Asian American studies, Chapter. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 196-214.

112 Li D.L. Imagining the Nation: Asian American Literature and Cultural Consent. – US: Stanford University Press, 1998. – 261 p.

113 Sollors W. Multilingual America: Transnationalism, ethnicity, and the languages of American literature. – NYU Press, 1998. – 416 p.

- 114 Морозова И.В. Финно-американская идентичность и стратегии ее определения в современной финно-американской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований, 2021. – №4. – С. 642-653.
- 115 Lape N.G. The politics of representation in Asian American literature // Working-Class Literature. – The Johns Hopkins University Press, 2002. – Vol. 29, № 4. – P. 144-151.
- 116 Jay G.S. The end of “American” literature: Toward a multicultural practice // College English. – National Council of Teachers of English, 1991. – Vol. 53, №. 3. – P. 264–281.
- 117 Lee A.R. Multicultural American Literature: Comparative Black, Native, Latino/a and Asian American Fictions. – University Press of Mississippi, 2003. – 307 p.
- 118 Gómez-Peña G. The New Global Culture, Somewhere between Corporate Multiculturalism and the Mainstream Bizarre (a border perspective) // TDR/The Drama Review. – 2001. – Vol. 45, №. 1. – P. 7-30.
- 119 Nelson E.S. Ethnic American Literature: An Encyclopedia for Students. – ABC-CLIO, 2015. – 595 p.
- 120 Lee A.R. United States: Re-Viewing American Multicultural Literature. – Publicacions de la Universitat de València, 2009. – 332 p.
- 121 Dix H., Kirca M. Multicultural Narratives: Traces and Perspectives. – Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 201 p.
- 122 Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. – Longman, 1995. – 608 p.
- 123 Van Dijk T.A. Discourse and Power. – Palgrave Macmillan, 2008. – 320 p.
- 124 Cox S. An Ethics of Reading: Interpretative Strategies for Contemporary Multicultural American Literature. – Cambridge Scholars Publishing, 2016. – 220 p.
- 125 Zentella A.C. Growing up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. – Blackwell, 1997. – 323 p.
- 126 Coutts-Smith K. Some General Observations on the Problems of Cultural Colonialism // The Myth of Primitivism. Chapter. – De la critique d’art, 1976. – P.1-14.
- 127 Botelho M.J., Rudman M.K. Critical Multicultural Analysis of Children's Literature: Mirrors, Windows, and Doors. – Taylor & Francis, 2009. – 376 p.
- 128 Banks L.R. The Indian in the Cupboard. – Yearling, 2010. – 240 p.
- 129 Shteyngart G. Super Sad True Love Story. – Random House Publishing Group, 2010. – 331 p.
- 130 Norton D. E. Multicultural children's literature: through the eyes of many children. – Allyn & Bacon/Pearson, 2009. – 374 p.
- 131 Clark Sh.P., Bickmore S.T. More Mirrors, Windows, and Sliding Doors: A Period of Growth in African American Young Adult Literature. – Rowman & Littlefield Publishers, 2022. – 142 p.

- 132 Scott L.M., Purdum–Cassidy B. *Multicultural Literature in the Content Areas: Transforming K–12 Classrooms Into Engaging, Inviting, and Socially Conscious Spaces.* – Rowman & Littlefield Publishers, 2020. – 212 p.
- 133 Kingston M.H. *The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts.* – Vintage, 1976. – 209 p.
- 134 Woodson J. *The Day You Begin.* – G.P. Putnam's Sons Books for Young Readers, 2018. – p. 321.
- 135 Said E.W. *Orientalism.* – Knopf Doubleday Publishing Group, 1979. – 368 p.
- 136 Rankine C. *Citizen: An American Lyric.* – Graywolf Press, 2014. – 176 p.
- 137 Smitherman G. *Talkin and Testifyin: The Language of Black America.* – Wayne State University Press, 2000 (reprint). – 285 p.
- 138 Hooks B. *Writing Beyond Race: Living Theory and Practice.* – Routledge, 2013. – 199 p.
- 139 Majaj L.S. Arab–American literature: Origins and developments // *American Studies Journal*, Eds. Hornung A., Kohl M., 2008. – Vol. 52, №. 2. – P.1-13.
- 140 Al-Hazza T.C. Bridging a Cultural Divide with Literature about Arabs // *Middle School Journal*, 2010. – Vol.41, № 3. – P.4-11.
- 141 Fadda-Conrey C. *Contemporary Arab–American Literature: Transnational Reconfigurations of Citizenship and Belonging.* – NYU Press, 2014. – 258 p.
- 142 Hassan W.S. *Immigrant Narratives: Orientalism and Cultural Translation in Arab American and Arab British Literature.* – Oxford University Press, 2011. – 288 p.
- 143 Mostafa K. *Visual Representations of Arabs, Arab Americans, and Muslims in Multicultural Picturebooks: Using Critical Multicultural Analysis to Examine Picturebook Images.* diss. ... Degree of Doctor of Education (Ed.D.). – University of Pennsylvania, 2020. – 161 p.
- 144 Harris V. et al. Bookalogues: Multicultural literature // *Language Arts. Multiculturalism and the Language Arts.* – NCTE, 1993. – Vol. 70, №3. – P. 215-224.
- 145 Reyes A. *Language, identity, and stereotype among Southeast Asian American youth: The other Asian.* – Routledge, 2011. – 196 p.
- 146 Renna D., Santulli F. Across languages, across media. A comparative analysis of linguistic variation in literary translation and transmedial adaptation of a Chinese–American fictional character // *Diacritica*, 2023. – Vol. 37, №. 3. – P. 153-173
- 147 Shu Y. *Globalization and Asian values: teaching and theorizing Asian American literature* // *College Literature.* – The Johns Hopkins University Press, 2005. – Vol.32, № 1 – P. 86-102.

- 148 Balkun M. M. A. The American counterfeit: Authenticity and identity in American literature and culture. (Studies in American Literary Realism and Naturalism). – University of Alabama Press, 2006. – 195 p.
- 149 Beloglazova E.V. Myth and fact in Russia centered discourse: The case of (non-) fictional Shostakovich //Исследования языка и современное гуманитарное знание. – РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. – Vol. 5, №. 1. – P. 13-19.
- 150 Ryan K.L. Forging a Transcultural Identity as a Russian–American Writer: Lara Vapnyar and Cultural Adaptation //Transcultural Identities in Contemporary Literature. – Brill, 2013. – P. 27-46.
- 151 Besemeres M. Travels through Russian in English: Dale Pesmen, Maria Tumarkin, Maxim Shrayer and Gary Shteyngart //Flusser Studies, 2016. – №. 22. – P. 1-17.
- 152 Bassnett S. Translation and World Literature. 1st ed. –Routledge, 2019. – 214 p.
- 153 Eckert P. Language and gender in adolescence //The handbook of language, gender, and sexuality. Chapter. – Wiley-Blackwell, 2014. – P. 529-545.
- 154 Martinez T.A. Storytelling as oppositional culture: Race, class, and gender in the borderlands //Race, Gender & Class. – Jean Ait Belkhir, 1999. – Vol.6, № 3. – P. 33-51.
- 155 Gilbert S.M., Gubar S. Sexual linguistics: Gender, language, sexuality //New Literary History, 1985. – Vol. 16, №. 3. – P. 515-543.
- 156 Bhabha H.K. The Location of Culture [ebook]. – Taylor & Francis, 2012. – 440 p.
- 157 Fanon F. Black skin, white masks //Social theory re-wired. Chapter. – Routledge, 2023. – P. 355-361.
- 158 Апресян Ю.Д. Образ человека в языке: попытка системного анализа // Школа «Языки русской культуры». – М.: 1995. – Т. 2. – С. 348-385
- 159 Danticat E., Shea R. H. The Dangerous Job of Edwidge Danticat: An Interview //Callaloo, 1996. – Vol. 19, №. 2. – P. 382-389.
- 160 Кунанбаева С.С., Концептологические основы когнитивной лингвистики в становлении полиязычной личности. – Алматы, 2017. – 264 с.
- 161 Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты [Электронный ресурс] – Алматы: ИП Волкова, 2011. – 264 с.
- 162 Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
- 163 Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. – 366 с.
- 164 Nida E. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating [digital edition]. – Netherlands: Brill, 2021. – 341 p.
- 165 Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics [digital edition]. –University Press, 1978. – 103 p.
- 166 Nida E., Taber C. The Theory and Practice of Translation (Fourth Impression). – Brill, 2021. – 218 p.

- 167 Vinay J.P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation* [digital edition]. – John Benjamins Publishing, 1995. – 358 p.
- 168 Newmark P. *Approaches to Translation*. – Elsevier Science & Technology, 1981. – 200 p.
- 169 Якобсон Р. *Тексты, документы, исследования*. – Россия: РГГИБ, 1999. – 918 с.
- 170 Комиссаров В.П. *Теория перевода: лингвистические аспекты*. Россия: Высшая школа, 1990. – 250 с.
- 171 Бархударов Л.С. *Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода* [digital edition]. Россия: ЛКИ, 2010. – 235 с.
- 172 Гак В.Г., Григорьев Б.Б. *Теория и практика перевода: французский язык*. – Россия: ЛЕНАНД, 2015. – 460 с.
- 173 Kiraly D.C. *Pathways to Translation: Pedagogy and Process*. – Kent State University Press, 1995. – 175 p.
- 174 Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation* [digital edition]. – UK: Taylor & Francis, 2011. – 352 p.
- 175 Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе*. – Россия: Воениздат, 1973. – 278 с.
- 176 Швейцер А.Д. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. – Россия: Наука, 1988. – 214 с.
- 177 Латышев Л. *Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения*. – Россия: Международные отношения, 1981. – 246 с.
- 178 Львовская З. *Современные проблемы перевода. Перевод с испанского*. Россия: ЛКИ, 2018. – 224 с.
- 179 Vermeer H.J. *Skopos and commission in translational action*. // *Interlingual and intercultural communication*. Eds.: House J., Blum-Kulka S. – John Benjamins Publishing, 1989. – P. 173–187.
- 180 Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* [ebook]. – Taylor & Francis, 2017. – 344 p.
- 181 Baker M. *Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology*. – Taylor & Francis Group, 2020. – 255 p.
- 182 Baker M. *Researching Translation in the Age of Technology and Global Conflict: Selected Works of Mona Baker*. Ed.: K. Kim, Y. Zhu. – Routledge, 2020. – 334 p.
- 183 Bassnett S. *Translation, History, and Culture* [ebook]. – Pinter Publishers, 1990. – 133 p.
- 184 Berman A. *The Age of Translation: A Commentary on Walter Benjamin's The Task of the Translator* (C. Wright, Trans.; 1st ed.). – Routledge, 2018. – 226 p.
- 185 Бахман-Медик Д. *Культурные повороты / Пер. с нем. С. Ташкенова*. – М.: Новое литературное обозрение, Серия Интеллектуальная история, 2017. – 504 с.

- 186 Алдабергенова А.А. Функциональные и лингвокультурологические аспекты перевода литературы абсурда (на материале переводов романа Дж.Хеллера *Catch-22*). Дисс. на соискание степени доктора философии (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана. – Алматы: 2022. – 170 с.
- 187 Spivak G.C. *The Spivak Reader: Selected Works of Gayatri Chakravorty Spivak*. – Taylor & Francis, 2013. – 344 p.
- 188 Spivak G.C. *Outside in the Teaching Machine* [ebook]. – Taylor & Francis, 2012. – 390 p.
- 189 Sapir E. *The Status of Linguistics as a Science*. // *Language*. Linguistic Society of America, 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207-214.
- 190 Тұрарбеков З. Әдебиеттер достығының дәнікері: қазақ аударма өнері жайлы ойлар. – Алматы, 1977. – 145 б.
- 191 Бельгер Г. Ода переводу. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 418 с.
- 192 Загидуллин Р.З. Теоретические и методологические основы переводческого тезауруса (на материале английского языка для специальных целей). – Бишкек: Издательство Кыргызского государственного университета, 1993. – 127 с.
- 193 Ермаганбетова А.С. Сущность и значение национальных слов-реалий языке художественного произведения и способы их перевода (на мат. Перевода романа-эпопеи М Ауэзова «Путь Абая»: автореф.дисс. ... к.филол.н: 10.00.00. –Алма-Ата, 1972. – 32 с.
- 194 Алдашева А. Аударматану: лингвистикалық және лингвомәдени мәселелері. – Алматы: Арыс, 1998. – 215 б.
- 195 Жаксылыков А.Ж. (2013) Художественный перевод и литературный процесс. – Алматы: Таңбалы, 2013. – 307 с.
- 196 Алтыбаева С.М., Маданова М.Х. Художественный перевод и сравнительное литературоведение: Учебное пособие. – Алматы, 2000. – 113 с.
- 197 Жұмабекова А.К. Аударма теориясы. 2-ші бас. – Алматы, 2015. – 267 б.
- 198 Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation II*. – *Multilingual Matters*, 1998. – 143 p.
- 199 Holmes J, Van den Broeck R., eds. *Translated! Papers on literary translation and Translation Studies // Approaches to Translation Studies*. – Amsterdam: Rodopi, 1988. – Vol.7. – P. 45-52.
- 200 Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. - John Benjamins Publishing, 1995. 311 p.
- 201 Aixelá F.J. *Culture-Specific Items in Translation // Translation, Power, Subversion*. – Clevedon: *Multilingual Matters*, 1996. – P. 52-78.
- 202 Абаган А.Б. Корей фразеологизмдерін қазақ тіліне аударудың лингвомәдени қыры (корей фильмдерін аудару тажірибесінен). дисс. ... философия док. (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Алматы: Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, 2018. – 217 б.

- 203 Қазыбек Г.Қ. Көркем аударма. – Алматы, Қазақ университеті, 2017. – 100 б.
- 204 Ислам А. Языковая картина мира в контексте национальной культуры (сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ) д.филол.н. – Алматы, 2004. – 336 с.
- 205 Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
- 206 Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение. 2-е издание. – Москва. Юрайт, 2020. – 207 с.
- 207 Glaz A. Languages–Cultures–Worldviews: Focus on Translation. – Springer International Publishing, 2019. – 440 p.
- 208 Манапбаева Ж.Ж. С. Елубайдың “Ақ боз үй” романындағы ұлттық реалиялардың орыс және ағылшын тілдеріндегі аудармаларының барабарлығы. дисс. ... философия док. (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Алматы: Казахский национальный университет имени Аль Фараби, 2022. – 423 б.
- 209 Алшипбаева Ж.К. Көркем мәтіндегі фразеологизмдердің этномәдени семантикасы және оның тіларалық берілуі (қазақ және ағылшын тілдері материалдары негізінде). дисс. ... философия док. (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Пұр–Сұлтан, 2022. – 155 б.
- 210 Алпысбаева А.Е. Мағжан Жұмабаев поэзиясының үш тілдегі (түрік, орыс, ағылшын) аудармаларының лингвомәдени аспектісі. дисс. ... философия док. (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Алматы, 2022. – 306 б.
- 211 Жумабекова А.К. Лингвокультурологические особенности прямого и косвенного перевода рассказа М. Ауэзова «Красавица в трауре» на русский и английский языки // Язык и культура. – Томск, 2019. – № 47. – С. 21–35.
- 212 Жумабекова А.К. Научные исследования по переводоведению в казахстане: новейший период // Известия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана. Серия Филологическая. – КазУМОиМЯ имени Абылай хана, 2022. – Том 66, № 3.
- 213 Бахтин М.М. Слово о романе. Серия «Sacrum». – СПб, ООО «Издательство Пальмира», 2017. – 229 с.
- 214 Genette G., Narrative Discourse Revisited, trans. J. Lewin. – Cornell University Press, 1988. – 175 p.
- 215 Fisher W. R. Human Communication as Narration: Toward a Philosophy of Reason. Series: Studies in Rhetoric and Communication. – USA: University of South Carolina Press, 1989. – 220 p.
- 216 Egbert J., Biber D., Gray, B. Designing and Evaluating Language Corpora: A Practical Framework for Corpus Representativeness. – Cambridge University Press, 2022. – 250 p.
- 217 Conrad S., Biber D., Reppen R. Corpus linguistics: investigating language structure and use. – Cambridge University Press, 1998. – 300 p.
- 218 U.S. Citizenship and Immigration Services. Consideration of Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA). National Immigration Law Center, 2021.

<https://immigrationequality.org/legal/legal-help/other-paths-to-status/deferred-action-for-childhood-arrivals-daca/> 12.09.2019.

219 Budiman A. Key Findings about U.S. Immigrants. – Pew Research Center, 2020. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2020/08/20/key-findings-about-u-s-immigrants/> .2.09.2019.

220 Batalova J., Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States. –Migration Policy Institute, 2024. <https://www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states-2024>. 15.09.2019.

221 Каримова К.К. Переводческие трансформации: от теории к практике (на материале романа-эпопеи М.О.Ауэзова «Абай жолы» и его перевода на русский и английский языки). – ИНЕУ, Павлодар, 2019. – 226 с.

222 Таи Э. Сто тайных чувств. Пер.: А.Патрикеевой. – М.: Б.С.Г.Пресс, 2003. – 458 с.

223 Бахтин М.М., Бочаров С.Г. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.

224 Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. –М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

225 Джундубаева А.А. Обращение к мифу в современном казахстанском рассказе как постмодернистская стратегия наррации // Вестник КазНПУ им.Абая. Серия Филологические науки. – Алматы, 2015. –Т. 2, № 52. – С. 123-126.

226 Selim S. The Narrative Craft: realism and fiction in the Arabic canon // Journal of M.E. Literatures. – Edebiyat, 2003. – Vol 14, № 1. – P. 109-128.

227 Gouws R.H., Prinsloo D.J. What to say about mañana, totems and dragons in a bilingual dictionary? The case of surrogate equivalence // Proceedings of the XIII EURALEX International Congress. – Barcelona: IULA, 2008. – P. 869-877.

228 Otwell O. Narrative Paths: African Travel in Modern Fiction and Nonfiction. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. – 330 p.

229 Plaks A.II. Chinese Narrative: Critical and Theoretical Essays. – Princeton University Press, 2014. – 380 p.

230 Weststeijn W.G. Review Article: New Russian Literary History // Russian Literature, 2023.– Vol. 142. – P. 161-187.

231 Altman R. A Theory of Narrative. – Columbia University Press, 2008. – 377 p.

232 Rimmon-Kenan S. Narrative Fiction: Contemporary Poetics. – Taylor & Francis, 2003. – 208 p.

233 Toolan M.J. The stylistics of fiction: a literary-linguistic approach. – Routledge, 1990. – 339 p.

234 Джуанышбеков Н. Введение в литературоведение. – Алматы: Зан әдебиеті, 2010. – 308 с.

235 Lahiri J. Unaccustomed Earth. – Knopf, 2008. – 352 p.

236 Лахири Д. Тезка. Пер.: П.Галь. – Издательство: Иностранка, 2010. – 352 с.

- 237 Okparanta C. *Under the Udala trees*. – Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2015. – 283 p.
- 238 Hopkinson N. *The Salt Roads*. – Grand Central Publishing, 2004. – 416 p.
- 239 Danticat E. *Brother, I'm Dying*. – Vintage, 2008. – 288 p.
- 240 Vuong O. *On Earth We're Briefly Gorgeous*. – Penguin Press, 2019. – 186 p.
- 241 Диас Д. Короткая фантастическая жизнь Оскара Вау. Пер: Полецкая Е. – Фантом Пресс, 2022. – 384 с.
- 242 Adichie C.N. *Half of a Yellow Sun*. – Vintage Canada, 2007. – 538 p.
- 243 Адичи Н.Ч. Половина желтого солнца. Пер. М.Извекова, – Фантом Пресс. 2011. – 397 с.
- 244 Тимачев П.В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха: на материале английского языка. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – Волгоград, 2005. – 179 с.
- 245 Исабеков С.Е. Картина мира во фразеологических единицах неродственных языков // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации и перевода: Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, КазГУМОиМЯ им. Абылай хана, 2001. – С. 334-340.
- 246 Шайбакова Д.Д. Двуязычие и его основные аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции // Инновационные технологии в теории и практике преподавания языка и литературы: проблемы и пути решения. Секция VI «Педагогические измерения в учебном процессе: содержание и технологии». – Астана, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2009. – С. 319–322.
- 247 Benet-Martínez V., Leu J., Lee F., Morris M.W. *Negotiating biculturalism: Cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – SAGE, 2002. – Vol. 33. – P. 492–516.
- 248 LaFromboise T., Coleman II. L., Gerton J. *Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory* // – *Psychological Bulletin*. American Psychological Association, 1993. – Vol. 114. – P. 395–412.
- 249 Shell M, Sollors W. *The Multilingual Anthology of American Literature: A Reader of Original Texts with English Translations*. – NYU Press, 2000. – 750 p.
- 250 Rosenwald L.A. *Multilingual America: Language and the Making of American Literature*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. – Cambridge University Press, 2008. – 174 p.
- 251 Rein I. *The Imperial Wife*. – St Martin's Press, 2016. – 322 p.
- 252 Henriquez C. *Come Together, Fall Apart*. – New York: Riverhead, 2006. – 196 p.
- 253 Guerrero J. *Crux: A Cross-Border Memoir*. – NOOK Book, 2018. – 352 p.

- 254 Hosseini K. *The Kite Runner*. – Afghan Mellat Online Library, 2003. – 374 p.
- 255 Anaya R. *Bless Me, Ultima*. – New York: Grand Central Pub, 1994. – 262 p.
- 256 Kahf M. *The Girl in the Tangerine Scarf*. – Carrol and Graf Publishers, 2006. – 376 p.
- 257 Grushin O. *The Dream Life of Sukhanov*. – Penguin Books, 2007. – 306 p.
- 258 Canagarajah S. Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging // *The Modern Language Journal*. – Wiley-Blackwell, 2011. – Vol. 95, № 3. – P. 401-417.
- 259 Young V. A., Barrett R. *Other People's English: Code-Meshing, Code-Switching, and African American Literacy*. – Parlor Press, 2018. – 201 p.
- 260 Liu J. China English and its Linguistic Features. // *The International Journal of Language Society and Culture*. – Katibeh-ILCRG, 2008. – Vol. 25. – P. 27-36.
- 261 Stavans I. *Spanglish: The Making of a New American Language*. – HarperCollins, 2003. – 288 p.
- 262 Alvarez J. *In the Time of the Butterflies*. – Chapel Hill, NC: Algonquin of Chapel Hill, 1994. – 325 p.
- 263 Hancock I.F. Bridging the Gap: Pidgin and Creole Studies and Literary Theory. // *Creole Genesis, Attitudes and Discourse: Studies Celebrating Charlene J. Sato*, ed. John R. Rickford and S.Romaine, J.Benjamins. – Publishing Company, 1999. – P. 17-36.
- 264 Webb B.J. Language and Literacy in Indigenous Literature in the Pacific Northwest // *Translation Review*, 2005. – Vol. 70, № 1. – P. 31-39.
- 265 Sebba M. Creolization, Colonization, and Globalization: The Creolizing Subject // *Journal of Pidgin and Creole Languages*, 2002. – Vol. 17, № 1. – P. 1-25.
- 266 Lowenberg P.H. African Creoles and Creolistics: Some Introductory Remarks // *African Language Studies*, 1962. – Vol. 3, № 1. – P. 33-38.
- 267 Lowenberg P.H. Translation as Adaptation // *Target*, 1993. – Vol. 5, № 1. – P. 63-77.
- 268 Bakhtin M. *Rabelais and His World*. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – 303-436 P.
- 269 Taiwo O. Morphology Syntax Interaction in the Derivation of Nominal Compounds in Yoruba. // *International Journal of Language Studies*. – University of Pisa, 2008. – Vol. 8, №1. – P. 49-74.
- 270 Jen G. *Who's Irish? Stories*. – New York: Vintage Contemporaries, 2000. – 224 p.
- 271 Kwok J. *Girl In Translation*. – New York: Riverhead Books, 2010. – 320 p.
- 272 Мухтарова С.С. Особенности безэквивалентности в лексическом пространстве казахского, русского, английского языков (на материале переводов художественной литературы). дисс. ... канд.филол.наук:10.02.20 -

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2021. – 180 с.

273 Cao L. *Monkey Bridge*. – Penguin Books, 1998. – 260 p.

274 Chu L. *Eat a Bowl of Tea*. – University of Washington Press, 2020. – 290 p.

275 Barthes R. *Image, Music, Text*. – Fontana Press, 1977. – 220 p.

276 Алтыбаева С., Шевякова Т. Интеркультуральные коды Пространства и Времени в рассказе «Шамбала сияющая» Николая Рериха. // *humanistica* 21. – Wydawnictwo ULT w Świeciu, 2019. – Vol. 3. – С. 335-356.

277 Tan A. *The Kitchen God's Wife*. – Penguin Books, 2006. – 416 p.

278 Kingston M.H. *Tripmaster Monkey: His Fake Book*. – Vintage 1990, – 352 p.

279 Stromberg D. *Russian as an American Language: A Conversation with Anya Ulinich* // ZEEK archive. www.zeek.net/703book/index.php?page=2. 07.03.20.

280 Kim E. *Asian American Literature: An Introduction to the Writings and Their Social Context*. – Temple University Press, 1982. – 387 p.

281 Firmat P. *Life on the Hyphen: The Cuban–American Way*. – University of Texas Press, 1994. – 240 p.

282 Herrera–Sobek M. *Hispanic Literature of the United States: A Comprehensive Reference*. – University of California Press, 2003. – 328 p.

283 Sanchez M.E. *A Translational Turn: Latinx Literature Into the Mainstream*. – University of Pittsburgh Press, 2019. – 176 p.

284 Ryan P.M. *Esperanza Rising*. – Scholastic, 2000. – 181 p.

285 Райан П.М. Эсперанса. Пер.: М.Прохорова. – Изд.Текст, 2008. – 316 с.

286 Адичи Ч.Н. Американха. Пер: Мартынова Ш. – Фантом Пресс, 2017. – 640 с.

287 Besemeres M. *Emotions in Bilingual Life Narratives* // *Language and Bilingual Cognition: A Different Way of Thinking*. Chapter 5. – Taylor & Francis, 2010. – P. 479–506.

288 Altarriba J., Morier R.G. *Bilingualism: Language, Emotion, and Mental Health* // *The Handbook of Bilingualism*, Chapter 10. – Blackwell Publishing, 2006. – P.250 – 280.

289 Хоссейни Х. Бегущий за ветром. Пер.: Соколов С. – Фантом-Пресс, 2021. – 416 с.

290 Dewaele J.-M. *The Emotional Weight of I Love You in Multilinguals' Languages* // *Journal of Pragmatics*. – Elsevier, 2008. – Vol. 40, № 10. – P. 1753–1780.

291 Shteyngart G. *Absurdistan*. – Random House Trade Paperbacks, 2006. – 352 p.

292 Штейнгарт Г. Абсурдистан. Пер.: Фрадкин Е. – Амфора, 2007. – 476 с.

- 293 Грушина О. Жизнь Суханова в свидениях. Пер.: Петрова Е. – Эксмо, 2011. – 398 с.
- 294 Форд Д. Отель на перекрестке радости и горечи. Пер.: Извекова М. – Фантом Пресс, 2012. – 384 с.
- 295 Manuel J., Brindley S. Teenagers and Reading: Literary Heritages, Cultural Contexts and Contemporary Reading Practices. – Wakefield Press, 2012. – 289 p.
- 296 Диаз Д. Короткая чудесная жизнь Оскара Вао. Пер.: Егоров-Афанасич А. – Проза.Ру, 2014. <https://proza.ru/2014/07/19/1295>. 13.06.2020.
- 297 Chan T.-H. Translating Bilingualty: Theorizing Translation in the Post-Babelian Era. // *The Translator*. – Taylor & Francis, 2002. – Vol. 8, № 1. – P. 49–72.
- 298 Nafisi A. Reading Lolita In Tehran: a memoir in books. – Random House, 2015. – 356 p.
- 299 Нафиси А. Читая Лолиту в Тегеране. Пер.: Змеева Ю. – Livebook, 2024. – 656 с.
- 300 Лахири Д. На новой земле. Пер.: Галль А. – Иностранка, 2011. – 432 с.
- 301 Ting-Toomey S., Tenzin D. Language, Identity, and Culture: Multiple Identity-Based Perspectives // *The Oxford Handbook of Language and Social Psychology*, Oxford Library of Psychology. Ed. T.M. Holtgraves. – Oxford Academic, 2014. online edn. – P. 27–45.
- 302 Smith-Christmas C. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. 1st ed. – Palgrave Pivot, 2016. – 149 p.
- 303 See L. Shanghai girls. – Random House, 2010. – 322 P.
- 304 Си Л. Девушки из Шанхая. Пер.: Горянина. – Аркадия, 2019. – 464 с.
- 305 Штейнгатт Г. Супергрустная история настоящей любви. Пер.: Грызунова А. – Эксмо, 2012. – 384 с.
- 306 Berman A. Translation and the Trials of the Foreign. Trans.: L.Venuti // *The Translation Studies Reader*. – SUNY Press, 2021. – P. 282-295.
- 307 Johnson B. The Critical Difference: Essays in the Contemporary Rhetoric of Reading. – Johns Hopkins University Press, 1981. – 156 p.
- 308 Foer J.S. Everything is Illuminated. – Mariner Books, 2015. – 288 p.
- 309 Чжэнь Г. Это я – ирландка? Пер.: Власова А. – Иностранная литература, 2002. – 196 с.
- 310 Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. – UK: Taylor & Francis, 2016. – 134 p.
- 311 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974. – 216 с.
- 312 Фоер Д.С. Полная иллюминация. Пер.: В.Аркинов. – Эксмо, 2014. – 400 с.
- 313 Минь Л. Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения // *Педагогическое образование в России*. – Екатеринбург, 2010. – №4. – С. 98-105.

- 314 Богомазов Г.М. Некоторые типичные ошибки на сочетания русских согласных в речи иностранцев // Очерки по методике преподавания русского языка иностранца. Москва, 1970. № 3. – С.141-166.
- 315 Сейденова С.Д., Манапбаева Ж. Көркем шығармадағы реалиялардың қызметі (Смағұл Елубайдың «Ақ боз үй» романы негізінде) // ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. – КазНУ им. Аль-Фараби, 2018. - №2.– Б. 52-57.
- 316 Жусупова А.У. Проблема перевода этнокультурной идентичности в трилогии А. Пурпеисова *Кровь и пот*. дисс. ... доктора философии (PhD): 6D020700 – Переводческое дело. – Алматы: Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, 2020. – 162 с.
- 317 Varpuar L. *Still Here*. – Hogarth, 2016. –320 p.
- 318 Вапняр Л. Пока еще здесь. Пер.: Глезерова М. – Corpus, 2019. – 384 с.
- 319 Квок Д. Девушка в переводе. Пер.: Александрова М. – АСТ, 2021. – 352 с.
- 320 Edo M., Manapbayeva Z. Pragmatic factors in the use of in-text additions as a technique for translating realia in literary translation. // *SKASE Journal of Translation and Interpretation*, 2021, – Vol. 14, № 1. – P. 109-127.
- 321 Hemon A, *Nowhere Man*. – Vintage, 2004. – 256 p.
- 322 Тан Э. Клуб радости и удачи. Пер. с англ. Савоскул О. – СПб.6 Амфора, 2007. – 414 с.
- 323 Каримова К.К. Трансформация лингвокультурем романа М.О.Ауэзова «Абай жолы» при прямом и опосредованном переводе. автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.19– Теория языка. – Алматы, 2008. – 29 с.
- 324 Ndiaye I. A. O translokacji nomina propria w dziele literackim (na przykładzie polskich tłumaczeń powieści *Doktor Żywago* Borisa Pasternaka). *Acta Neophilologica*. UWM Olsztyn, 2019. – Vol.2, №XXI, – P. 187–200
- 325 Фирдоуси Х. Библиотека героического эпоса. В 10–ти томах. Том 7. Шахнаме. Пер.: Липкин С.И. – Книговек, 2010. – 480 с.
- 326 Аккалиева А.Ф. Перевод романа–трилогии С.Елубаева «Ақ боз үй» на русский и английский языки. дисс. ... док.философии (PhD): 6D020700 – Переводческое Дело. Нур–Султан: Евразийский нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, 2021. – 188 с.
- 327 Coates T.N. *The Water Dancer*. – Yilin Press, 2023. – 459 p.
- 328 Коутс Т.Н. Танцующий на воде. Пер.: Фокина М. – Клевер Медия Групп, 2020. – 544 с.
- 329 Бархударова Е.Л. Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестник Московского университета. Серия «Филология». – Москва, 2012. – № 6. – С. 57-70.
- 330 Голованова Я.В. Средства изображения иностранных акцентов в оригинале и переводе (на материале английского и русского языков) // Вестник

СПбГУ. Серия «Язык и литература». – Санкт-Петербург, 2010. – № 9. – С. 135-140.

331 Лэй Л. Компенсационная тактика культурных лакун при переводе с китайского языка на русский (на материале перевода сборника «Ляо чжай чжи ю») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Гуманитарные науки». – МГЛУ, 2022. – №13 (868). – С. 125-132.

332 Bassnett S. *Translation Studies* (4th ed.). – Routledge, 2013. – 208 P.

333 Гочев Г. Модуляция как переводческая трансформация // *Acta Universitatis Lodzianis. – Folia Linguistica Rossica*, 2012. – № 8, – P. 43–49.

334 Сейденова С.Д. Практикум по письменному переводу: учебное пособие. – Алматы: Қазак Университеті, 2015. – 138 с.

335 Gentzler E. *Translation and Identity in the Americas. New Directions in Translation Theory*. – Routledge, 2008. – 232 p.

336 Виоградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – 157 с.

337 Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.

338 Радченко О.А. Язык как мироздание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1–2. М., Мегатекст, 1997. – 310 с.

339 Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

340 Жұмай Н. Жазушы тілдік тұлғасының аудармада берілуі (О. Бөкей шығармалары негізінде). дисс. ... док. философии (PhD): 6D020700 - Аударма ісі. Нұр-Сұлтан, Л. Н. Гумилев аты. Еуразия ұлттық ун-ті, 2021. – 173 б.

341 Vinay J.P., Darbelnet J. A methodology for translation. // *The translation studies reader*, Ed. L. Venuti. – London: Routledge, 1995. – P. 84–93.

342 Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

343 Hoseini H. *A thousand splendid suns*. – Riverhead Books, 2007. – 372 p.

344 Хоссейни Х. Тысяча сияющих солнц. Пер.: Соколов С. – Фантом Пресс, 2018. – 416 с.

345 Alvares J. *How the García Girls Lost Their Accents*. – Algonquin Books, 2010. – 336 p.

346 Альварес Х. Девочки Гарсиа. Пер.: Карцивадзе Л.А. – Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 320 с.

347 Ахметжанова З.К. Очерки по национальной концептологии. – Алматы: Елтаным, 2012. – 147 с.

348 Демесипова Н.Х. Лексические и морфологические интерференции в русской речи казахов-билингв. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 120 с.

349 Lahiri J. *Interpreter of Maladies*. – Mariner; Reprint edition, 2019. – 208 p.

350 Лахири Д. Толкователь болезней. Пер.: Рыбакова Е. – Аркадия, 2019. – 256 с.

- 351 Сарыбасв Ш.Ш. Қазак тіл білімінің мәселелері (одағай). – S. Toraıghytov atyndaghy Pavlodar memleketтік universiteti, 2010. – 183 б.
- 352 Сиснерос С. Дом на Манго-стрит. Пер.: Зайнуллина. – Like Book, 2019. – 128 с.
- 353 Eugenides J. Middlesex. – Domingo Yayınevi, 2015. – 605 p.
- 354 Torres L. In the Contact Zone: Code-Switching Strategies by Latino/a Writers // MELUS, Oxford University Press, 2007. – Vol.32, № 1. – P. 75–96.
- 355 Lipski J. M. Latin American Spanish. – United Kingdom: Longman, 1994. – 426 p.
- 356 Lee J., Zhou M. The Asian American Achievement Paradox. United States: Russell Sage Foundation, 2015. – 266 p.
- 357 Кашкин И.А. Для читателя–современника: статьи и исследования. – М.: Советский писатель, 1977. – 560 с.
- 358 Reiss K. Adequacy and Equivalence in Translation // The Bible Translator. The United Bible Societies, 1983. – Vol.34, № 3, P. 301–308.
- 359 Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002, – 424 с.
- 360 Кулемина К.В. Эквивалентность и адекватность в переводах поэтических текстов. дисс. ... канд.фил.наук: 10.02.20. – Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. –185 с.
- 361 Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. – SAGE Publications, 2001. – 596 p.
- 362 Алимova М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2012. – № 2. – С. 47–52.
- 363 Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. – Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
- 364 Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.